

Текст дан по соответствующему пособию вышедшему
в издательстве «МАКС Пресс», М., 2002 г., 164 с.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

Факультет государственного управления
Кафедра философии и методологии науки

Киселёв В.Н.

Ф И Л О С О Ф И Я:
программа с методическими рекомендациями

Москва 2002 г.

Р е ц е н з е н т ы:

профессор, д-р филос. наук А.В. Кезин,

профессор, д-р филос. наук Н.В. Агафонова

Киселёв В.Н.

Философия: программа с методическими рекомендациями. – М., 2002. – 150 с.

Настоящая программа подготовлена автором на материале теоретических и практических занятий по курсу «Философия» на химическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Программа рассчитана на двухсеместровое изучение философии, предполагающее еженедельные лекционные (2 ч.) и семинарские (2 ч.) занятия. Программа соответствует государственным стандартам по курсу «Философия» и отражает реальную практику преподавания философии на химическом факультете МГУ последних десяти лет. Для данного курса характерна четкая фиксация и рефлексия дифференциации и интеграции различных принципов и оснований университетского преподавания философии в России. Таким образом, программа составлена с учетом специфики химического факультета, особенностей преподавания философии в МГУ и традиции отечественной философской культуры в целом.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1. Объяснительная записка: Место и роль философии в культуре.....	6
• Место и роль философии в традиции европейской системы образования.....	6
• Наука и философия.....	12
• Логика (одна из философских дисциплин) - фундамент науки и образования.....	18
2. Организационные и содержательные особенности курса «Философия» для студентов химического факультета МГУ.....	26
• Организационные особенности курса.....	26
• Содержательные особенности курса.....	31
3. Общие методические рекомендации к курсу «Философия».....	45
• Для преподавателей.....	45
• Для студентов.....	85
4. Учебно-методические основания восприятия лекционного курса, подготовки к семинарским занятиям и успешной сдаче экзамена по философии.....	90
• Лекционный курс.....	91
• Семинарские занятия.....	109
• Экзамен.....	118
5. Примерный план лекционного курса «Философия» для химического факультета.....	127
6. Планы семинарских занятий по философии.....	138
7. Экзаменационные вопросы.....	146
• Для студентов.....	146
• Для поступающих в аспирантуру.....	147
8. Список литературы и электронных текстов.....	149

Введение

Данное пособие предназначено для студентов, осваивающих учебный курс в форме теоретических и практических занятий, и преподавателей, ведущих семинарские занятия, по курсу «Философия» на химическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

Пособие отражает реальную практику и традицию преподавания философии на химическом факультете МГУ последних десяти лет. Источником этой традиции являются, в первую очередь, лекционные курсы А.В. Кезина, А.С. Надточаева, Н.М. Сидоровой, О.Д. Волкогоновой, В.Н. Киселёва, прочитанные за период 1991-2001 гг. на химическом факультете, и семинарские занятия под руководством преподавателей и аспирантов кафедры философии и методологии науки факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

В пособии учтена специфика курса «Философия» на химическом факультете, особенности преподавания данной дисциплины в МГУ, а также традиция отечественной философской культуры в целом. Поэтому содержание пособия **может представлять интерес** не только для студентов и преподавателей химического факультета МГУ, но и для всех тех, кто связан с изучением и преподаванием философии. Интерес для широкой общественности может быть связан с живой конкретной традицией преподавания философии в ведущем Вузе России, а не с абстрактной программой, рассчитанной на все случаи жизни и все времена¹. Пособие строго привязано к определенному

¹ Что в преподавании философии в Московском университете может представлять интерес для широкой читательской аудитории?

Если речь заходит об интересе к чему-либо, значит, это что-то обладает некоторым *содержанием*, привлекающим к себе внимание. Но что обуславливает это содержание? Давно известно, что *содержание* определяется *формой*. Например, И. Кант выдвинул принцип, «что содержание пассивно, а форма активна», следствием чего является положение, «что если нет определенной формы, то и содержания не будет». Поэтому интерес к преподаванию философии в МГУ может быть обусловлен исключительно некоторыми формально-организационными особенностями, специфичными только для Московского университета, но в этой специфичности выступающими в качестве общих принципов для других явлений философии в России.

Каковы же специфические формально-организационные особенности существования философии в МГУ?

Перечислим их. Во-первых, самая большая в России численность дипломированных философов, работающих в одной организации. Во-вторых, философию преподают на всех уровнях системы образования: среднем и довузовском, общем (не философском) высшем, специальном (философском) высшем, аспирантуре (не философской и философской), послевузовском (повышение квалификации и для философов, и нефилософов). В-третьих, преподается «весь» или максимально широкий по охвату универсум философских дисциплин, причем, по части дисциплин преподавание осуществляется по нескольким программам. В-четвертых, проводится самая большая философская научная работа: по всем специальностям философии имеются диссертационные советы (по

месту, Московскому университету, и к определенному времени, 90 гг. XX в. – началу XXI в.

Дидактически изложение программы курса «Философия» для студентов химического факультета МГУ строится, во-первых, на основе определенных организационных форм проведения занятий и отчетности и рекомендуемой, им соответствующей, учебно-методической литературы, во-вторых, на реальной временной дифференцированности в педагогическом процессе основных элементов данного учебного курса: лекции, семинарские занятия и экзамен. Поэтому программа состоит из введения, пояснительной записки, перечня организационных и содержательных особенностей курса, некоторых методических рекомендаций к лекциям, семинарским занятиям и экзамену, плана лекционного курса, планов семинарских занятий, экзаменационных вопросов, списка литературы к курсу. *Изложение будет осуществляться от формально-организационных особенностей тех или иных элементов нашего курса философии к их содержанию* (в определенной степени это микроисследование влияния формы на содержание).

Автор пособия выражает глубокую признательность и сердечную благодарность всем сотрудникам нашей кафедры, без участия которых многое в его судьбе не состоялось бы. Особая благодарность – заведующему нашей кафедры Анатолию Владимировичу Кезину.

некоторым специальностям несколько советов), осуществляется плодотворное научное сотрудничество с учеными кадрами различных факультетов МГУ, что обуславливает и такое явление, как многочисленную армию философствующих нефилософов и т. д. В-пятых, самая продолжительная историческая традиция существования философии в России. В-шестых, Московский университет – первое (как по времени, так и по степени профессионализма) учебное заведение, систематически осуществляющее профессиональную подготовку философов в России.

Понятно, что *все* эти признаки никогда не смогут *одновременно* проявиться в одном каком-либо курсе философии МГУ. Однако их отчасти случайное, отчасти целенаправленное пересечение в одном каком-либо курсе порождает значимое, содержательно ценное явление для всей философии в России. И здесь, конечно, случайности принадлежит решающая роль, так как «свита делает короля». Ведь ни один самый талантливый преподаватель философии, работающий в МГУ не важно на какой должности (простой профессор, зав. кафедры, декан) не в состоянии в одиночку организовать всю жизнь философии в университете, да и все вместе философы МГУ не в состоянии это сделать. Это известный процесс по проблеме отчуждения человеческой деятельности, «когда то, что создано людьми, является их творением, опредмечивается (в нашем случае в виде формально-организационной структуры философии в МГУ) и уже само в таком виде создает тех людей, которые создали его, соответственно и **содержание их дальнейшей деятельности**».

1. Объяснительная записка: Место и роль философии в культуре

Студенческое высказывание: «Нам то философия зачем, понятно – незачем; а им (философам) она зачем?...». В данном категорическом суждении, именно суждении, а не вопросе¹ представлено не мнение отдельного *необразованного* студента в начале обучения, а господствующее в современной российской культуре отношение к философии. Не редкость подобные высказывания о философии даже у некоторых российских академиков, особенно от естествознания.

Такое отношение к философии в современном обществе демонстрирует отсутствие элементарной культуры и образованности, незнание и непонимание той традиции, которая является фундаментом современной цивилизации, не осознание сильных и слабых сторон ее. Во многом это результат не самопроизвольного развития культуры, а политических, экономических, социальных и идеологических манипуляций, нарушающих естественную преемственность в развитии традиции и подрывающих перспективу успешного существования цивилизации.

Основы современной европейской цивилизации, к которой принадлежит и Россия, были заложены в античной Греции. Начиная с середины пятого века до рождества Христова, философия стала *сердцевиной* античной, а затем и европейской культуры и остается ею по сей день. Это нашло отражение и в христианской религии, и морали, и европейском искусстве, и политике, и идеологии, и т. д. Философия определила и традиции *европейского образования и науки*.

Место и роль философии в традиции европейской системы образования. *Античность.* В середине V в. до н. э. в античной жизни происходят существенные изменения, которые затронули и образование. Эти изменения в первую очередь связаны с деятельностью софистов. Софисты - это платные учителя мудрости, в основном риторики и логики. Поэтому исследователи иногда называют их античными просветителями. В любом обществе есть силы, которые осуществляют «просветительскую» деятельность, т. е. передают молодежи знания, необходимые для *эффективной совместной жизнедеятельности* (условно эти знания можно отнести к тому, что усваивается на современной средней ступени образования). До софистов такими «просветителями» являлись поэты, писатели, драматурги, основным средством которых было воздействие на эмоции, переживания, эстетические чувства. Но с изменением условий жизни, когда требовалось публично обосновать, доказать, опровергнуть ту или иную точку зрения, понадобились рациональные средства логики и риторики, которые до этого уже использовались философией. Поэтому можно считать, что с деятельности софистов в европейской традиции начинается профессиональная философия.

¹ На самом деле фраза «зачем философия философам?» является риторическим приемом, выражающим не вопрос, а утверждение, подчеркивающее то, что фиксируется в первой части высказывания – «Нам философия незачем».

Необходимо было готовить профессиональных преподавателей логики и риторики, и развивать теоретические основания этих дисциплин. Так складываются многочисленные софистические школы. Их отличительной чертой является относительный демократизм, открытость, публичность и др. Однако платность софистических школ ограничивала возможность просвещения всего населения Древней Греции, а также ценность средств философии: логика у софистов порой превращалась из средства отыскания и раскрытия истины в ловкое орудие манипулирования знанием, превращения правды в ложь или лжи в правду в зависимости от ситуации. В противовес софистическим создавались философские школы, стремившиеся вернуть логике ее первоначальную роль – средства поиска истины. Лидерами данного процесса были Сократ, Платон и Аристотель. Эти школы с конца V в. до н. э. и до указа императора Юстиниана о закрытии философских школ (529 г. н. э.) оставались основной формой образования в античной европейской культуре.

В Риме же заключительным, высшим этапом было обучение у ритора. Ни философия, ни математика в Риме не изучалась. Для завершения образования богатые и знатные римляне на 2-3 года отправлялись в Грецию. Таким образом, в античной культуре философские и риторические школы организационно были основой системы общего и специального образования (философские школы были основой, как бы мы сегодня назвали, среднего и высшего образования, начальную подготовку необходимо уже было иметь), где философия и соответствующие школы занимали более весомое положение по сравнению с другими дисциплинами и школами.

Такую роль философии в системе образования можно объяснить следующим образом. Как философия (в подлинном смысле), так и светское образование возможны только в условиях определенной политической свободы. Это обстоятельство всегда сводило их. К тому же, с одной стороны, специфика исследования категорий требовала от философов энциклопедического многознания (образованности), поскольку философская деятельность - познание, исследование рациональными средствами (Логикой) *природы* (объективной основы) категорий. Данное обстоятельство способствовало развитию образования. С другой стороны, эффективность образования во многом зависит от степени целостности, систематичности, структурированности того знания, которое преподается, а это хорошее подспорье в философской деятельности по исследованию категорий. Политическая свобода и светское образование стимулировали развитие и упрочение рациональных средств и методов человеческой деятельности, в том числе и логики. Сближение философии и образования было осуществлено еще в античной греческой культуре. Наиболее яркие примеры этому - Пифагорейский союз, Академия Платона, Ликей Аристотеля (Перипат), «Сад» Эпикура, «Портик» стоиков и др.

Средневековье. «Разделение между христианством и греко-римским миром в истории педагогики может быть сочтено неудачным для обеих сторон. Греко-римское образование (*paideia*) и христианство представлялись двумя отдельными достижениями, одно из которых неизбежно вело к другому.

Образование (paideia), однако, не рассматривалось больше как всеохватывающий высший образец аристократической жизни. Оно виделось совершенно необходимой первой ступенью в жизни христианина, начальной школой христианского характера. Результаты и выгоды этого для христиан четвертого века были очевидны – как и язычники, они испытывали потребность в классической литературе и мифологии. Говоря словами Э. Хэч, «христианство пришло на уже подготовленную для него почву. Образование было широко распространено в греческом мире среди всех классов общества. Это не просто породило привычку к исследованию, являющемуся основанием философии, но научало также определенным философским методам...». Образование (paideia) было делом трудным. Оно было не недоступной принадлежностью богатых свободных классов, но блестящим конспектом трудоемких навыков социальной жизни; единым подлинным кодом, управлявшим поведением власть имущих, дающим пропуск в «свой круг». Древняя пайдейя предлагала для учащихся руководство, распространявшееся из греко-римской истории и литературы на серьезные темы, - руководство, которое ни христианин, ни политеист, ни епископ, ни мирянин не мог решиться игнорировать. Согласно Э. Доддсу, ”и христиане и язычники были одинаково школярами: они не могли бросить вызов авторитету древних текстов; они могли лишь уклониться от него, вчитывая в эти тексты свои собственные мысли”»¹.

Говоря о специфике системы европейского образования, заложенного в средневековье, нужно учитывать следующее. «Мы говорим – «образованный человек», но в средние века сказали бы – «клирик», человек Церкви. Клирики во всем отличались от прочих людей. Они и одевались по-другому, и тонзуру на макушке выбривали, им запрещалось жениться, проливать кровь, торговать. Они были ближе к Богу, обладая магической силой свершать таинства, претворяя вино в кровь, а хлеб – в плоть Господню. Много острили по поводу монаха-обжоры, жадного попа, продажного Рима. Но духовное сословие до самого конца средневековья почиталось самым важным в обществе: ведь без их молитв не было бы ни небесного покровительства королевству, ни спасения души каждого человека. А что могло быть важнее? Семьи у клириков не было, знания не передавались от отца к сыну: чтобы стать клириком, надо было учиться, надо было получить образование, как сказали бы мы теперь. Иначе говоря, наши современные университеты, гимназии, школы уходят своими корнями в средневековье. Они – прямые потомки тех заведений, что были созданы для подготовки священников и монахов»².

С появлением университетов в XIII в. и городских школ увеличилась доля светского элемента в образовании: в некоторых местностях начинают преподавать национальный язык, наибольший приток студентов испытывают философский, медицинский, юридический факультеты. Университеты

¹ От глиняной таблички – к университету: Образовательные системы Востока и Запада в эпоху Древности и Средневековья. – М., 1998. – С. 427-428.

² Уваров П.Ю. Школа и образование на Западе в средние века // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. – М., 1996. – С. 371-372.

изначально имели не чисто религиозную направленность (хотя теологические факультеты существуют в них до наших дней), а общекультурный, универсальный, отсюда и более рациональный характер. Создание схоластической единой картины мира и единой системы наук не помешало именно в XII-XIII в. выделению многих дисциплин из общего потока, как бы перекрываемого философией. Так, особое место отводила себе логика и стала играть наиболее заметную роль в образовании.

Схоластика создала новую центральную форму европейской системы образования, остающейся таковой и сегодня. Если в античной культуре философские школы организационно были основой системы образования, то в период схоластики и в дальнейшем университеты стали в культуре шире и важнее философии. При этом философии в университетском образовании отводилась базовая функция. Факультет искусств по сути был общеобразовательным, в его программе доминировали философские дисциплины, поэтому факультет искусств уже в XIII-XIV в. вполне заслуживал названия философского факультета¹.

Новое время. Схема развития отношений между философией, наукой и университетом может быть представлен так. Конец эпохи возрождения в европейской культуре характеризуется так называемой «научной революцией», результаты которой первоначально отвергаются как профессиональной официальной философией, так и большинством университетов. В XVII веке стихийно, вне рамок официальных формально-организационных структур европейской культуры, возникает научное сообщество, просуществовавшее около столетия, которое у исследователей получило название «республика ученых»². В рамках «республики ученых» как раз и складываются основные

¹ В средние века в университетах было четыре факультета: низший - факультет свободных искусств и высшие - юридический, медицинский и теологический. На низшем факультете изучалось семь свободных искусств (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия), где центральное место отводилось диалектике (логике) как дисциплине наиболее тесно связанной с философией. Считалось, что важнее всего научить человека правильно мыслить, ставить точные вопросы и искать на них ясные ответы. Только это открывает путь к высшему знанию – философии или божественному откровению, рациональной теологии. В эту эпоху рационализм победил: церкви и обществу требовалось ясное, систематическое изложение христианской доктрины, нужно было бороться с множившимися ересями, обращать в христианство новые народы. К новоевропейскому периоду факультет свободных искусств трансформировался в философский факультет, и как тот, так и другой были общеобразовательными факультетами, базой, на которой осуществлялась последующая специальная подготовка на высших факультетах: без окончания низшего обучения на высших факультетах не допускалось. Даже если по каким-либо причинам студент заканчивал факультет свободных искусств или философский факультет и дальше не продолжал обучение, что было не редкостью, из всех когда-либо поступивших на факультет искусств студентов степени магистра, дающее право преподавать самому или же поступать на высшие факультеты, достигало не более трети, это не было основанием считать его недоучкой.

² Под таким названием есть целая глава в книге Я.А. Ляткера «Декарт» (М., 1975), где указаны некоторые первоисточники, например *Niceron. Memoires pour servir a l'histoire des Hommes illustres dans la Republique des Lettres*, vol. 1-43. Paris, 1727-1745. Я.А. Ляткер отмечает: «Но своим, пусть на первых порах невидимым постороннему глазу существованием «Республика Ученых» сразу же обрела своего врага, почуявшего в ее возникновении, в возможности дальнейшего существования и развития смертельную для себя опасность. Таким врагом стала корпорация средневековых ученых-

принципы новоевропейской философии, происходит подлинное становление европейской науки, что подготовило почву для создания новой формально-организационной структуры европейской культуры – национальных академий наук. С появлением европейских академий наук изменились и отношения между философией, наукой и университетом, получившие официальное формально-организационное закрепление. В этом плане показателен пример Московского и других университетов России.

Первое значительное учебное заведение возникло в Киеве в начале XVII века. В тридцатые годы семнадцатого века во главе его стал знаменитый Петр *Могила* и придал ему необыкновенный блеск и значение; из этого училища образовалась в начале девятнадцатого века Киевская духовная академия. Это было первое учебное заведение с правильным курсом преподавания, включавшим и философские науки. В конце семнадцатого века появляется Московская Славяно-греко-латинская Академия, с нею связана деятельность братьев Лихудов. Позднее из Славяно-греко-латинской Академии выросла Московская духовная академия. Петру Великому обязана своим возникновением Академия наук в Петербурге. Первый университет — Московский — возник в 1755 году благодаря стараниям И. И. Шувалова и М. В. Ломоносова. В начале девятнадцатого века были учреждены университеты в Харькове, Киеве, Казани, Петербурге, позднее в Одессе, Томске, Саратове, Перми. Университеты и четыре духовные академии стали центрами просвещения в России, и главным образом им, а также и Академии наук, Россия обязана развитием научного и философского знания.

С образованием Петербургской Академии наук (1724 г.) для подготовки национальных научных и академических кадров открывается соответствующий университет с тремя факультетами: философским (базовым), медицинским и юридическим¹. Но по ряду причин Петербургский университет реально так и не

университариев, схоластов и богословов, причем последние сразу же взяли на себя главенствующую роль в борьбе с Новой наукой» (Там же. - С. 169-170).

¹ Отсутствие теологического факультета (в нашей отечественной православной культуре правильнее называть его «богословским»), который был в западноевропейских университетах, обусловлено рядом пересекающихся обстоятельств. Одно из них, бесспорно, связано с перераспределением «организационной» подчиненности университетов в европейской культуре: переходом от «подчинения» церкви и религии к «подчинению» Национальным академиям и науке. В России этот процесс был представлен в более чистом виде и не отягощен инерцией предшествующей западной традиции. Другое обстоятельство имеет чисто российские корни. С принятием православия Россия унаследовала принцип взаимоотношения светской власти с духовной, сложившийся в восточном христианстве – «цезаря-папизм» (светская власть выше духовной), в отличие от западного христианства - «папа-цезаризм» (духовная власть выше светской), что обуславливало решение любых вопросов с позиции приоритетов государственной власти, в том числе и в вопросах образования. В результате реформ Петра I все вопросы светской жизни перешли в ведение Сената, а все вопросы духовной, религиозной жизни – Синода. Поэтому в России светское образование, сердцевиной которого стали университеты, было отделено от церковного, сосредоточившегося в бывших Киево-Могилянской Академии и Московской Славяно-греко-латинской Академии (до этого они готовили кадры для светской и церковной деятельности). В западноевропейской традиции этого разделения не было. Философские факультеты становятся общеобразовательными факультетами с сильным влиянием развивающейся науки, в первую очередь естествознания (для рассматриваемого периода корректнее название «натурфилософия»).

стал функционировать. И лишь с образованием Московского университета в 1755 г. (структура та же: философский, медицинский и юридический факультеты)¹ в России складывается в подлинном смысле *система отечественного образования*. М.В. Ломоносов вынашивал идею беспрецедентной организационной формы Академического университета (С.-Петербургского университета), совершенно непохожего на своих куда более зрелых европейских собратьев. В отличие от них обучение в этом высшем учебном заведении велось бы не на традиционных юридическом, медицинском, философском, теологическом факультетах, а по «классам» Академии наук – математическому, физическому и гуманитарному. Его преподавательский корпус не имел бы чино-должностного строения, а состоял бы исключительно из «профессоров» - академиков и адъюнктов академии, преподававших по собственным программам, а с наиболее одаренными студентами работавших по индивидуальным планам. Сверх того, на них возлагалось бы чтение «публичных» лекций для всех желающих их слушать².

Если в XVIII в. философский факультет был базовым в российской системе университетского образования, то в XIX в. его не стало совсем. Это произошло по причине «академического», так и политико-идеологического и православно-церковного влияний. К тому же, продолжительное время в России министерство образования (министерство народного просвещения) «объединялось» с другими министерствами и ведомствами: от «ведомства духовных дел» до почти «министерства внутренних дел». Поэтому министерство просвещения на деле оказывалось «министерством затемнения и надзора».

Современность. В капиталистическом обществе система общего и специального образования - *основной* технологический процесс в «производстве человека». Любой человек в рыночной экономике вынужден продавать свои знания и умения на рынке труда, а значит, представлять из себя товар со всеми вытекающими отсюда следствиями: чем товар функциональнее (качественнее) и чем его себестоимость (цена) в производстве меньше, тем он ценнее. Сила буржуазного строя в том, что наибольшая эффективность достигается на частном уровне, в строго ограниченной области: подлинная экономическая выгодность - результат самой жесткой и беспощадной экономии. Поэтому выгоднее подготовить множество узких специалистов, которые знают и умеют строго *от* и *до* (что превращает их в «профессиональных кретинов»), чем одного, но знающего и умеющего

¹ Первоначально философский факультет был самым большим факультетом (4 профессорских ставки, а на других только по две). И по тогдашней традиции все студенты университета по окончании его могли продолжать образование на других факультетах. Поэтому два первых года существования Московского университета функционировал только философский факультет. Все ныне существующие факультеты МГУ, кроме медицинского и юридического, отпочковались от философского. Правда, в самой середине XIX века в результате десятилетнего запрета на преподавание философии философские факультеты были переименованы, в том числе и в Московском университете, в историко-филологические. И только в 1941 году в МГУ был воссоздан собственно философский факультет, 60-летие которого было торжественно отмечено в начале 2002 г.

² Иванов А.И. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. – М., 1994. - С. 11.

профессионально многое. Это точно так же, как в крупном машинном производстве: можно простому наемному работнику знать в совершенстве весь производственный цикл, но реально заниматься одной простой операцией, а можно знать только то, что он непосредственно делает, причем не хуже «универсала», а порой и лучше. Такое положение складывается во всех сферах, в том числе и познавательной. Несмотря на желание дойти до самых глубоких, фундаментальных сущностей исследуемого предмета, ученый может ограничиться самыми ближайшими, поверхностными знаниями. Вследствие этого научная деятельность становится в современной культуре производственной сферой по выработке знания, технологическим процессом со строгой специализацией. Поэтому основной принцип *позитивизма* максимально теоретически и идеологически выразил это: «не искать сущность, не отвечать на вопрос "что и почему?", а описывать только явления и отвечать на вопрос "как?"». Именно «экономический» момент, а не политический, приспособлял систему образования для своих нужд, эффективного преподавания частных, позитивных наук, тем самым подрывая самую совершенную философскую почву в культуре, вынуждая философию искать иной приют в культуре.

Но эти изменения в европейском образовании сказались отрицательно не только на философии, но и на подготовке специалистов в частных науках. Если раньше человек, получивший общее образование, мог стать выдающимся ученым (например, ни Декарт, ни Ньютон, ни Лейбниц не были по образованию математиками и физиками), то ни одного современного специалиста с соответствующим образованием к выдающимся ученым отнести не удастся. Возникает парадокс: прежнее неспециальное профессиональное образование давало выдающихся профессиональных специалистов, а современное специальное профессиональное образование не позволяет в дальнейшем в этой специализации стать выдающимся профессионалом.

Наука и философия. Наука прошла длительный путь в своем развитии. *Формально-организационно* наука развивалась следующим образом. Появляется она *вместе* с философией в античной Греции под названием «физика» (наука о природе): физика первая историческая форма древнегреческой философии. Все первые греческие философы до Сократа (досократики) являются физиками. С Сократа на первое место в философии выходит «Этика» (в современном значении равнозначная общественным наукам) и «Логика» (соответствующая наукам о познании и мышлении), а физика начинает отходить на третью позицию. Позднее созданная Платоном и Аристотелем «Метафизика» (наука о первосущем, или *умозрительная* наука об основах бытия), стала «Первой философией», а физика – «Второй философией». При этом этика и логика не соотносятся линейно с физикой и метафизикой. Логика – это не раздел философии, а орудие всякого научного познания, в том числе и метафизики, физики и др. наук. Этика относится к практическим наукам, а метафизика и физика – к теоретическим. В средние века наряду с названием «физика» появляется и используется ее латинский аналог – «натурфилософия» (философия природы). Так продолжается до середины XIX в.: общественные,

большинство гуманитарных, естественные науки являются составными частями философии. Поэтому **исторически не философия является наукой, а любая наука есть «определенная философия»: основания всех наук находятся в философии, в том числе и самой философии.** Первыми в европейской культуре от философии обособились медицина и юридические дисциплины, это произошло в средневековье. В XVII-XVIII в. в Европе образуются национальные академии наук, традиционно состоявшие из трех отделений: математического, физического (естественного) и гуманитарного, философское же отделение отсутствовало. Тем самым была создана предпосылка для будущей формально-организационной самостоятельности наук, в первую очередь естествознания. А после «весны народов» (революции в Европе 1848-1849 гг.) наступает «позитивный век» в европейской культуре, продолжающийся до наших дней. Положительные (позитивные) науки стали формально-организационно самостоятельными. Естествознание, как менее содержательно зависимая от философии дисциплина (социально-гуманитарные науки этим качеством не обладают), фактически встала в открытую оппозицию философии с целью занять то господствующее положение в культуре, которое до этого занимала философия, особенно в новоевропейский период. Естествознание заявило, что оно само себе философия в вопросах теории и методов познания. Философия ответила естествознанию «взаимностью», в ней, особенно в XX в., стали активно развиваться антисциентистские тенденции.

Идейно (в смысле теоретических основ, принципов) наука развивалась следующим образом. Наивысшего расцвета «физика» в античной философии достигает в атомистической концепции Демокрита и Эпикура – «линия индивидуальности». Любой предмет в атомистической теории трактуется как простая совокупность подобных атомов. Если атомы сами по себе неизменны, вечны, то предметы возникают при соединении атомов и перестают существовать, когда атомы, составляющие данный предмет, разъединяются (все предметы - временны, атомы – вечны). В этом уже виден прообраз устройства по типу «механических часов»: можно собирать и разбирать входящие в него элементы. Уже в античности были поняты недостатки концепции Демокрита. Поэтому, например, Аристотель, помимо «двигательной причины», которая объединяет и разъединяет атомы, вынужден был ввести «целевую причину», чтобы объяснить, как существуют живые организмы, которые разобрать легко, но сколько эти части потом не собирай живого уже не будет. Но атомизм и другие тогдашние философские системы - это *умозрительные* построения. То, что мир состоит из неделимых частей, которые первичнее *целого*, из опыта не выводится, это наше мысленное предположение (гипотеза), на основании которой мы пытаемся познавать действительность. Точно так же и с противоположной позицией, с «линией тотальности (всеобщности)» Платона: она является тоже *умозрительной*. Это противостояние проходит через всю историю европейской культуры и определяет специфику научного познания. В средние века при споре об «универсалиях» (общих понятиях) линии индивидуальности и тотальности получили продолжение в *номинализме* и *реализме* соответственно. *Номинализм* исходит из того, что всеобщего

(тотального, универсального) в действительности нет, а есть только единичные предметы – универсалии лишь результат познавательной процедуры объединения того общего, что есть в реально существующих единичных предметах. *Реалисты* считают, что универсалии существуют реально или до единичных предметов (продолжении точки зрения Платона), или непосредственно в них (продолжение точки зрения Аристотеля). В новоевропейский период традиция *тотальности* продолжает развиваться в новоевропейском *рационализме* (Декарт, Спиноза, Лейбниц) и в немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель). Линия *индивидуальности* продолжается новоевропейским *эмпиризмом*. В рамках этой традиции *ньютоновское*: «Я гипотез не измышляю» в культуре было воспринято как «физика, берегись метафизики». Возникает парадоксальная ситуация: отказ от гипотез как умозрений, предположений и измышлений в пользу опыта, эмпирии как единственно достоверного источника знания приводит опять на *умозрительную, метафизическую* позицию¹. Вопрос о том, почему Ньютон и другие ученые-эмпирики этого не понимали, мы не рассматриваем. Существенен другой момент: почему в европейской культуре XVII-XVIII в. эмпиризм (физика) стал(а) предпочтительнее, чем умозрение (метафизика), почему *физические умозрения* стали предпочтительнее *метафизических умозрений*?

Античные и средневековые умозрительные построения (*метафизические системы*) существовали при отсутствии достаточно обширного материала о частностях, в силу неразвитости человеческой практики, поэтому для них (умозрений) важнее было представление о *целом*, даже если следствия из них не согласовались с известными уже *частностями*, это не повод отказываться от целого. Но когда новоевропейская жизнь усложнилась (географические открытия, промышленная и политические революции и т. д.) и появилась масса эмпирического материала, то метафизические умозрения не только перестали соответствовать ему, но и становились препятствием на пути практической жизнедеятельности новоевропейского общества. Поэтому так решительно появилась потребность исследовать те многочисленные частности, с которыми на практике все время имеет дело «новоевропеец». Так возник эмпиризм. Но основа эмпиризма не нова для культуры, он восходит к «линии индивидуальности». Новыми оказались результаты. Всевозрастающие *реальные успехи* такого познания за два века (XVII-XVIII в.) привели к *иллюзии* того, что этот способ является универсальным для истинного, следовательно научного познания, потому стали считать *науку* и *эмпиризм* понятиями тождественными. Только когда эмпиризм полностью распространился в естествознании,

¹ «... *наивный* образ мышления, который, не сознавая еще противоположности мышления в себе самому себе, содержит *веру*, что посредством *размышления познается истина* и что она обнаруживает перед сознанием то, что объекты суть поистине. В этой вере мышление приступает прямо к предметам, репродуцирует из себя содержание ощущений и созерцаний как содержание мысли и удовлетворяется этим содержанием, видя в нем истину. Все начальные ступени философии, все науки и даже повседневная деятельность и движение сознания живут в этой вере» (Гегель. Энциклопедия философских наук. Том 1. – М., 1975. - С. 133).

появилась основа для формально-организационного отделения его от философии, так как в философии эмпирические методы неприменимы, поскольку философия исключительно *умозрительная* наука. В середине XIX в. этот процесс завершился. Со временем, когда в естествознании эмпирическими методами был накоплен огромный материал, появилась потребность теоретического обобщения его. Но любая крайность чревата переходом в свою противоположность – вместо истинного знания эмпиризм стал давать ложное знание, потому что он для обобщений не предназначен, а создавался для частных случаев. Выход был найден в позиции позитивизма: не исследовать сущность (это бесперспективное дело), а описывать только явления, фиксируя между ними *устойчивые* связи. Прежняя же установка философии и науки – исследуй *существенную* связь между явлениями, однако известно, что не любая устойчивая связь является необходимой, она может выступать некоторой случайностью. Поэтому-то в современных науках никак не решается проблема эффективного познания сложных объектов, например *целостное* изучение общества, человека, познания, материалов («наука о материалах») и др. Сегодня в европейской (да и мировой) культуре, в силу эмпирической зашоренности науки и специфики философии, последняя является хранительницей образцов наивысших достижений *теоретической* деятельности (в виде *метафизических систем*) и хранительницей *навыков* и *средств* этой деятельности (*Логика* – с большой буквы). В современном естествознании получила распространение одна, причем не лучшая, философская (метафизическая, чисто умозрительная) концепция – «линия индивидуальности», родоначальниками которой являются софисты¹ и Демокрит². А собственно философия, при всем многообразии существующих в ней концепций, принадлежит «линии тотальности», созданная еще Сократом, Платоном, Аристотелем³. В наибольшей степени «линия тотальности» в

¹ Если применить к характеристике софистики позднейшие принципы классификации философских направлений, то резоннее всего отнести ее по ведомству *субъективного идеализма*. Для нее нет и не может быть *общей для всех истины*. Есть лишь *масса мнений*. Мнений столько же, сколько индивидов. У каждого мнение свое. И каждое столь же правильно, как и другое, противоположное, ибо каждый и устроен, и воспитан, и живет по-своему, и видит, и понимает мир по-своему. А то, что принимают за «истину», – это всего лишь индивидуальное мнение, которое кто-то сумел навязать всем другим. *Индивид* с его неповторимыми переживаниями оказывается единственным мерилем и критерием и «истины», и «правильности», и «справедливости», а «мышление» сводится к искусству сознательного словесного обмана, к искусству выдавать *индивидуальное* за всеобщее (которого для софистов на самом-то деле нет и быть не может), к умению оперировать словами так ловко, чтобы навязать свое *индивидуальное* мнение всем другим.

² Между субъективным идеализмом софистов и «материализмом» Демокрита много общего. Ведь проекция атомизма Демокрита в сферу этики давала тот же вывод, что и софистика, – благо атомистически понимаемого человека, «хорошее расположение духа индивида», *индивидуализм* (по древнегречески «атом» и значит то же самое, что по-латыни «индивид»).

³ Ключевая роль в этой группе принадлежит Платону. Земной основой платонизма являются, вполне понятные опасения афинской аристократии, видевшей, что вырождение демократии в «охлократию» (власть толпы) и «анархию» (безвластие), обретавшее именно в деятельности софистов свое философско-теоретическое выражение, грозит городу большими бедами. Демократия Афин оказывалась беспомощной, то и дело обнаруживая свои отрицательные аспекты, – да, не может устоять город, где каждый – сам по себе, как атом, и где общая связь граждан, их единство, обеспечиваемое общими нормами поведения и мышления, не только не начинает казаться, но и в

философии выступает в традиции объективного идеализма (объективный идеализм дал наиболее совершенные философские результаты – он абсолютно господствовал в философии на протяжении двух с половиной тысячелетий) и единственной форме материализма XIX в. (диалектического материализма Маркса и Энгельса). А традиция субъективного идеализма и все прочие формы материализма (стихийный, наивный материализм греков; механистический новоевропейский материализм (в том числе и материализм французов XVIII в. и Фейербаха); вульгарный материализм XIX в.; натурализм XX в.) являются носителями «линии индивидуальности» - основой чего в XVII-XX в. выступала идеология эмпиризма-позитивизма.

На протяжении двух с половиной тысячелетий в европейской культуре философия была основой, фундаментом всей системы европейского образования и обучения. В ней центральное место отводилось как конституирующей основе различным «метафизическим конструкциям» (в том числе и в христианской религии) и традиционной формальной логике. Это была классическая традиция европейского образования. С конца XIX века они стали

самом деле становиться фикцией, а поведение каждого диктуется его «частным» интересом. Спасение родного полиса с его культурой Платон видел в утверждении авторитета некоторой системы твердых принципов нравственно-политического порядка, общих норм поведения и отношения к событиям – того самого «единого» и «всеобщего», которое было расшатано и поставлено под сомнение мышлением софистов. Так одна крайность – атомизм в его проекции на социально-политическую проблематику, индивидуализм в этике, принцип безоговорочного суверенитета индивида – вызывает и провоцирует другую, противоположную крайность – безоговорочно принимаемый принцип суверенитета полиса как целого, как всеобщего, как система всеобщих (тотальных) норм, определяющих и мышление, и поведение каждого «атома», каждого «индивида». Платон и выступает как наиболее последовательный защитник этого принципа. Но главной «фактической» опорой Платона в его войне против атомизма (Демокрита) и софистики остается факт господства общественного «целого» над индивидом. Исторически развитая система культуры, противостоящая индивиду как иерархически организовавшаяся система всеобщих норм, детерминирующая деятельность индивида в любой сфере и «определяющих» его поведение и мышление в единичных ситуациях гораздо строже, нежели непосредственно-индивидуальные желания, мнения и импульсы. Непосредственно «из природы» эти формы человеческой жизнедеятельности понять и «вывести» нельзя. Из исследования природы нельзя понять ни особенностей афинской демократии, ни египетского кастового строя, ни военных казарм Спарты, - это прекрасно понимал Платон. И тут нет еще ни грана идеализма. Это – особая, неприродная объективность, объективность социальных установлений и учреждений, их охраняющих. Загадочность этого рода «объективных форм», определяющих человеческую жизнедеятельность, их очевидную «идеальность», то есть тот факт, что они не имеют ничего общего с телесной, чувственно воспринимаемой формой тела, в котором они «овеществлены», «реализованы», - эта загадочность всегда и служила питательной почвой для идеализма объективного – идеализма, классическую форму которого задал как раз Платон. Он мистифицировал реальную природу «идеального» (его *вне* природность), и поместил их как реально существующие и *до* природы, и *до* человечества *сущности* в виде самостоятельного, первичного «мира идей». Система Платона (теория идей) действительно срисована с простейшей схемы целесообразной – целенаправленной – деятельности общественного человека, выполняющего в веществе природы некоторую несвойственную этой природе самой по себе «форму». В природе самой по себе эту форму не увидишь: на глине не написано, что она обязана стать кувшином. Поскольку по отношению к индивиду культура (то есть исторически сложившаяся система норм поведения и деятельности) выступает как нечто определяющее все его акции, постольку сам этот индивид с его телом легко толкуется в этой системе как единичное «воплощение» «всеобщей» - общей нормы, выражающей интерес «целого», «единого». (Позиция «линии тотальности» Платона дана по Э.В. Ильенкову).

стремительно заменяться позитивной наукой, что приводит к утрате самого исходного духа европейской цивилизации – стремления *рациональными* средствами достичь *истинного* знания. В *современном* представлении об идеалах научного знания, истинность *не должна быть* необходимым атрибутом всех познавательных результатов, претендующих на научность¹. Но если доводить до логического конца этот тезис («истинность не должна быть необходимым универсальным свойством *всех* познавательных результатов науки»), то в науке должно быть как истинное знание, так и знание, не относящееся к истине. Следовательно, в эту группу знания попадает и ложное знание, и то, что знанием вообще назвать нельзя. Напрашивается вопрос: *какая часть* знания должна быть обязательно «чистой истиной», а *какая* «не истиной» (в строгом смысле формально-логического отрицания), чтобы претендовать на научность?

Одна из влиятельнейших современных концепций природы научного познания (философия К. Поппера и его учеников и последователей – постпозитивистов) фактически провозглашает принципом научного познания, принципом научной деятельности, что «хорошая научная теория – мертвая теория». Этот тезис напоминает популярную фразу из голливудских ковбойских фильмов: «хороший индеец – мертвый индеец». Фальсификационизм, даже если его трактовать как только потенциальную возможность (но если теория реально никогда в действительности не будет опровергнута, то о какой потенциальной, принципиальной возможности фальсификации ее можно говорить), то из него следует, что «научное знание, чтобы быть научным должно быть незнанием» (если брать первоначальное значения термина «знание», возникшее в античной культуре как противопоставление суетному мнению и религиозной интуиции веры, то оно неразрывно связано с *истиной* рационально понятой и осознанной). Эта традиция абсолютизирует один из моментов в реальном познавательном процессе – то, что называется «относительной истиной» (определенный релятивизм познания), и совершенно не учитывает другие моменты его, не говоря об отношениях между ними.

Само развитие современного научного познания, не критически увлекшись такими убогими идеями, все стремительнее сужает долю «чистой истины» в своих исследованиях. Эту тенденцию наиболее наглядно иллюстрируют все возрастающие многочисленные современные исследования мышления. «Представители же новомодных буржуазных концепций, опирающихся якобы только на «строгую науку», этой истории не знают и знать

¹ «"Чистая истина" - согласно классическим представлениям в науке не допускается "никакой примеси заблуждений". Истинность выступает здесь не только как нормативная ценность, но и как необходимая описательная характеристика любых результатов познания, претендующих на научность. По сути дела здесь переплетались два утверждения. Во-первых, соответствующее господствующим современным взглядам представление, согласно которому истинность является центральным, наиболее сильным регулятивом научно-познавательной деятельности. Во-вторых, ошибочное, согласно которому истинность должна быть необходимым атрибутом всех познавательных результатов, претендующих на научность» (Кезин А.В. Менеджмент: методологическая культура. – М., 2001. - С. 25).

не желают, фыркая на нее как на «устаревший хлам». А спросите-ка у них, что они понимают под словом «ум», «мышление», «разум», «интеллект»? Попробуйте. Они вам ответят, что все это – понятия туманные, расплывчатые, «трудноопределимые», «философски метафизические» (в их устах это – ругательство) и что дать ответ по этой причине они затрудняются. Тем не менее они претендуют именно на то, чтобы с помощью своей техники «точно замерить» - и притом заранее – «коэффициент» этих самых туманных и расплывчатых качеств человека. Замеряют и выражают в «точных цифрах» этот самый «коэффициент врожденной интеллектуальной одаренности», старательно избегая даже самим себе дать отчет в том, что же именно они измеряют, что именно выражает их цифирь. В самом деле – что? В том-то и гвоздь вопроса. И сталкивается в этом пункте вовсе не «философия» со «строгой наукой», а научная философия с философским невежеством, с философским обскурантизмом, который совсем напрасно рядится в одежды «строгой науки». Сталкивается философия как наука с философией доморощенной, с философской окрошкой, где причудливо перемешаны кусочки действительно устаревших философских учений с фразами, взятыми напрокат из самых разных наук, с терминологией и фразеологией кибернетики, теории информации, физиологии высшей нервной деятельности, молекулярной биологии, математики и т. д. и т. п. Отовсюду. Из всех тех наук, которые на самом деле никогда не задавались даже вопросом, а что такое «ум» («мышление»), никогда не исследовали эту хитрую способность человека и потому не имеют никаких оснований вступать по этому поводу в спор с философией – с особой наукой, которая как раз этому вопросу и посвятила основные усилия всех своих выдающихся представителей»¹.

Самое ужасное, что наука не унаследовала самокритичной оценки, рационально выявленной и четко зафиксированной, своих оснований от европейской традиции философии. Самокритичность возможна исключительно на базе всестороннего сопоставления существующих различных метафизических (умозрительных) положений в культуре между собой. Философии это всегда удавалось. Наука же является отражением только одной традиции философии – «линии индивидуальности», а ее современная вариация, эмпирически-позитивистская идеология. Наука давно поставила себя выше философии в культуре, и поэтому ей философия не судья. Получается комичная картина: «хвост хочет сам стать целой собакой». При этом забывается, что собака и без хвоста будет собакой, а отдельный самостоятельный хвост уже и хвостом не сможет быть, а тем более целой собакой - отдельно от собаки хвост будет трупом.

Логика (одна из философских дисциплин) - фундамент науки и образования. Логика как элемент европейской традиции образования появляется в античности, дисциплинарно под таким названием закреплена *стоиками*. В период средневековой схоластики преподавание логики конституируется в системе второй (средней) ступени образования и входит в

¹. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991. - с. 23-24.

тривиум: грамматика, диалектика (название «логики» в античности и средневековье) и риторика - семи «свободных» искусств (тривиум и *квадривиум*: арифметика, музыка, геометрия и астрономия). Считалось, что составные части тривиума являются не науками, а искусствами, которые принадлежат «фундаментальной установленности человеческого существования», то есть относятся к тому, что каждый человек *есть*, чем каждый человек может *быть*. Вплоть до наших дней в европейской традиции образования в рамках *классической школы* логика была и остается базовой дисциплиной в преподавании.

Традиционно курс логики в европейской культуре содействовал получению фундаментального базового (классического) образования, способствовал формированию сознательной, разумной личности, готовой к освоению всего культурного богатства человечества, активному участию в общественной жизни, защите интересов общества и государства словом и делом. Изучение курса «Логика» преследовало цель *заложить* основы логической культуры, обучить результативным интеллектуальным действиям. Основой логической культуры считается: *знание* основных *форм* мысли (понятия, категории, идеи, суждения, умозаключения) и *норм* правильного их использования; *умение вычленять* эти формы в письменной и устной речи и *оценивать* их правильность; *иметь представление* о логических приемах отстаивания своей точки зрения и *уловках*, которые могут помешать это сделать в общении между людьми (в процессе коммуникации).

До периода Советской России так было и у нас, логика была важным элементом отечественной культуры. Но в советской культуре не нашлось даже места для школьной, формальной логики, за исключением попыток (только попыток) возродить преподавание логики в средних учебных заведениях в конце 40 - начале 50 годов. В постсоветской России наметились некоторые подвижки в освоении элементарной логической культуры. Но все равно преподавание логики сейчас «не шатко, не валко» и имеет место только в «элитных» средних учебных заведениях (лицеях, гимназиях) и некоторых факультетах университетов и притом не очень высокого уровня. Это приводит к тому, что в общей массе образованных граждан России людей, получивших начальную логическую подготовку, катастрофически мало. Вследствие этого, недостаток элементарной логической культуры компенсируется суррогатами вроде различного рода *моделей* и *абстрактных познавательных построений*, отвлеченных от исследуемого объекта, по образцам *инженерно-технической* деятельности. Итог – низкий уровень результатов теоретического познания в культуре, особенно в современной науке. А если ученый не может грамотно связать несколько фактов между собой, это прямой путь превращения научного исследования в *лженаучное*. Порой доходит до парадоксальной ситуации, когда при отсутствии грамотных, хороших теоретических обобщений ученый не может воспользоваться катастрофически огромным эмпирическим материалом современной науки. Без теоретических обобщений ученый просто *тонет* в эмпирическом материале, ему проще еще раз открыть заново нужный факт. Но при отсутствии теории эти факты часто превращаются в *артефакты*, так как

без теории нет надежных критериев отличия одного от другого. Чтобы преодолеть это, ученый вынужден становиться знатоком, профессионалом в очень узкой области, дабы знать *все* хотя бы о ней, что граничит с профессиональным кретинизмом способствует тем самым еще большему накоплению ненужных фактов без должного теоретического обобщения.

Можно привести ряд примеров, которые без лишних отвлеченных рассуждений демонстрируют, к чему приводит отсутствие элементарной логической (теоретической) культуры. Если необходимо сделать вывод из двух посылок – «Все металлы электропроводны» и «Железо - металл», то почти все студенты без специального знания логики правильно заключают: «Железо электропроводно». А из посылок «Движения вечно» и «Хождение в МГУ – движение» они соответственно заключают: «Хождение в МГУ вечно». Понятно, что посылки сами по себе верны, а вот заключение – ложно. На вопрос: «Почему так получилось?», - только некоторые студенты правильно указывают, что слово «движение» здесь используется в разных значениях. В строго логическом смысле это формулируется так: «В простом категорическом силлогизме должно быть только три термина, а в данном примере их четыре». В построении «Все мужчины смертны» и «Женщины не мужчины» - значит, «Женщины бессмертны» ни один из студентов не может объяснить, в чем ошибка. Еще один пример: если «Некоторые растения съедобны», а «Крапива – растение», то «Крапива съедобна». Но такое заключение не получается с необходимостью. Все студенты демонстрируют опять беспомощность. Таким образом, становится понятным, что даже, на бытовом, житейском уровне без элементарных логических навыков *неловко*. В сфере науки и образования эта неловкость *недопустима*, так как точность и строгость использования знания в них является отличительными признаками их в культуре. Приведенные примеры, с логической точки зрения, носят элементарный характер (подобные схемы рассуждений известны более двух с половиной тысячелетий). Поэтому, отсутствие элементарной логической культуры отбрасывает нас в доцивилизованный период существования.

Сегодня на место Логики (современной логики, в подлинном смысле) претендует *символическая логика*. По поводу символической логики можно категорически *сегодня* уже заявить – это *не логика*. Был период (вторая половина XIX века), когда в результате разрушительной деятельности позитивизма были варварски уничтожены метафизические (теоретические) основания многих наук, в первую очередь философии, которая без метафизики просто не может существовать, ведь метафизика - душа философии. От философии осталась лишь ее тень, суррогат. «В то время как, с одной стороны, философия почти растворилась в релятивизме истории философии, с другой стороны, тот ее остаток, который еще сохранился в задачах теории познания, вошел в эмпирическую психологию. Философию заменили теперь два ее суррогата: история философии и психология. А психология становилась тем уже и одностороннее, чем больше в ней перевешивал экспериментально-

психологический момент, притязая на то, чтобы быть всем»¹. Тем самым логика была лишена своего главного теоретического основания – определенного решения проблемы истинности, так как эта проблема осталась в выброшенной из культуры метафизической теории познания. Новая эмпирическая психология, «притязая на то, чтобы быть всем», бесцеремонно заменила логике прежнюю метафизическую теорию познания: наступил период психологизма в логике. Но, не успев полностью поглотить доставшуюся «добычу», психология не смогла ее удержать, логика была «захвачена» другим «стервятником» - математикой². Это произошло на рубеже XIX-XX в., так как психология была в этот период очень слаба, она оказалась в теоретическом кризисе. А математика накануне с помощью логики смогла решить свои теоретические проблемы (проблему оснований математики), была очень сильна и решила оставить логику в своих владениях. Одна из мыслительных операций – это вычисление, поэтому была осуществлена не очень корректная манипуляция с логикой, дабы ни у кого в культуре не возникло сомнения в законности того, что математика владеет логикой. Необходимо было создавать респектабельный, благородный вид в духовной культуре, показывать что силового владения логикой нет, все происходит «по любовному согласию», тем более что других соискателей на взаимную любовь не было или они были «дряхлыми старцами» или «тщедушными, больными юнцами». Мышление было сведено полностью и без остатка к вычислению, а проблема истинности-ложности – к «концепции универсальности предметной области логики», которая может быть интерпретирована и на пропозициональных переменных, и на высказываниях, и на классах, и на контактных схемах, и т.д. Правда, при этом «истина» и «ложь» стали вроде «+» и «-», или «0» и «1», или «замкнуто» и «разомкнуто» и т. д., потеряв первоначальное свое гносеологическое значение. Но кто теперь может это заметить? В культуре же метафизики нет. И эта экспансия состоялась в культуре в условиях, когда вне математики новые логические варианты, альтернативы закончились на рубеже веков. Последние из них - это или логика

¹ Виндельбанд В. *Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия*. – М., 1993. – С. 71. Главным мотивом постепенного превращения философской теории познания в психологию является не связанность более теории познания с общими и глубокими философскими принципами (метафизикой): теория познания превратилась в учение о происхождении и развитии представлений. В то время психология могла быть только эмпирической и тем самым оказалась непригодной для решения тех задач, которые раньше решались метафизическими системами. Новая эмпирическая психология опиралась всецело на естествознание: физика и физиология стали для нее не только методическими образцами, но и в значительной степени местом нахождения фактов, на которых она строилась. Так совершилось отделение этой психологии от философии, поскольку под последней понималась метафизическая наука о понятиях, и психология конституировалась вполне сознательно как отдельная самостоятельная дисциплина. Правда, для этого она должна была теперь обратиться к естествознанию. По существу она была физиологической психологией. (Там же. – С. 68-69).

² Используемая терминология («добыча», «захвачена», «стервятник») – это не эпатаж и не оскорбление достойных наук, это фиксация реального положения дел в духовной культуре, что полностью согласуется с некоторыми принципами ныне очень модной «эволюционной эпистемологии». Духовная жизнь не существует в розовом мире, где всем правит благородство и справедливость. Безусловно, есть отдельные личности, которые придерживаются этих принципов, но в целом культура часть нашей жизни и подчиняется ее очень грубым законам: кто сильнее на данный момент, тот осуществляет свои цели, не считаясь ни с чем.

Э. Гуссерля или некоторых представителей неокантианства, или попытки со стороны некоторых психологов в первой половине XX века, например Ж. Пиаже. Но все названное уже не могло составить конкуренцию математике. Как известно, «и на безрыбье, рак – рыба», а в первой половине XX века позиция математической логики в культуре была дополнительно укреплена «теоретическими», «философскими» обоснованиями представителей неопозитивизма («логического позитивизма») и аналитической философии. Теперь логика стала для большей основательности именоваться «*ее Величество, Самая величественная, Самая логическая из логик*» **«символическая логика»**.

Когда в ходе второй мировой войны насущной научной и технической задачей стала точность наведения, корректировка огня на большие расстояния, шифровка и дешифровка военных сообщений и т.д., то это потребовало создания мощных вычислительных машин, способных осуществить эти и другие задачи в считанные секунды, так как от временной составляющей зависел весь успех военных действий. Но поскольку до этого в математике, точнее в математической логике, было редуцировано мышление, рассуждение к вычислению и на этом сомнительном основании была доказана теорема о тождественности «логических» и вычислительных машин, то начавшиеся практические попытки создания мощных вычислительных машин для военных целей, после окончания второй мировой войны стали использоваться в исследованиях по «машинному мышлению». Теперь все критические замечания в адрес математической логики, которые периодически робко раздавались со стороны непонятно как сохранившихся в эпоху Научно-технической революции философски культурных «динозавров и мамонтов», отвергались убийственным аргументом: «Вы своей критикой хотите остановить прогресс человечества, тащите его опять в каменный век». На стороне амбиций символической логики были военные. Которым в век ядерного и ракетного оружия необходимо иметь возможность принимать адекватные решения, а еще лучше предупредить начало атаки противника. Когда ракета с ядерным оружием преодолевает расстояние между континентами за 10-20 минут, прежние формы и средства *человеческого* принятия и выполнения решений не годятся. *Человеческий фактор* здесь и оказывается самым уязвимым звеном. Необходимо его заменить машиной, «мыслящей машиной», которая могла бы просчитать и «оценить», например, последствия ядерной войны, наступление «ядерной зимы» и т.д. В Советском Союзе с его централизованной плановой экономикой и тоталитарно-авторитарным социально-политическим устройством к этому добавлялась задача переложить на плечи машин, в том числе и на плечи «мыслящих машин», глобальное планирование и оперативное управление из одного центра всем огромным народным хозяйством и населением. Поэтому был военно-политический заказ на «мыслящие машины» представителям науки. По сути именно символическая логика и предложила идею «мыслящих машин» заказчикам. Военных и политиков не интересовали общетеоретические основания и проблемы, для них «важно, чтобы кошка ловила мышей, и совершенно неважно, какого она цвета». В 70-80 гг. XX века

для символической логики наступил пик ее триумфа в культуре, символическая логика «шагнула в массы» с появлением компьютеров, в особенности с появлением персональных компьютеров. Раньше на рубеже XIX-XX веков, вопросы, ставшие предметом символической логики, были известны узкому кругу специалистов и поэтому не очень шокировали своей некорректностью в отношении Логике представителей духовной культуры (в это время символическая логика еще была в культуре никем не признанным «гением»). В середине XX века она получила признание у не очень разборчивых в средствах военных и политиков. То есть наш «гений» получил признание у небольшой группы «самых сильных мира сего». В 70-80 гг. символическая логика становится обязательным компонентом образования элиты НТП, инженеров, программистов, компьютерщиков, количество которых увеличивалось по мере роста числа ЭВМ, компьютеров (наш «гений» наконец-то был признан в культуре как гений, оказался на вершине популярности, приобрел реальную власть в культуре). Поэтому некоторые теоретики символической логики поспешили еще раз, но уже окончательно, пожизненно за столбить за собой все права на логику¹. Но вдруг, как всегда неожиданно (правда, неожиданно для самой символической логики, а для «философской логики» еще в XIX веке это «вдруг» было ожидаемо, рано или поздно это с неизбежностью должно было произойти), стали рушиться, исчезать одно за другим недавние завоевания, ситуация начинала катастрофически приближаться к известному, однажды осознанному финалу – «а Король-то голый!!!».

Первое крупное потрясение было связано с невозможностью на протяжении научно прогнозируемых сроков, 10-15 лет (прогнозирование на большие сроки превращалось в «гадание на кофейной гуще», «планирование от лукавого»), наладить исследования, дающие стабильно регулярные, планируемые, ожидаемые результаты, отталкиваясь от которых можно было бы наметить, спланировать, спрогнозировать на более отдаленную перспективу новые исследования по «машинному мышлению». Сначала пришлось пересмотреть часть подходов, предложенных кибернетикой в исследовании «мыслящих машин». В результате появилось новое направление – «искусственный интеллект». Но и оно не оправдало надежд. Тогда была предложена «инженерия знания». Результат тот же. Кое-какие промежуточные положительные результаты, конечно, были, но главная цель - «мыслящие машины» - достигнута не была. В начале 90 гг. уже сами исследователи, а не их

¹ В профессиональной сфере логики теперь должна безраздельно господствовать точка зрения *современной символической логики* (читай «*математической логики*»). Это господство обосновывается тезисом: «Традиционная логика как особая научная логическая дисциплина потеряла свое значение, поскольку математическая логика именно как формальная логика решила ее задачи полнее, точнее и глубже. А диалектика - это не совсем логика, а теория познания». Поэтому преподавание логики необходимо начинать с «логики высказываний» и «логики предикатов», построенных на особом математическом языке, и на базе этого должно знакомить с другими разделами логики. С позиции реальной власти в культуре символической логики эта программа во многом была выполнена. Свидетельство этому см. в статьях «Логика» и «Логика в России» Новой философской энциклопедии в 4 т. (Т. 2. – С. 404-414).

критики, заговорили о «перманентном кризисе»¹, о том, что «искусственный интеллект» и подобные вещи - это всего лишь метафоры, мифологемы и они никакого отношения не имеют к подлинному интеллекту. Но при этом не было осознано, что кризис проистекает из символической логики, которая является основанием, фундаментом кибернетики, искусственного интеллекта, инженерии знания и др.² Конечно, это не так страшно для статуса символической логики. Подумаешь, охлаждение внимания политиков и военных к ним за какие-то неудачи. Да этим политикам и военным не угодишь, подавай им все и сразу. Ничего, у символической логики осталась «народная любовь и уважение» тех, кто связан с компьютерами. И армия их непрерывно растет. Только и здесь все резко изменилось в 90 гг. не в пользу символической логики. С момента появления компьютеров и до 90 гг. общение людей с ними осуществлялась исключительно посредством специальных языков, в основании которых лежит символическая логика. Поэтому приходилось хотя бы в общих чертах ее знать. Но с ростом компьютеров неизбежно требовалось такой же рост специально подготовленных людей. Подобная подготовка является для человека получением дополнительной специальности. Человек, помимо своей основной специальности, должен стать еще и профессиональным компьютерщиком. На практике это понижает эффективность основной деятельности, ради которой и начинают использовать машины. Возникло противоречие: рост компьютеризации сдерживался в том числе и сложностью языка общения человека с компьютером, а значит, символическая логика превратилась в тормоз. Встала задача сделать язык общения с компьютером дружественным человеку, не сложнее того «языка», который имеет место при использовании самых обычных домашних приборов: телевизора, магнитофона, пылесоса и т.д. К середине 90 гг. произошел переход на объектно-ориентируемый язык, например, в виде значков на экране монитора, при «нажатии» на которые курсором «мышки» происходит осуществление того или иного действия (аналогично тому, как мы обычно пользуемся, например, пультом дистанционного управления телевизора). Такая же тенденция заметна и в современном программировании³. Это привело к тому, что знание

¹ Про подобные случаи И. Кант еще в XVIII веке писал: «Разрабатываются ли знания, которыми оперирует разум, на верном пути науки или нет, можно легко установить по результатам. Если эта разработка после тщательной подготовки и оснащения оказывается в тупике, как только дело доходит до цели, или для достижения этой цели вынуждена не раз возвращаться назад и пролагать новые пути и если невозможно добиться единодушия различных исследователей в вопросе о том, как осуществить общую цель, - то после всего этого можно с уверенностью сказать, что подобное изучение ни в коей мере не вступило еще на верный путь науки, а действует лишь ошупью.» (Кант И. Сочинения. В 8-ми т. - М., 1994, Т. 3. - С. 18.).

² Считалось, что кризис в исследованиях связан с неучетом в процессах мышления «человеческого фактора», «субъекта». Стали говорить о необходимости возрождении некоторых элементов психологизма в логике, но на самом деле это был не психологизм, а *когнитивизм* в логике. Последнее лишний раз свидетельствовало о том, что теоретический уровень как символической логики, так и дисциплин на ней основанных очень низок.

³ Следующий этап – общение компьютера и человека на обычном живом разговорном языке. Уже есть такие программы. Как предполагается, будут устранены некоторые их недостатки, и «распознавание речи» через 2-3 года станет стандартной функцией компьютеров и компьютерных

символической логики теперь требуется очень небольшой группе специалистов, круг которых все время сужается. А так как у символической логики с исследованием мышления, интеллекта ничего не получилось, да и не могло получиться, то ее областью приложения в культуре становится только математика и часть техники. Поэтому претензии «символической логики» **быть Логикой** (в подлинном смысле) **несостоятельны**¹.

программ. Это еще сильнее упростит общение с компьютером. **Напрашивается вывод: тенденция все продолжающегося сужения потребности масс в знании символической логики.**

¹ Желание быть всем в Логике для символической логики оказалось не только неосуществленным, но и *несбыточным желанием*. Символической логике не удалось своими средствами адекватно интерпретировать даже силлогистику Аристотеля, не говоря о других видах и вариантах логики. Желание быть *всем* становится действительностью только тогда, когда удастся взять *все* прежнее без остатка и прибавить к нему *новое*, выходящее за рамки уже имеющегося. Но если берется небольшая часть прежнего и противопоставляется всему остальному и это остальное отбрасывается как ненужное, то подобное явление становится в подлинном смысле варварством, вандализмом, разрушением культуры. Символическая логика как Логика сегодня живой труп, который давно уже пора похоронить. Правда, изначально она была мертворожденным ребенком, так как одним из родителей ее был позитивизм. Следовало бы добавить и аналитическую философию, но она принципиальных отличий от позитивизма не имеет, она его разновидность. Сюда могут быть частично включены и «десятилетия без мировоззрения» (В. Виндельбанд) из-за некоторой антиметафизичности. Этот вирус антиметафизичности «заразил» Г. Фреге и др. Куда бы этот вирус ни попал, он несет с собой разрушение и смерть духовной культуры.

2. Организационные и содержательные особенности курса «Философия» для студентов химического факультета МГУ

Организационные особенности курса. Преподавание различных курсов «Философии» на естественных факультетах МГУ осуществляется кафедрой философии и методологии науки *Факультета государственного управления*. Кафедра находится в первом гуманитарном корпусе университета на четвертом этаже: комната 456 – кабинет заведующего кафедрой Кезина Анатолия Владимировича, комната 457 – кабинет лаборантов кафедры (необходимую информации, просьба, узнавать у лаборантов). Естественен вопрос: «*Почему преподавание курсов «Философии» не осуществляет Философский факультет МГУ, на котором имеется кафедра с точно таким же названием (11 этаж первого гуманитарного корпуса университета – там нас искать не нужно)?*».

«Московский университет начинает свою славную историю в январе 1755 году с трех факультетов – философского, юридического и медицинского. Причем свое обучение все студенты начинали на философском факультете, где получали фундаментальную подготовку по естественным и гуманитарным наукам. На первой стадии обучения философии студенты осваивали такие дисциплины, как логика, метафизика и нравоучение (умозрительная и практическая философия). Далее образование можно было продолжить, специализируясь на юридическом, медицинском или на том же философском факультете... Однако уже в 1804 году, согласно новому уставу университета, философский факультет был закрыт, а исследуемая на нем проблематика и преподавание философии были переданы отделению нравственно-политических наук. С 1817 года в связи с тенденциями объединением духовного и светского образования в России философский факультет периодически то прекращал самостоятельно существовать, то вновь возникал (например, в 1819 году), как бы реагируя на изменения в самом обществе. Преподавание философии осуществлялось, как правило, в рамках нравственно-политического или историко-филологического отделений в весьма усеченном виде. В 1850 году в университете запрещается ряд центральных философских дисциплин: теории познания, метафизики, нравоучительной философии и истории философии. Чтение таких предметов, как логика и психология (традиционно относившихся к философским), было разрешено лишь профессорам богословия, а надзор за преподаванием данных дисциплин, согласно просьбе министра просвещения, был предоставлен «от Святейшего Правительствующего Синода Главным Наблюдателем за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях». В 1863 году в рамках юридического факультета была восстановлена кафедра философии, которая занималась в основном философией права. Лишь в 1906 году на историко-филологическом факультете организуется группа философских наук и курс по истории новой философии. После 1917 года из Москвы уезжают некоторые профессора философии... Однако новая власть также быстро приходит в столкновение со свободной мыслью, которая является условием изучения и преподавания

философии, и в 1918 году согласно печальной российской традиции уже упраздняется даже кафедра философии, а ее преподавание сохраняется лишь благодаря личной инициативе ряда профессоров. После высылки из России в 1922 г. большой группы ведущих преподавателей русской гуманитарной мысли преподавание философии в ее классическом виде было прекращено. В 1933 году, вне стен университета, образуется Московский институт философии, литературы и истории – легендарный, яркий, звездный МИФЛИ. В МИФЛИ серьезно и качественно преподавали философию. Это было очень престижное учебное заведение. В самые трудные годы войны, в декабре 1941 года, когда, казалось бы, менее всего можно было думать об образовании, а уже тем более о философском образовании, в Ашхабаде, куда был эвакуирован университет, происходит передача ряда факультетов МИФЛИ Московскому университету, и после длительного, почти столетнего перерыва философский факультет воссоздается в структуре МГУ, включая в себя кафедры: диалектического и исторического материализма, истории философии и психологии. После Великой Отечественной войны, несмотря на очень сложную политическую обстановку и идеологический пресс, начинается подлинный подъем философского образования... Происходит структурное развитие факультета, открываются новые кафедры, деятельность которых совпадает с основными разделами классического философского знания, начинается систематическая подготовка философских кадров для педагогических и научных учреждений. Сам факт развития философии в этот период требует еще обстоятельного изучения. Но одну мысль я хотел бы высказать. Неправда, что философский факультет был в те времена учреждением идеологическим, а настоящая философия находилась вне стен университетов. По сути своей философия осуществляется как мышление, основанное на свободе, на свободе внутреннего размышления» (Владимир Миронов, профессор, доктор философских наук, проректор МГУ, декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания)¹.

Во второй половине 40 годов XX в. в непростой обстановке, отягощенной к тому же печальной судьбой предшествующего существования философии в Московском университете, складываются предпосылки для образования двух межфакультетских философских кафедр вне рамок философского факультета: кафедры философии естественных факультетов и кафедры философии гуманитарных факультетов². Введение в строй в начале 50 гг. XX в. нового

¹ Миронов В.В. «Мышление, основанное на свободе (размышления к 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ)» в жур. Университет и школа, 2001, №3-4. - С. 40-41.

² Сама история появления наших родственных кафедр изобилует множеством белых пятен и еще ждет своих исследователей, что актуально в преддверии их 50-летнего юбилея. Но есть ряд событий общефилософского плана, определенным образом переплетенных с непростым процессом существования восстановленного философского факультета МГУ и образования наших кафедр. Во второй половине 40 гг. (знаменитый философский 1947 год) произошла философская дискуссия по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», которая перекликается с лекционным курсом Г.Ф. Александрова на естественных факультетах МГУ. В это время на базе Института философии АН СССР стал выходить журнал «Вопросы философии». Первые годы в журнале большое внимание уделялось проблемам преподавания философии. А поскольку

комплекса зданий МГУ на Ленинских горах послужило основанием для становления и вычленения в самостоятельные институциональные формы многих современных подразделений Московского Университета. Одновременно произошло выделение двух философских кафедр в самостоятельное подразделение. Эти две кафедры стали в дальнейшем основой такой структуры МГУ, как «Кафедры общественных наук (КОН)», функцией которой была не подготовка собственных студентов, а преподавание общественных наук (среди них и философии) на других, не профильных факультетах университета. В сложные годы самого конца 80-90 гг. КОН трансформировалась через ряд промежуточных состояний в факультет государственного управления, приобретя собственных студентов и сохранив прежнюю функцию преподавания ряда общественных дисциплин на других факультетах МГУ. Прежняя кафедра философии естественных факультетов теперь называется «Кафедрой философии и методологии науки» факультета государственного управления МГУ, осуществляя преподавание различных курсов «Философии» на естественных факультетах университета.

Однако перспективы этих двух философских кафедр на факультете государственного управления назвать радужными затруднительно. Пока все достаточно стабильно, «постучим по дереву», чтобы и дальше так продолжалось. Но теперь основной функцией факультета стала подготовка собственных студентов, а преподавание общественных дисциплин (философии в том числе) на других факультетах МГУ – дополнительная, вспомогательная, оставшаяся от прежних времен. Может сложиться такая ситуация, когда данные функции нашего факультета войдут между собой в неразрешимое противоречие. А это в определенной степени уже «отдаленно», «опосредованно» происходит по поводу кафедральных аудиторий, кафедральных ставок, кафедральной педнагрузки, тематики научных исследований, «внебюджетного» финансирования. В чью пользу будет решение???

Традиционно общий студенческий курс «Философии» в Московском университете для большинства факультетов преподается на втором курсе (например, на химическом факультете МГУ), но есть исключения, когда он представлен на четвертом курсе (например, на физическом или почвенном факультетах). А для студентов-управленцев Черноморского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Севастополе первоначально курс «Логики» читался

академические структуры являются послевузовскими учреждениями, то практическая реализация этих обсуждений в основном осуществлялась в Московском Университете. Здесь решающим был фактор близости и наличие восстановленного философского факультета. На рубеже 40-50 гг. в спешном порядке была предпринята попытка восстановить преподавание логики в средних учебных заведениях, для чего в трех университетах СССР, в том числе и Московском Университете, создаются кафедры логики для подготовки соответствующих специалистов. Эти обстоятельства фактически разграничили преподавание общеуниверситетского курса философии для профессиональных философов и для обучающихся на других факультетах МГУ, что и явилось в той или иной степени *одним* из оснований для образования наших кафедр. Только с учетом этих и других исторических обстоятельств можно разобраться в непростой истории существования философии в МГУ им. М.В. Ломоносова в 40 – начале 50 гг. XX в.

на первом курсе, по новому учебному плану была попытка перенесения его на четвертый курс. Встает вопрос: «Есть ли объективный критерий для определения оптимального периода освоения философии и философских дисциплин (например, логики) в рамках общеобразовательной университетской подготовки?».

Обычно специализация в подготовке студентов в МГУ начинается со второго-третьего курса (в зависимости от конкретного факультета). Поэтому логично все общеобразовательные дисциплины заканчивать изучать на первом-втором курсе и дальше иметь дело только с профильными дисциплинами. Такова традиция *классического* европейского университета: все поступающие в университет сначала учились и успешно заканчивали философский факультет, который, в соответствии с современной терминологией, можно назвать «общеобразовательным факультетом» (так как до середины XIX в. почти все ныне самостоятельные науки были философскими дисциплинами), и только затем обучались на других факультетах. К сожалению, классическая традиция была нарушена, что сказалось на качестве университетского образования не лучшим образом. Теперь общеобразовательные дисциплины преподают до пятого курса включительно, а некоторые специальные дисциплины начинают изучать на первом курсе. В результате сложилась неестественная ситуация, которую на быденном уровне можно определить как «Запрягать телегу впереди лошади» или «Надевать нижнее белье, когда уже надето верхнее». К сожалению и удивлению, это положение вещей никого не смущает. Причина этому - своекорыстные личные и групповые интересы или чиновников от образования, или самих участников образовательного процесса, преподавателей тех или иных дисциплин, для которых часто свои личные (дисциплинарные) интересы важнее, чем качественное, «совершенное» образование для студентов. По сути «каждый тащит общее одеяло на себя». А в этой ситуации, как отмечалось ранее, кто на данный момент сильнее, тот и перекраивает под себя учебный процесс или статус и субординацию между различными дисциплинами. И никакие общие ценности здесь почти не имеют значения, все очень грубо и примитивно, как в реальной жизни – это и есть одно из проявлений ее.

Чтобы понять объективный критерий, определяющий оптимальный период освоения философии в рамках общеобразовательной университетской подготовки, необходимо знать место и роль философии в реальной деятельности ученых, результаты которых преподаются и изучаются в университетах. Общая *схема деятельности* ученого такова: *метафизическая система* (иногда нефилософы используют в качестве синонима термин «философия») – *методология*, вытекающая из системы, – *результаты* использования методологии. Сначала в духовной культуре имеются некоторые метафизические системы. Из них кто-то (может быть, и сам данный ученый) строит некоторую теорию, конечно, с опорой на те или иные факты. Затем конкретный исследователь, беря какой-то фактический материал, выстраивает его так, как диктует выбранная им та или иная теория. При этом сам ученый может и не осознавать, что стоит на позиции какого-то подхода, точно так же,

как герой Мольера, не знавший до определенного времени, говорит он прозой или стихами. Если учащиеся хотят в совершенстве освоить изучаемый предмет, то обязательно должны *докопаться*, как бы тяжело и трудно ни было, до *метафизической системы*, лежащей в основании этого предмета (она обязательно есть)¹ и выявить ту *методологию*, которая соединяет систему и фактический материал. Если учащимся это удастся, то изучать в этом предмете уже им нечего. Но чтобы это сделать, необходимо знать те метафизические системы, которые уже функционируют в культуре, необходимо изучить сначала философию, а затем приступить к изучению конкретных, специальных дисциплин.

В отношении логики это выглядит так. В традиции европейской культуры образование и наука всегда существовали и функционировали на *языке* логики: в *форме* понятий, определений, суждений, идей, теорий, умозаключений и т. д. Результаты науки написаны, зашифрованы на языке логики. Незнание этого языка закрывает дверь для аутентичного освоения всего того, что уже создано наукой, не говоря о возможности самостоятельно открыть или создать что-либо новое. Поэтому в европейской культуре изучение логики осуществлялось на средней ступени образования. В университете также для всех поступивших изучение логики было обязательным (в классической европейской культуре имело место *дублирование* в освоении логики, потому что *без обязательного знания логики дальнейшее образование было бессмысленным*).

Преподавание и изучение логики и философии на четвертом курсе, когда образование уже почти завершено (пятый курс, как правило, связан с педпрактикой и выполнением дипломной работы), студентам необходимо так же, как «корове седло» или «пятое колесо телеге». Но самое интересное, почему подобных манипуляций в университете не делают, например, с иностранным языком или физкультурой?...

«Философия» для студентов Химического факультета МГУ преподается на втором курсе на протяжении двух семестров, с обязательными еженедельными 2 часовыми лекциями и 2 часовыми семинарскими занятиями. В первом семестре по итогам обучения производится аттестация студентов в

¹ Если есть предмет, о том, что он есть, свидетельствует наше изучение его, то есть и материал, который в данном предмете изложен. Если есть материал, то он был получен каким-то способом, методом, в противном случае материала бы не было. И если есть метод, то должна быть и теоретическая система, обосновывающая этот метод, в противном случае не будет метода. *«Метод познания всегда содержит две органически связанные стороны – объективную и субъективную. Причем в методе первая должна переходить во вторую. В гносеологическом отношении этот переход означает переход истинности в правильность. Единство системы и метода носит диалектический характер. С одной стороны, ни одна система знания полностью не реализуется в методе, она по своему содержанию богаче его. С другой стороны, возникший на основе системы метод в своем развитии обязательно выходит за ее пределы, ведет к изменению старой системы знания и созданию новой. Система более консервативна, стремится сохранить и усовершенствовать себя. Метод по своей природе более подвижен, направлен на приращение знания и создания новой системы. В той мере, в какой метод основывается на объективно-истинной теоретической системе, он по существу не может быть неправильным. Неправильным может быть практическое применение такого метода субъектом, в частности распространение сферы его действия за пределы предмета, закономерности которого отражены в теоретической системе, лежащей в основе данного метода»* (Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. – М., 1973. - С. 83).

форме **зачета**, а во втором семестре – в форме **экзамена** за полный годичный курс обучения. В отношении экзамена по общеобразовательному студенческому курсу для всех естественных факультетов есть решение нашей кафедры, по которому устный экзамен является *обязательным элементом* курса «Философия» и не допускается его замена различного рода суррогатами типа «автоматов», рейтингов, контрольных работ, рефератов и т. д. Поэтому каждый студент должен знать, что окончание курса «Философия» для него произойдет после успешной сдачи экзамена.

Содержательные особенности курса. Курс носит название «философия», но что за ним скрывается, ведь *всю* философию не изучают даже на философском факультете?

Ответ не так просто сформулировать, как может показаться неискушенному обывателю. Первая, самая важная проблема, с которой необходимо справиться, – это учет всего фактического материала, имеющегося в арсенале философии. С ним, пожалуй, по объему в человеческой культуре ничто не сравнится. Это связано с тем, что философия существует более двух с половиной тысячелетий, старше ее только мифология. К тому же, в европейской традиции вплоть до середины XIX в. философия включала почти все ныне самостоятельные науки. Поэтому самым естественным будет поступить по известному принципу: «Берем глыбу мрамора и отсекаем все ненужное, лишнее...».

Если взять основные философские дисциплины – онтологию, гносеологию, логику, этику, эстетику, историю философии, то придется отбросить, отсечь все, за исключением истории философии. Почему приходится оставлять *только историю философии*?

1. Когда наступил позитивный век в европейской культуре (середина XIX в.), естествознание отделилось от философии. Поэтому самостоятельность онтологии стала проблематичной, так как она является учением о бытии, а бытие – это то, что *есть, существует*. Все существующее более точно и строго теперь изучают естественные науки. Проблемы гносеологии стали решаться экспериментальной психологией. Логика «приватизировала» математика. Этика еще в средневековье стала во многом предметом христианства. Эстетику часто трактуют как теорию и историю искусств и т. д. Создавалась для многих иллюзия, которую В. Виндельбанд обозначил так: «Философия, как король Лир, раздала весь свой скарб частным наукам...». Отсюда появился тезис: «Философии больше нет, а есть только история философии (философия осталась в прошлом)». В начале XX в. крайность этого тезиса была смягчена, но «история философии» осталась *теперь* важнейшей, во многом первой философской дисциплиной.
2. Значение истории предмета в социально-гуманитарной области на порядок выше, чем в естествонаучной области – это отличительная особенность *любой гуманитарной дисциплины*. Например, при получении специальности «философ», все будущие философы больше всего сил и времени тратят на освоение истории философии (в отечественной традиции «история философии» преподается с первого курса по пятый включительно). В работе

профессиональных философов история философии также занимает абсолютно господствующее положение. То же и в других социально-гуманитарных дисциплинах, хотя возможны некоторые количественные корректировки, в зависимости от той или иной специальности. Место и роль истории предмета в науках об обществе и человеке на порядок больше по сравнению с науками о природе. При подготовке естественников курс по истории собственного предмета обычно занимает один семестр или еще меньше.

3. С прекращением существования СССР, произошла деидеологизация культуры, что отразилось и в преподавании философии. В системе советского высшего образования общими обязательными курсами по философии были «диалектический и исторический материализм («диамат» и «истмат»)), как считалось, выражающие философскую идеологию марксизма-ленинизма. На самом деле, кроме внешней фразеологии, никакой связи с марксизмом не было, а был чистейшей воды, самый банальный позитивизм типа О. Конта и Г. Спенсера. Теперь большая часть вузовских курсов «Философии» стихийно, самопроизвольно, без указа сверху содержательно трансформировалась в историю философии, как наиболее эмпирически нагруженную философскую дисциплину, где в силу этого сложнее всего осуществить насаждение чей-либо идеологии. Был конкретный философ, написавший определенное произведение, где имеется ряд идей, что-либо к ним добавить или убавить сложно, так как любой может это проверить по первоисточнику. Единственно что можно сделать – это дать какую-либо оценку, например, хороши или нет, прогрессивны или консервативны и т. д. какие-то взгляды философа. Но это всего лишь чье-то мнение, с которым можно и не согласиться.
4. История философии фактически включает в себя все другие философские дисциплины. Любую из них можно рассматривать исторически, например, как историю логики или историю этики и т. д. В итоге меньше чьих-то идеологических, волюнтаристских, субъективных наслоений (что было уже продемонстрировано выше на *некоторой части* истории образования, науки и символической логики).
5. В ряде случаев современные общеобразовательные вузовские курсы философии имеют двухчастную структуру: история философии и «теоретическая философия» (последняя представляет собой фактически приукрашенный, но все же прежний «диамат» и «истмат», «философию математики» или «философию психологии» и т. п. (об этом варианте мы еще дальше поговорим)). Подобные курсы, конечно, уступают чистой истории философии, так как в них сильна субъективность, «однопартийность», произвольность...

Мы опять вернулись к тому с чего начинали: в истории философии, как отмечалось в 4 тезисе, заключена вся философия. Но здесь есть один небольшой, но очень важный новый момент для нашего курса – подходить ко всему *исторически*.

Теперь необходимо «отсечь» какие-то части в самой истории философии. В первую очередь отсеченными частями окажутся восточные традиции философии (индийская, китайская, арабская философии). Остаться должна только западная традиция философии. Почему?

Телеграфно: крещение Руси привязало нашу культуру к западной традиции; реформы Петра Великого стали неоевропизацией России; Социалистическая революция 1917 г. ознаменовалась практическим спором «славянофилов» и «западников», где победили последние в форме «марксизма-позитивизма»; война с фашистской Германией, а затем противостояние Америке в холодной войне также не выпускают Россию из «объятий» Запада... Поэтому восточные традиции философии в практике современной российской действительности неприменимы, в первую очередь в науке и образовании. В восточных системах *почти* нет таких развитых и вычлененных в самостоятельные дисциплины областей философии, как метафизика и логика, что исторически являлось и является фундаментом науки и европейской системы образования.

У нас получилось, что в нашем курсе «Философии» будет содержаться история западной философии. Но и это ограничение по объему не сможет вместиться и в несколько наших курсов. Необходимо еще существенно ограничить материал истории философии. Дальнейшее ограничение неизбежно упирается в проблему, которую декан философского факультета сформулировал следующим образом.

«Первая проблема, с которой следует начинать, – **проблема преподавания философии** в высших учебных заведениях. Одна из типичных сегодняшних ошибок заключается в том, что в вузы бездумно переносится модель университетского преподавания философии. В результате за один год преподавания философии пытаются дать студенту тот же объем материала, который дается на философском факультете университета. Но – в сжатом виде. И понятно – в каком качестве. Великий немецкий философ И. Кант выделил два самостоятельных уровня философии, выполняющих разные задачи в общественном сознании. Первый он обозначает как *«школярская» философия*, знакомиться с которой следует на ранних стадиях обучения, в школах, гимназиях и лицеях, говоря современным языком, в рамках среднего школьного образования. Данная характеристика философии не является негативной, если она реализуется в соответствующих ей пределах. В то же время, по Канту, существует *философия как особая наука о последних целях человеческого разума*, которая придает ценность всем другим видам знания, выявляя их значение для человека. Здесь она выступает как философская мудрость... *Это высший уровень философии*, который должен преподаваться на философских факультетах университетов... И, наконец, между школярским и высшим уровнем находится *общеуниверситетский уровень преподавания философии*, который должен быть характерен для нефилософских факультетов университетов. Он гораздо объемнее и глубже уровня школярского (вузовского), но более профилирован. Здесь философия должна исследоваться систематично, демонстрируя связь с фундаментальными

университетскими дисциплинами от математики и физики до филологии и истории» (Владимир Миронов, профессор, доктор философских наук, проректор МГУ, декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания)¹.

Сегодня «школярская» философия в среднем школьном образовании России *почти* отсутствует². Отдельного школьного философского курса нет³. Есть курс обществознания, но в нем отсутствует специальный раздел по философии и это притом, что в советском курсе обществоведения был раздел, посвященный марксистской философии, пускай жалкий, примитивный, убогий и т. д., но все же был.

Школьный курс логики как составной, неотъемлемой части философии также неоднозначен, на ряде противоречивых моментов его следует остановиться отдельно.

На рубеже 80-90 гг. XX века, с прекращением существования Советского Союза, в сфере образования сильна была тенденция на гуманизацию и гуманитаризацию ее, связанные с преодолением идеологизации образования и перераспределением подготовки в пользу специалистов-гуманитариев, чем специалистов естественно-технического профиля, как до этого было противоположным образом в СССР. На этой волне и началось расширение преподавания логики (что отвечает общей потребности общества в повышении культуры его членов), в том числе и в средних учебных заведениях. В средних учебных заведениях ввели курс логики только для лицеев и гимназий, и соответствующих классов общеобразовательных школ. Но так как финансирование их велось во многом самими родителями обучающихся детей, то со временем стали отказываться по финансовым соображениям от ряда дисциплин не профильных для сдачи вступительных экзаменов в Вузы – логика не является вступительным экзаменом не по одной специальности, по которым готовят Вузы (но с другой стороны, чтобы стать вступительным экзаменом, необходимо наличие этой дисциплины, как обязательной на уровне среднего

¹ Миронов В.В. «Мышление, основанное на свободе (размышления к 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ)» в жур. Университет и школа, 2001, №3-4. - С. 41-42.

² Автору приходится периодически преподавать логику и обществознание в различных средних учебных заведениях. Некоторые размышления на сей счет были опубликованы в ряде работ: Брызгалина Е.В., Киселев В.Н., Шлейтерс С.В. «Обществознание. Уч.-метод. Пособие».- М., 2000; Киселев В.Н. «Преподавание логики в современных условиях». - МГУ, М., 2001 – Деп. в ИНИОН РАН от 6.12.2001, №56862; Киселев В.Н. «Школьный курс «Обществознания» в свете вступительного экзамена на гуманитарные факультеты». - МГУ, М., 2001 – Деп. в ИНИОН РАН от 6.12.2001, №56863.

³ В последние годы были опубликованы пособия д. филос. н., проф. П.С. Гуревича «Введение в философию (10-11 класс). - М., 1997», «Хрестоматия по философии (10-11 класс). - М., 1997», «Методическое пособие по философии (10-11 класс). - М., 1997», Д.А. Гусева «Введение в философию (10-11 класс). - М., 2001»... Но они рассчитаны только на *профильные* классы средних общеобразовательных учреждений. Дисциплина «Введение в философию» в средних учебных заведениях появилась в период «безвластия» в системе среднего образования. Она являлась промежуточным этапом при переходе от обязательного советского обществоведения к обязательному нынешнему обществознанию. «Введение в философию» изучается в школе крайне ограниченным числом учащихся, поэтому и можно говорить об отсутствии «школярской» философии в современной системе среднего образования.

образования - получается круг). Если на уровне средней школы был всплеск повышения активности в преподавании логики, а потом некоторый откат, то в высших учебных заведениях – после некоторого повышения, наметилась полоса стабильности, которая не стала бы застоем. Скорее всего, это состояние и есть тот предел, на который может подняться *стихийное* (в основном благодаря энтузиазму отдельных людей) преподавание логики.

Чем же на практике оборачивается такая половинчатость с логикой - *в целом* в системе среднего образования и вузах вроде бы логика есть и вроде бы ее нет?

В своей педагогической практике нам приходилось не раз сталкиваться на уровне вузовского образования с теми, кто изучал логику, в том числе и у нас, в системе среднего образования. Личный опыт приводит к категорическому выводу: «никакого преимущества тех, кто изучал логику, над теми, кто ее не изучал, в дальнейшей учебной деятельности *почти* нет». Почему? Вопрос не праздный, а важен для нас в первую очередь для личного профессионального роста и совершенствования как преподавателя, в том числе и логики.

Первое, что естественно приходит на ум, – ошибки преподавателя (наша ошибка, наша недоработка), второе – нерадивые ученики. Но детальный анализ ситуации этого не подтверждает. Сам раздел логики, который обычно преподается в средней системе образования, – традиционная формальная логика (еще ее называют «школьной логикой»), - в неизменном виде существует два с половиной тысячелетия. За этот срок были найдены и выработаны педагогами простые и эффективные приемы в усвоении учащимися самых сложных мест в этой логике, вплоть до мнемонических приемов, облегчающих запоминание пройденного материала, например, «логический квадрат» и др. Как показывает многовековая практика, успешное освоение элементарной логической культуры - это не удел избранных, а напротив – только отдельные «избранные» не в состоянии этого сделать. Наша личная практика подтверждает это, да и других преподавателей тоже. Правда, у студентов философского факультета в освоении различных предметов наибольшую трудность вызывает именно логика. Но это связано с тем, что *основой* общего курса логики на философском факультете является не традиционная формальная логика, а символическая логика. Как было сказано выше, она *не* является *философской* дисциплиной и *основой гуманитарного* образования, а всего лишь, есть часть математики и техники. К тому же имеет место и «субъективный фактор», не всегда позитивный, со стороны некоторых преподавателей логики.

И тут объяснение этого может быть следующим, через историческое сравнение. В прежние времена («золотые времена» для логики) среди тех, кого можно назвать «читающей и образованной публикой», знакомых с логикой было большинство. Логикой изучали или в гимназии, или в лицее, или в университете и т. д. Любая мысль, высказанная в обществе этой «почтенной публики», сразу же могла быть оценена с точки зрения логической правильности и корректности, что поддерживало высокий «статический тонус» в целом логической культуры, не позволяющий в логическом плане ни на

минуту расслабиться. Сегодня знакомых с элементарной логической культурой фактически единицы. Человек, владеющий логикой, в повседневной и профессиональной деятельности не имеет никакого преимущества над не владеющими ею. В действиях современного суда и парламента нет не только рациональных (значит, и логических) оснований, но даже здравого смысла (скорее, это все напоминает театр абсурда). В сфере современной науки и образования разумности тоже нет, конкретные примеры этого уже приводились выше. В целом, ситуация с рациональностью, с логикой в современной отечественной культуре (в самом широком значении, а не только в смысле «духовной сферы») - «прав не тот кто прав, а прав тот кто имеет больше прав» или «по положению мы господя, но мы не господя положения». Поэтому, с владеющими логикой происходит все в соответствии с принципом и законом «естественного отбора» - все то, что не функционирует и не приносит какой-либо практической пользы отмирает. Поэтому, овладев логикой, по прошествию небольшого времени современный человек забывает ее за ненужностью практического использования¹. Общество и культура, затратив некоторые, пускай минимальные усилия на логическую подготовку человека, никакой положительной отдачи от этого не имеют – эти усилия «уходят как вода в песок». Более того, в обществе отсутствует осознание этой ситуации.

Возвращаясь к проблеме, сформулированной деканом философского факультета В.В. Мироновым, констатируем: **на школьном уровне философии нет, и, следовательно, весь груз философского образования ложится исключительно на вузовские плечи: вузы и философия оказываются в одиночестве, без внимания и помощи со стороны современного общества и культуры.** Реалии современной жизни сразу же, строго определенным образом, заставляют решать эту проблему в соответствии с известным принципом: **«спасение утопающих – это дело самих утопающих» («проблемы преподавания философии - это дело самих философов»).**

В связи с вышеизложенным, можно уже сейчас сформулировать один принцип в отношении общего вузовского курса философии, и связи его с логикой. Придется в курсе философии периодически давать заново те или иные сведения из логики, вне зависимости от того, до этого изучали их студенты или нет. К сожалению, это равносильно «топтанию на месте»: вместо освоения «собственно» содержания истории философии придется возвращаться (или изучать) то, что *должно* уже знать и уметь. От этого эффективность преподавания резко снижается (помимо истории философии, придется преподавать и часть логики), естественным образом скатываясь к тому, чтобы в *определенной степени* «за один год преподавания философии попытаться дать студенту тот же объем материала, который дается на философском факультете университета, но – в сжатом виде, и понятно – в каком качестве».

¹ Есть распространенная точка зрения, что «человек один раз научившийся ездить на велосипеде, никогда уже не потеряет этот навык». Если ее применить к логике, то... – «навык не пропадает, но им воспользоваться можно только тогда, когда есть велосипед, а в современном обществе велосипедов почти не осталось все пересели на «600 Мерседесы» и ”сложили пальцы веером”».

Следовательно, «*общеуниверситетский уровень преподавания философии*», который должен быть характерен для нефилософских факультетов университетов», *если* он будет «гораздо объемнее и глубже уровня школярского (вузовского), но более профилирован («здесь философия должна исследоваться систематично, демонстрируя связь с фундаментальными университетскими дисциплинами от математики и физики до филологии и истории»), *то* этот курс еще в большей степени станет «за один год преподавания философии попыткой дать студенту тот же объем материала, который дается на философском факультете университета, но – в сжатом виде, и понятно – в каком качестве». Получится, что преподавателю этого общеуниверситетского курса философии придется «пахать» и за себя (давать «наиболее общие» сведения о философии) и «за того парня» (давать в определенной степени по философии то, что *должно* и традиционно было на «школьном» уровне, плюс – «профилированную философию»), пускай этот «парень» твой профессиональный коллега (а иногда и ты сам, если связан с преподаванием философских курсов на других уровнях системы образования). При такой свехинтенсивности и свехнагруженности этот курс будет малоэффективен как для студентов, так и для преподавателей, в силу перенапряжения их усилий.

Что касается преподавания «профилированной философии» в стенах МГУ, в практике нашей кафедры, то *формально-организационно ситуация такая*. Самое главное, нам всегда приходится «играть» на выезде, на чужом поле в окружении чужих болельщиков, симпатии которых как правило адресованы принимающей стороне. Мы преподаем не «своим», а «чужим» студентам. Безусловно, содержательно все университетские студенты наши, речь идет о формально-организационном подчинении. В силу этого, а также не очень дружественного, уважительного, почтительного отношения в целом в современной культуре к философии соответствующие курсы расцениваются как пускай и обязательная составляющая университетского образования, но все же как помеха в подготовке собственных студентов по профилю своего конкретного факультета. Поэтому, были случаи, когда реальное преподавание нашей кафедрой «профилированной философии» давало повод для того, чтобы этот курс вели не философы, а преподаватели принимающего факультета. Понятно какого качества при этом получается философия – никакого, так как руководство этих факультетов преследует свои узкоместнические интересы, а не повышение общефилософской культуры студентов, не говоря уже о перенесении философии на ряде факультетов с младших курсов на старшие¹. Можно только удивляться, почему этот негативный процесс не охватил большинства факультетов МГУ? Четкий ответ

¹ Думается, в этом аспекте наши предки были умнее нас. Сначала все студенты учились на философском, общеобразовательном факультете и формально-организационно были в подчинении этой структуре. Следовательно, никто, извините за грубость, своим «суконным рылом в калачный ряд не лез». Вопросы общеобразовательной подготовки были исключительно в компетенции тех, кто ее и осуществлял (мы оставляем за скобками директивное влияние на это процесс *сверху*, который реально всегда имел место быть в практике образования).

на этот вопрос необходим как для принимающей нас стороне, но еще в большей степени для нас (преподавателей нашей и смежной кафедры философии ФГУ), чтобы не наступать на эти «грабли» дважды.

Интерес может представлять то, что влияет формально-организационно в самом курсе философии на отношение к нему принимающих нас факультетов, а все то, что связано с влиянием личностного фактора (хотя он важен и требует учета) не рассматриваем, так как он не носит общерекомендательный характер, а является индивидуальной особенностью. Общим (хотя в ряде случаев есть некоторые нюансы) *препятствием* на пути негативных шагов со стороны факультетов к философии с формально-организационной стороны является целостность этого курса и содержательно посвященного «истории философии». Как только курс оказывается *в общем времени, отводимым на изучение философии*, разбит формально-организационно на «общефилософский» и «философский спецкурс», а содержательно последний является «профилизированной философией», то здесь то и возникает «яблоко раздора».

Что касается *содержательного аспекта* «профилизированной философии», то на практике этот курс превращается в чтение диаматовского позитивизма. Недостатки его следующие. «Обычно – как показывает и продолжает показывать опыт – такая «философия» неизбежно превращается в тяжелый балласт, в гири на ногах науки и активно мешает реальным наукам двигаться вперед, поскольку, будучи обобщенным описанием сегодняшних результатов исследования, она всякий шаг науки за пределы этих результатов, естественно, рассматривает как покушение на свои собственные построения, как их расшатывание и «ревизию». С другой же стороны, такая – позитивистская ориентированная – философия остается, как правило, вполне безучастной и снисходительной там, где происходит действительная ревизия устоев философии, и даже поощряет эту ревизию в тех случаях, когда она производится под флагом выводов из «современного естествознания», там, где «новейшее открытие» в физике или в астрономии (а оно для позитивиста всегда имеет значение высшего критерия «философских» истин) непосредственно не согласуется с утверждениями действительно научной философией. Тут позитивист всегда рад поскорее «исправить» философские понятия в угоду «новейшему открытию» и применительно к нему. Открыли физики тот факт, что атом не является последней, неделимой далее, частицей мировой материи, - и сразу же возникает умозаключение – «материя исчезла», «нет больше материи», а есть лишь исторически меняющиеся «комплексы ощущений», «сгустки энергии» и т. д. и т. п. Построили машину, внутри которой происходит преобразование одних высказываний в другие высказывания, одни сочетаний знаков в другие сочетания знаков, - и сразу же появляется толпа «философов», которые видят в этом опровержение всего того, что научная философия говорила ранее о «мышлении», об «интеллекте». Начинают, обобщая явления, происходящие в такой машине, строить «новое», «современное и научное»,

понятие мышления и интеллекта вместо «устаревшего», «философского». Сколько уж было таких печальных уроков, так нет же, не идут они впрок»¹.

Чтение такого курса философии в качестве общеуниверситетского – это не уважать свою профессию, аморально в профессиональном философском плане. Из-за особенности Московского университета и кадрового состава нашей кафедры, где почти половина ее составляют выпускники нефилософского факультета, для которых этот общеуниверситетский курс философии является исходной основой знаний их профессии. А если преподавать этот курс как «философию соответствующей естественнонаучной или гуманитарной дисциплины», то получится, что мы собственными руками готовим себе смену вскормленную на отвратительной позитивистской похлебке². И тогда нечего сетовать на то, что философия в современной культуре находится в жалком состоянии – мы сами, своими собственными руками способствуем этому.

Даже если принять такой философский курс к исполнению, то что в принципе содержательно профессиональный философ в него может вложить? Для автора настоящей программы этот вопрос не празднично-риторический, а практический. Еще в студенческие годы на философском факультете нами проводились исследования по искусственному интеллекту и смежным дисциплинам. По этой теме была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. После этого, нам пришлось прочитать соответствующий спецкурс на факультете вычислительной математики и кибернетики.

Самое большее что может сделать в этом курсе «философ» - вычленив те философские основания (метафизические конструкции), которые исторически были позаимствованы из арсенала философской традиции той или иной конкретной наукой, а также объяснить, например, что некоторые исследовательские неудачи или успехи являются прямым следствием использования конкретными учеными определенной философской концепции, *и все*. Но это всего лишь «обобщенное описание сегодняшних результатов исследований». Другие имеющиеся в арсенале философской традиции концепции, которые не использовались в данной науке, в *данном курсе* освещаться не могут. Если же «философ» попытается предложить другие философские идеи для данной науки, то проверить степень их применимости можно будет только после проведения соответствующих исследований, а это уже выход за пределы собственно философии. В этом отношении показателен пример с К. Марксом.

К. Маркс – профессиональный философ, получивший великолепное философское образование. Он сделал талантливый критический философский

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991. - С. 345-365.

² Почему это «похлебка» в отношении философии? Потому, что ни в одной из конкретных наук вся философская традиция не представлена, а, как правило, отразилась только незначительная часть, и не редко худшая, несовершенная. Точнее было бы ее назвать разновидностью «сивухи», которая в свое время оказывала опьяняющее воздействие на культуру, но по прошествии определенного времени она «перебродила» до такой степени, что превратилась в яд. Ее употребление убивает сразу же и наповал.

анализ предшествующей политэкономии, выявив ряд проблем в ней, которые являлись прямым следствием несовершенства господствующих прежде философских подходов. Но как только он попытался предложить и реализовать более совершенную философскую концепцию в политэкономии, что реально у него получилось после напряженнейшего 25-летнего труда – он практически перестал быть философом, а стал политэкономом. Поэтому большинство исследователей его творчества выделяют два периода: философский в молодости, и в дальнейшем – политико-экономический («если Марх не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* *«Капитала»»* Ленин В.И. ПСС, т. 29, стр. 301. – в переводе на обычный язык это означает «Маркс не оставил чистой философии, а оставил философию политэкономии»))¹. Таким образом, в собственно философском плане этот *общеобразовательный* курс, именно как *общеобразовательный*, в университете совершенно бесполезен: здесь нет философского *общего образования*, а есть только образование *частное*, причем частное не только для других наук, а даже для своей собственной.

Во многом преподавание в университете курса «профилизированной философии» - это вчерашний день. Этот курс хорошо вписывался в программу советского «диалектического материализма», содержание которого черпалось из конкретных наук, в первую очередь из естествознания. Соответственно, курс «профилизированной философии» - это возвращение того, что предварительно было заимствовано, но уже с железной философской базой, хотя, конечно, реального серьезного философского обоснования не было, а если и было, то исключительно в духе позитивистской традиции. Исходя из этого и кадровая политика наших двух родственных кафедр, как модно сейчас говорить, была «заточена» на подготовку своими силами из выпускников нефилософских факультетов МГУ преподавателей «диамата», «истмата» и «профилизированной философии», через отдел аспирантуры и защиты ими философских диссертаций.

За последние десять лет, ситуация на нашей кафедре существенно изменилась. В этом, безусловно, заслуга заведующего нашей кафедры профессора Кезина Анатолия Владимировича. Основная направленность большинства преподаваемых нашей кафедрой курсов на естественных факультетах, включая и общеаспирантский курс по философии, – «история философии» или историческое рассмотрение определенного предмета. Кадровая политика нашей кафедры сегодня состоит в подборе и дальнейшей

¹ Этот пример говорит о том, что лучше подготовить профессионального философа, а затем осуществить его узконаучную специализацию. Так оно и было в классической университетской системе образования - первым делом все заканчивали философский факультет, «а уже девушки (науки) потом». Да и почти «вся» история европейской культуры демонстрирует что из среды философов порой выходят гениальнейшие деятели «нефилософских» дисциплин. *Исторически* не философия является наукой, а любая наука есть «определенная философия». Прецедентов обратного перехода в истории нет. Нет в европейской культуре ни одного *гениального* философа, который вышел бы из конкретной, тем более естественной, науки. Исключение – теология, но она сама порождена философией. Есть даже известное высказывание: «Если как следует поскрести настоящего философа, там окажется теолог».

подготовке преподавателей с *базовым философским образованием*. Поэтому можно сказать, что с нашей стороны было сделано очень многое для улучшения ситуации в преподавании философии в Московском университете. Но, к сожалению, повышения общей философской культуры так и не произошло. Слишком сильны негативные тенденции как в целом в культуре, так и непосредственно в МГУ.

На химическом факультете читается общий студенческий курс по философии. Который в формально-организационном плане является нерасчлененной целостностью и весь содержательно посвященный «истории философии». Такое состояние курса философии - заслуга руководства химического факультета, которое в непростых условиях сохранило часть классического университетского наследия и не увлеклось сомнительными образовательными авантюрами, и усилий сотрудников нашей кафедры¹.

На *«общеуниверситетский уровень преподавания философии*, который должен быть характерен для нефилософских факультетов университетов», неизбежно оказывает влияние специфика Московского университета, его отличие от других учебных заведений России. В силу исторической судьбы Московского университета, как самого первого реально функционировавшего университета, перед ним встала задача подготовки высших педагогических и научных кадров для дальнейшего развития университетской системы образования и научных учреждений. Эта функция МГУ сохраняется и до современности. На сегодняшний день в этой функции в культуре нет реальных конкурентов у нашего университета в России. Ясно, что просто диплом о высшем образовании МГУ, не является свидетельством высшей квалификации в науке и педагогической деятельности. Таким свидетельством в современной отечественной традиции является наличие кандидатской и докторской научной степени. Для подготовки защиты которых в российской культуре специально функционируют отделы аспирантуры и докторантуры. Есть и другие механизмы, для получения научных степеней, например, через соискательство. Но как показывает опыт именно аспирантура и докторантура основной механизм подготовки высших кадров в стране. В МГУ самая большая и самая качественная аспирантура и докторантура в России. Например, численное соотношение принимаемых на обучение на химический факультет такое: ежегодно студентов – приблизительно 215-225, ежегодно аспирантов – около 100-105 (как показывает опыт, почти 40% непосредственно выпускников

¹ На протяжении десяти лет сложилась определенная традиция в преподавании философии. Источником этой традиции являются, в первую очередь, лекционные курсы А.В. Кезина, А.С. Надточаева, Н.М. Сидоровой, О.Д. Волкогиной, В.Н. Киселёва, прочитанные нами за период 1991-2001 гг. на химическом факультете, все мы выпускники философского факультета. При произвольном стечении обстоятельств, получилось так, что все перечисленные преподаватели, за исключением последнего, или специализировались на исторических кафедрах философского факультета в бытность студентами, или защищали потом диссертации по истории философии. Поэтому, общий студенческий курс на химическом факультете содержательно и не мог быть другим. Автор программы заканчивал философский факультет по кафедре логики. Однако история философии преподавалась «всем» с первого курса по пятый включительно.

химфака поступает в аспирантуру). Правда, в целом для Московского Университета характерно иное соотношение студентов и аспирантов – как 3:1.

Отличие аспирантуры от докторантуры в том, что в деятельности первой предусматривается специальная образовательная подготовка по трем дисциплинам и сдача соответствующих экзаменов кандидатского минимума: по избранной специальности, иностранному языку и *философии* (по этим же трем дисциплинам проводятся и вступительные экзамены в аспирантуру). Следовательно, задача «*общеуниверситетского уровня преподавания философии*, который должен быть характерен для нефилософских факультетов университетов», состоит в том, чтобы заложить базу, основу для последующей подготовки студентов к результативному освоению философского аспирантского курса, в том числе и для сдачи кандидатского минимума по *специальности* «философия» (памятуя о том, что часть преподавателей нашей кафедры с естественнонаучным образованием через аспирантуру защищали затем диссертации по философии)¹.

Именно наличие аспирантуры является отличительным признаком МГУ, и это обстоятельство *существенным образом влияет*, и на формально-организационные моменты, и на содержание, и на кадровый состав преподавателей всех курсов и дисциплин студенческого уровня. Поэтому содержательно «*общеуниверситетский уровень преподавания философии*, который должен быть характерен для нефилософских факультетов университетов», обязан отличаться большей долей фундаментальности, основательности в отношении философии. И следовательно, «профилизированная философия» не должна присутствовать в курсе общеуниверситетской философии, так как она не является фундаментальным элементом самой философии, а есть только одна из частных традиций в ней.

В преподавательской практике нашей кафедры на студенческом уровне так и происходит: надлежит дать студентам в первую очередь представление о *классической традиции* философии. Если в предшествующей практике имеет место преподавание в той или иной степени элементов «профилизированной философии» (это не носит обязательного характера), то это не должно сказываться на качестве преподавания классической традиции. Вопросы по философии для поступающих в аспирантуру на все естественные факультеты МГУ являются общими и не включают в себя ни одного вопроса из «профилизированной философии» (см. соответствующий раздел в данной программе). Официально на всех естественных факультетах курс «профилизированной философии» обязательно предусматривается только на

¹ Поэтому этим преподавателем приходилось сдавать кандидатский минимум по философии (как дисциплины по специальности), по иностранному языку и по философии (как общекандидатской дисциплине). Эти примеры показательны в том плане, что в нашей современной культуре можно кардинально поменять свою специализацию, через аспирантуру и последующей защиты соответствующей диссертации.

уровне аспирантуры (по объему времени и материала – это приблизительно от трети до шестой части аспирантского курса философии)¹.

Основой же, базой, фундаментом философии в европейской традиции культуры является *метафизика*. И здесь метафизика шире, чем онтология и гносеология, появившиеся в ней только в XVIII в., а, и теология, и космология, и психология (не надо путать с современной экспериментальной психологией) тоже в нее входят. Отличительный признак самой философии и ее отдельных частей от нефилософских дисциплин – метафизичность. Например, как только этика перестает быть метафизичною, она сразу становится нефилософской дисциплиной.

Самые ярые борцы с философской метафизикой в современной культуре – это позитивисты, которые в нашей отечественной советской традиции назывались «марксистами», точнее рядились в «одежду» марксистской терминологии и цитатничества. Но самое интересное и комичное в этом ниспровержении метафизики позитивизмом то, что принципы, на которых строится эта борьба, являются *метафизичными*. Получается, что часть метафизики пытается отрицать всю метафизику, но как только это ей удастся, сразу же прекратится и ее существование: не может существовать то, что провозглашает условием своего собственного существования уничтожение в культуре этих условий. Следовательно, критики метафизики не понимают, что они критикуют: уничтожая метафизику, они тем самым уничтожают и основания своей собственной критической позиции. Критиковать в целом метафизику бессмысленно, возможна только критика конкретно-исторических ее форм существования: например, «рассудочную метафизику новоевропейского эмпиризма и рационализма», «метафизику классической немецкой философии», «метафизику марксизма», «метафизику позитивизма» и т. д. Это же относится и к фальсификационизму К. Поппера: если концепция «фальсификации» претендует на научно-теоретический статус, то тогда она сама должна быть фальсифицируема, значит – опровергнута. Она уже сейчас должна быть «потенциально ложна, неверна», а далее перерасти в действительное состояние «ложности»...

¹ «Пояснение: В билет на экзамене кандидатского минимума будут включены *три* вопроса, соответствующие основным формам занятий:

- все *первые* вопросы – по основному лекционному курсу проф. А.В. Кезина;
- все *вторые* вопросы – по спецкурсам, как общим для всех естественных факультетов, так и специфическим для разных факультетов (курсив мой. Это и есть то, что собственно, является «профилизированной философией», и здесь содержательно по объему может быть от трети до шестой части аспирантского курса философии - К.В.);
- все *третьи* вопросы – по семинарским занятиям, формулируемые преподавателями, руководителями соответствующей семинарской группы.

В отдельных билетах возможно дублирование вопросов.

В предлагаемом ниже списке сформулированы первые вопросы и часть вторых (по общим спецкурсам). Остальные вопросы формулируются преподавателями философии на факультетах.

За месяц до экзаменов все аспиранты и соискатели должны представить руководителю семинарской группы *рефераты*, являющейся продуктом *самостоятельной, индивидуальной* работы, примерным объемом 25 машинописных страниц» (Кезин А.В. ВОПРОСЫ КАНДИДАТСКОГО ЭКЗАМЕНА ПО ФИЛОСОФИИ ДЛЯ АСПИРАНТОВ е/ф 1999 г. – С.1).

Поэтому, **содержательно общий студенческий курс философии на химическом факультете МГУ есть «история европейской метафизики» с некоторыми сведениями из логики¹**. Но эти логические знания будут не отдельно от структуры самого курса, а привязана к тем темам, которые содержательно ближе всего к ним. Например: когда будем разбирать тему «Генезис философии (переход от мифа к логосу)» - «логос» раскроем через «понятие»; в теме о философии Сократа – разберем, что такое «определение»; говоря о И. Канте – «суждение» и «идея»; о Аристотеле – «умозаключения» и «категории»; о Ф. Бэконе – «индукция» и т. д.

¹ В подлинном смысле это название курса немного напоминает тавтологию (как «масло масленое») – история метафизики, тесно переплетенная с логикой, исключительно связана с европейской традицией философии. Поэтому, можно ограничиться только названием курса как *«история метафизики»*.

3. Общие методические рекомендации к курсу «Философия»

Для чего нужны эти методические разъяснения и рекомендации? Образовательный процесс очень сложен и многолик. В нем участвуют различные социальные группы, со своими целями и интересами, которые в учебном процессе должны быть согласованы и приведены к общему знаменателю: государственные чиновники системы образования, администрация и обслуживающий персонал вуза, преподаватели различных дисциплин, студенты.

По аналогии с автомобильным движением это выглядит так. Каждый участник движения (автомобилист, пешеход, автоинспектор, дорожные службы) должны все свои действия строить так, чтобы они были прозрачны, четки, предсказуемы для окружающих в своих дальнейших последствиях. В противном случае неизбежна авария, дорожно-транспортное происшествие. Точно так же и в учебном процессе необходима четкость и прозрачность действий участников его, чтобы не допустить «аварии», нежелательных последствий.

Для преподавателей¹. Определяющим в этих рекомендациях являются два взаимосвязанных момента: функция преподавателя в учебном процессе и некоторые особенности существования философской *традиции*. Раскроем эти моменты.

Любой начинающий ученик (в нашем случае студент) оказывается перед входом в лабиринт «человеческих знаний», в который войти очень легко, а вот пройти его весь и не заблудиться, тем более выйти с искомой добычей и по возможности кратчайшим путем – нелегко². Человечество выработало только

¹ В первую очередь, эти рекомендации предназначены молодым преподавателям философии, в том числе аспирантам нашей кафедры, которые во время педпрактики руководят студенческими семинарскими занятиями по данному курсу философии.

² Например: в герменевтике (теории и практике истолкования текстов) подобная проблема называется «герменевтическим кругом» (Г.к.). Г.к. - особенность процесса *понимания*, связанная с его циклическим характером: в герменевтике Г.к. разрабатывался как круг целого и части. В отчетливой форме он представлен Ф. Шлейермахером (1768-1834): для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей уже необходимо иметь представление о смысле целого. Читатель должен понять уже то, внутри чего он еще сам не находится (см.: Малахов В.С. «Герменевтика» и «Герменевтический круг»// Современная западная философия: Словарь. – М., 1991. - С. 74-77.). Или так: «Следует признать справедливым требование, чтобы история какого бы то ни было предмета сообщала факты без предвзятости, без стремления достичь осуществления частного интереса и частной цели. Но с этим требованием, представляющим собою общее место, мы далеко не продвинемся, ибо история предмета необходимо связана теснейшим образом с представлением, которое составляют себе о нем. Уже то, что мы считаем важным и целесообразным для истории этого предмета, определяется соответственно представлению, составляемому нами о нем, а связь между совершающимися и целью влечет за собой выбор подлежащих обсуждению событий, а также определенный способ их понимания и определенные точки зрения, с которой они рассматриваются. Таким образом, может случиться, что, смотря по представлению, которое составляют себе, например, о том, что такое государство, читатель как раз не найдет в политической истории страны ничего из того, что он в ней ищет. Еще больше это может иметь место в истории философии, и можно указать такие изложения этой истории, в которых найдем все, но только не то, что мы считаем философией» (Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.,

один эффективный способ действий в подобной ситуации: найти знающего проводника. Все остальные способы если и приводят к желаемому, то без понимания, как это получилось, а следовательно, и безрезультатно (повторить самостоятельно еще раз это уже не удастся). Но вот как найти на самом деле знающего проводника при обилии считающих себя таковыми?... Ответа нет. Только случай, и еще раз случай¹.

Ситуацию не спасает даже наличие профессиональных преподавателей, призванных обществом, сегодня чаще государством, быть для подрастающей смены проводниками в богатейшем наследии культуры, оставленном нам предками. Наоборот, часто профессиональные преподаватели оказываются проводниками своих личных, групповых или государственных установок, которые не совпадают с «общечеловеческими ценностями», а противоречат им. Такой преподаватель становится не проводником, а преградой на пути в освоении фундаментальных ценностей цивилизации. Эта ситуация исторически нова, о ней еще почти двести лет назад говорил Гегель, сегодня она стала на порядок хуже.

«Мы увидим при рассмотрении истории философии, что в других европейских странах, в которых ревностно занимаются науками и совершенствованием ума и где эти занятия пользуются уважением, философия, за исключением названия, исчезла до такой степени, что о ней не осталось даже воспоминания, не осталось даже смутного представления о ее сущности... Однако бедствия пережитого нами времени, а также интерес к великим мировым событиям, о которых я уже говорил раньше, вытеснили также и у нас основательное и серьезное занятие философией и отвратили от нее всеобщее внимание. Вышло, благодаря этому, что дельные умы обратились к практическим занятиям, а плоские и поверхностные завладели ареной философии и чванливо на ней расположились. Можно сказать, что с того времени, как в Германии впервые зародилась философия, никогда так плохо не обстояло с этой наукой, как именно в наше время, никогда раньше пустое

1993. - С. 66). Получается парадоксальная ситуация – чтобы *обосновать* историческим материалом философии ее предмет, необходимо иметь представление о предмете философии как *основании* для привлечения исторического содержания философии (нечто является основанием того, что должно быть основанием этого исходного нечто). **Как можно разорвать этот логический круг?**

¹ «В преддверии новых исканий и достижений, в борьбе за духовную чистоту, за подлинность опыта и предметность познания философия естественно обращается к своему прошлому, для того чтобы находить в его лучших созданиях вдохновение и напутствие... Гениальное создание служит как бы дверью для всякого, отыскивающего доступ к самому предмету, но надо суметь не загородиться этой дверью от предмета, а открыть ее для себя и для других; открыть для того, чтобы начать борьбу за самостоятельный, подлинный опыт и за истинное, предметное знание. В этом – высшая и основная задача истории философии... Она (философия – К. В.) должна возродить и восстановить свой *метод* – не в смысле системы более или менее отчетливо расчлененных «понятий» и «правил», а в смысле творческой, систематически осуществляемой интуиции, направленной на самый предмет. И тогда она, быть может, вновь осмелится признать себя особым, *универсальным* способом познания, *опытным* по существу и *метафизическим* по предмету; тогда она перестанет страшиться «последних» проблем, но признает и утвердит свое призвание именно в их разрешении... Может быть, ни одно философское учение не может так содействовать этому творческому подъему, как учение Гегеля» (Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. В двух томах. – СПб., 1994. - С. 15-21).

самоуверенность не выплывало так на поверхность, никогда оно не говорило и не действовало с такой заносчивостью, как будто власть всецело в его руках. Противодействовать этой поверхности, сотрудничать с представителями немецкой серьезности и честности, чтобы извлечь философию из того одиночества, в котором она искала себе убежище, - к этому, смеем надеяться, призывает нас более глубокий дух времени»¹.

Необходимо знать, иметь отчетливое представление **что** и **кто** в современной традиции философии является по выражению Гегеля: «*плоские и поверхностные* завладели ареной философии и чванливо на ней расположились» и «*пустое самоуверенность* не выплывало так на поверхность, никогда оно не говорило и не действовало с такой заносчивостью, как будто власть всецело в его руках». Это необходимо для того, чтобы «противодействовать этой поверхности, сотрудничать с представителями философской серьезности и честности, чтобы извлечь философию из того одиночества, в котором она искала себе убежище».

Выделим те из них, которые сегодня являются наибольшими препятствиями на пути существования и тем более прогрессивного развития философской традиции. Рассмотрим их в той последовательности, как они возникали исторически. Именно через исторические особенности их возникновения и существование в культуре будет наглядно видна их подлинная суть.

1. Скептицизм. Часто можно слышать как от «профессиональных» философов, так и прочей публики: «Сколько философов, столько и подходов», «Я не смог найти общий знаменатель для всего прочитанного у философов» и т. д. Сам скепсис по поводу философских результатов для философии не нов. Скептицизм возник еще в античной философии и существует до сей поры. Секст Эмпирик (конец 2 – нач. 3 в.) закрепил традицию софистов, различных сократических школ и др. использовать историко-философский материал для демонстрации того, что различные теории, кроме философских в те времена других теорий почти не было, опровергают друг друга; что всякая истина доказывается другой, а это ведет либо к кругу в доказательстве, либо к произвольному выбору аксиом, либо к бесконечному регрессу; что существование причинности недоказуемо.

Такая публичная демонстрация в культуре приводила к дискредитации философской самостоятельности и ценности в ней. При этом сам «скептицизм» - одна из философских концепций и вне философии, следовательно, никакого значения не имеет: часть философии фактически отрицает ценность всей философии, значит - и саму себя. Но прецедент в культуре был создан, и этим приемом стали часто пользоваться те, кто соперничали с философией за главенство в культуре: раннее (античное) христианство, современная наука (вторая половина XIX – весь XX в.) и др. Поэтому традиция скептического отношения в европейской культуре к философии на сегодняшний день весьма представительна: скептики есть в самой философии, и их еще больше за

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб., 1993. - С. 64.

пределами ее¹. Только не надо забывать, что сам «скептицизм», его позиция имеет существенные недостатки, поэтому выводы из него(нее) общекультурного плана в отношении философии неверны².

¹ Например, «История западной философии» британского философа, логика, математика и др. Рассела Б. (1872-1970). Фактически у него представлена не «история философии», а собрание всевозможных анекдотов и небылиц о выдающихся философах.

² «Относительно истории философии... может прийти... мысль, что в самом этом предмете содержится явное противоречие. Ибо философия хочет познать неизменное, вечное, сущее само по себе; ее цель – истина. История же сообщает о том, что существовало в одно время, а в другое время исчезло и вытеснено другим. Если мы исходим из того, что истина вечна, то она не входит в сферу преходящего и не имеет истории. Если же она имеет историю, то, так как история есть лишь изображение ряда минувших образов познания, в ней нельзя найти истину, ибо истина не есть минувшее... (Н)ужно принять во внимание, что с историей философии, вследствие особенного характера ее предмета, дело обстоит иначе, чем с историей других областей...»

(О)бычное воззрение на историю философии, согласно которому она должна именно рассказать нам о существовавших философских мнениях в той временной последовательности, в которой они появлялись и излагались...; а те, которые считают себя способными высказать это же самый взгляд с большей основательностью, даже называют историю философии галереей нелепиц или... заблуждений, высказанных людьми, углубившимися в мышление и в голые понятия... История философии, как рассказ о различных и многообразных мнениях, превращается... в предмет праздного любопытства или... в предмет интереса ученых *эрудитов*... *Мнение* есть субъективное представление, произвольная мысль, плод воображения... Но философия не содержит в себе мнения, так как не существует философских мнений... Философия есть объективная наука об истине, наука о ее необходимости, познание посредством понятий, а не *мнений* и не *тканье* паутины мнений...

(С) вышеуказанным представлением об истории философии связан еще один вывод... (П)ри взгляде на такое многообразие мнений, на столь различные многочисленные философские системы мы чувствуем себя в затруднении, не зная, какую из них признать. Мы убеждаемся в том, что в высоких материях, к которым человек влечется и познание которых хотела доставить нам философия, величайшие умы заблуждались, так как другие ведь опровергали их... (В)ыступает новое философское учение, утверждающее, что другие системы совершенно не годятся; и при этом каждое философское учение выступает с притязанием, что им не только опровергнуты предшествующие, но и устранены их недостатки и теперь, наконец, найдено истинное учение. Но согласно прежнему опыту... : «Смотри, ноги тех, которые тебя вынесут, стоят уже за дверьми»... Вышеприведенное, носящее характер отговорки рассуждение, цепляющееся лишь за факт различия этих учений и из отвращения и страха перед особенностью, в которой находит свою действительность *некоторое всеобщее* (курсив мой – К.В.), не желающее постигать или признавать *этой всеобщности* (курсив мой – К.В.),... сравни(м) с больным, которому врач советует есть фрукты; и вот ему предлагают сливы, вишни или виноград, а он, одержимый рассудочным педантизмом, отказывается от них, потому что ни один из этих плодов не есть фрукт вообще, а один есть вишня, другой – слива, третий – виноград...

Если мы, например, говорим, что человек от природы разумен, то он обладает разумом лишь в потенции, в зародыше; в этом смысле человек обладает от рождения и даже во чреве матери разумом, рассудком, фантазией, волей. Но так как дитя обладает, таким образом, лишь способностью или *реальной возможностью* разума, то выходит то же самое, как если бы оно совсем не обладало разумом; последнее еще не существует в нем, ибо дитя еще не способно совершить что-либо разумное и не обладает разумным сознанием. Лишь тогда, когда то, что человек... есть *в себе*, становится *для него*... , когда он становится разумом для себя, человек обладает *действительностью* в каком-нибудь отношении; лишь тогда человек действительно разумен, лишь тогда он существует для разума... *Истинное* (курсив мой – К.В.), как определенное в себе самом, влечется к развитию; лишь живое, духовное движется внутри себя, развивается... Философия, взятая сама по себе, есть познание этого развития, а в качестве мышления посредством понятий она сама представляет собою это мыслящее развитие; чем дальше подвинулось это развитие, тем совершеннее философская система...

Первым выводом из всего сказанного является то, что вся история философии есть по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение... Второй вывод,

Вот что по этому поводу говорил один из крупнейших итальянских философов XX века Бенедетто Кроче: «Непрерывный путь человека к свету полон препятствий: не так просто рассеять темень, туман и замешательство, чтобы найти путь к ясному суждению и соответствующему действию. Философом в этом особом смысле часто называют того, кто успешно преодолевает более или менее тяжкие преграды, расчищая путь идущим следом. Культура и моральная жизнь, благодаря их усилиям, обретают больше стабильности, растут надежнее и интенсивнее. Отсюда понятна ошибочность веры в случайность гениальных философских открытий. Они кажутся мозговыми фантазиями, падающими друг на друга; философы противоречат, как будто отменяют один другого. Все же дело обстоит не так, как видится равнодушной черни. Определенные философские истины не отменяют друг друга, а взаимно интегрируют при постоянном господстве мысли и жизни. Когда и кем была опровергнута истина Сократа, вооружившая людей логикой, осилившей скептицизм и литературный дилетантизм софистов, истина понятия и его определения? Когда перестала быть истиной максима Декарта, поставившая человека один на один с его мышлением, единственно удостоверяющим реальность человеческого бытия?... И разве Иммануил Кант не покончил навсегда с сенсизмом и абстрактным интеллектуализмом, открыв понятия априорного синтеза, новое представление о суждении, согласно которому категория пуста без интуиции, а интуиция пуста без категории? И кто искоренил навсегда идею Гегеля о том, что принцип противоречия не следует понимать поверхностно (А есть А, А не есть не-А), что живая реальность, не ставшая, а становящаяся жизнь, требует другого принципа (А есть вместе и не-А), что диалектическая логика должна дополнить логику формальную?... Вместе с тем никому не удалось по-настоящему опровергнуть гегелевскую критику традиционной логики (попытки Тренделенбурга и других были малоубедительными). Более того, глубокая истина его диалектики пропитана кровью века, дух которого подталкивал историческую мысль...»¹.

Сам скептицизм имеет и положительную функцию в истории философии – *единственно* только в традиции «догматизм-скептицизм-диалектика». Все остальные формы – это разновидности негативной традиции «догматизм-скептицизм-агностицизм». В первом случае происходило следующее: скептицизм более тщательно проверял заявленное в предшествующей позиции догматизма о действительности, выявлял в нем некоторые несоответствия, а затем диалектика, *не отбрасывая* ни догматизма, ни скептицизма, строила из них более совершенную концепцию – «только через *прошлое* в будущее». Во втором случае происходило «абсолютное двойное отрицание, отбрасывание»

вытекающий из вышесказанного, заключается в том, что каждая система философии необходимо существовала и продолжает еще и теперь необходимо существовать: ни одна из них... не исчезла, а все они сохранились в философии как моменты одного целого. Но мы должны различать между частным принципом этих систем философии, взятым как частный принцип, и проведением этого принципа через все мировоззрение» (Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб., 1993. - С. 69-107).

¹ Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб., 1999. - С. 3-4.

(не надо его путать с диалектическим «отрицанием отрицания»): сначала находились реальные неточности и несоответствия в какой-то концепции, а затем ее отбрасывали на этом основании и заменяли совершенно новой концепцией – «только через *новое (будущее)* в будущее», что на деле приводило «через *новое* в прошлое». Этот способ стал настолько распространенным в культуре, что теперь выступает чуть ли не «волшебной палочкой», способной решить все проблемы, в первую очередь формально-организационные: «изменяем прежнюю структуру с целью ее «улучшения», а затем на ее месте создаем совершенно новую структуру, не связанную с двумя прежними». Этим приемом, кстати, повсеместно пользуются и госорганы и криминальные элементы. Все это напоминает сказку «о ледяной и лубяной избушках, лисы и зайца соответственно»: сначала якобы только самой на лавочке и хвостик под лавочкой, а затем и весь чужой дом прибрать... (пример с негативными шагами некоторых факультетов к нашим курсам «профилизированной философии» - из этой оперы).

Конечно, бывают в преподавании философии случаи, когда через скептицизм проводится нефилософская позиция, но чаще «скептицизм» используется для изложения своей личной точки зрения или одной философской традиции. Да, можно отсидеться на любимой кочке философского болота (в смысле «каждый кулик свое болото хвалит»), благо этих кочек огромное множество, на всех современных философов хватит и даже после этого этих кочек еще не намного меньше останется. Только здесь имеет место быть то, что в быту называется «ловить рыбку в мутной воде»: сначала сами воду взбаламутили, а затем – попадается только такая рыба, а другая ну никак не ловиться.

Не надо паразитировать на том, что философия существует более двух с половиной тысячелетий (старей ее только мифология) и что в европейской традиции философии вплоть до середины XIX в. в нее входили почти все ныне самостоятельные науки. И отсюда *не следует делать вид*, что «за деревьями леса не увидеть». Если даже пытаться рассматривать всех существовавших философов (которых было несколько тысяч) в хронологическом порядке, якобы придерживаясь принципа «исторической объективности», то все равно *это будет «скептическая» провокация*, ничего общего не имеющая с философией.

Реальные философы, а не абстрактные философские Робинзоны, существуют в человеческой культуре, в обществе и в силу этого являются составной частью того, что принято сейчас называть «институциональными формами». В европейской традиции философии такими «социальными институтами» в первую очередь были и остаются **светская система образования** (именно оно дало наибольшее число и крупных философов) и **метафизика** (метафизика является первой, центральной дисциплиной философии: до наших дней синонимом термина «философия» является термин «метафизика»; «мы говорим философия, подразумеваем метафизику, мы говорим метафизика, подразумеваем философию»). Поэтому, весь «философский лес» строго структурирован и субординирован, в нем любой «философский дуб» занимает строго определенное место. И здесь «при всем

многообразии выбора, другой альтернативы нет» - не надо превращаться в того, кто «ничего не видит, ничего не слышит и ничего никому не говорит» об интуитивной очевидности конкретно-исторических фактов философии. Это просто философский непрофессионализм, философский дилетантизм или преднамеренное профессиональное лукавство.

Сущность образования состоит в передаче знания. Чтобы образование было максимально эффективным, само знание в этом процессе должно по возможности быть четко *выделенным* из всего остального и как можно полнее *определено*. К тому же *структура* самого передаваемого знания должна быть согласована с общими *дидактическими установками* образования: регулярность занятий (разделение всего «ограниченно-конечного» времени, отводимого на передачу определенного знания, на относительно равные периоды), изложение материала от простого к сложному и т. д. Поэтому в системе образования используется в основном знание с четким *предметом*, исчерпывающая *целостность* знания относительно данного предмета, обязательная *структурированность* этого знания. Сама почти трехтысячелетняя *история философии* давно навела подобный «*порядок*» в своем хозяйстве. Чтобы это обнаружить, никаких сверхусилий не требуется, нужна лишь, **профессиональная порядочность** и **добросовестность** в отношении выбранной специальности «*преподавателя философии*».

2. Деление философии на две основные партии: материализм и идеализм. Деление на материализм и идеализм возникло еще в античной философии, его можно встретить, например, у Аристотеля. Но это деление не было определяющим для философии *никогда*. Почему?

Центральным предметом европейской философии после Платона стало изучение, исследование объективной природы «мира идей», *идеального*. Наиболее адекватной формой этого является *объективный идеализм*, который и господствовал безраздельно в европейской традиции философии на протяжении двух с половиной тысяч лет. Все значимые результаты европейской философии были созданы исключительно в этой традиции. И с этим нельзя ничего поделать, как бы не хотелось, против очевидности исторических фактов, то, что называется, «не попрешь».

Исторически противопоставление идеализма и материализму в европейской культуре, как выразился один известный философ-материалист, «могло быть поставлено со всей резкостью, могло приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья»¹. Причем обострялось это

¹ Другой философ об этом высказался так: «Материализм... возник в XVIII в., и прежде всего в литературе французского Просвещения. Материализм вышел из кругов естествоиспытателей и врачей, и в этой же среде он развился и утвердился у французов в течение первой половины XIX в. Он носил поэтому ярко выраженный антропологический характер и обосновывался главным образом механическими теориями физиологии... Этот физиологический материализм, в особенности в той форме, как он был представлен во Франции Кабанисом и Бруссэ, лежал в значительной степени в основе тех теорий, которые затем с большим успехом были введены в Германии Молешоттом и Карлом Фогтом... (И) этот материализм рассматривал себя и выдавал себя за единственно искреннее и последовательное мировоззрение естественнонаучного мышления. Он думал, что тем самым

противостояние за *пределами философии* – в естествознании и социальной мысли. По своим последствиям на дальнейшие исторические судьбы человечества, оставаться ли на идеалистической или материалистической позиции (остаются ли на позициях *иллюзорности* или *реализма*), более остро эта проблема была в социальной мысли.

Классиками марксизма, с подачи которых, *вроде бы*, пошло гулять по необъятным просторам нашей родины деление всей философии на две партии, *историческое* отношение к традиции идеализма и материализма определены так: «между этими древними греками и нами лежит более двух тысячелетий идеалистического по существу мировоззрения... (-) дело идет тут отнюдь не о простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, а о критике, о вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы, из этой преходящей формы»¹; «Фейербах смешивает здесь материализм как общее мировоззрение,... он смешивает его с той опошленной, вульгаризированной формой, в которой материализм XVIII века продолжает теперь существовать в головах естествоиспытателей и врачей... Но материализм, подобно идеализму, прошел ряд ступеней развития»² - наивный, стихийный материализм греков; механистический, метафизический, непоследовательный материализм англичан XVII в., французов XVIII в. и немца Фейербаха; опошленный, вульгарный материализм Бюхнера, Фогта и Молешотта; диалектический материализм. Первоначально материализм, который *последовательно* проводили в жизнь классики марксизма назывался «историческим материализмом», «экономическим материализмом», «экономическим реализмом» (названия более чем показательны и ставят все на свое место). Но каким образом это противостояние материализма и идеализма проникло и «стало господствующим» в философии?

Стихийное развитие и существование естествознания постоянно порождало различные формы материализма, натурализма, эмпиризма. Эта *стихийность*, *самопроизвольность* останавливалось на уровне вульгарного, механистического, антидиалектического материализма, что было максимальным пределом, на который смогло «подняться» (точнее – опустится) *стихийное* развитие естествознания. Весь вопрос упирался в невозможность для естествознания *самостоятельно* овладеть *диалектикой*, стать

располагает в эмпирическом исследовании надежным базисом, и совершенно не заметил, что, отправляясь от него, он двинулся некритически к полностью односторонней метафизике. К этому присоединился еще один момент, полный значения для немецкого духа, а именно то обстоятельство, что материализм одновременно излагался независимо от такого эмпирического антропологического обоснования, как последний результат самого метафизического развития, и, таким образом, как будто вел свое происхождение от высот философии. Таков был результат, который достиг Людвиг Фейербах при помощи своего достопамятного переворота гегельянства... Из столь разнообразных источников слился могучий поток материалистического мышления, который залил в середине XIX столетия равнины немецкой духовной жизни» (Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. – М., 1993. - С. 49-51).

¹ Энгельс Ф. «Опущенное из "Фейербаха"» // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 5. – М., 1986. - С. 530.

² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – М., 1985. - С. 40-41.

диалектическим материализмом. Стихийный материализм в естествознании без конца скатывался то к физическому субъективному идеализму при исследованиях неживой природы, то к физиологическому субъективному идеализму при исследованиях живой природы, процессов познания и психики. Причин здесь несколько. Основные из них следующие: 1) очень живучая нелепейшая *авторитетная* точка зрения, якобы идущая от самого Аристотеля, что истинное (научное) познание должно подчиняться запрету противоречия (сама проблема противоречия является метафизической и, следовательно, естествознание самостоятельно в ней беспомощно); 2) с развитием эмпирических методов познания (линии индивидуальности) в естествознании к XIX в., некоторые особенности *чувственного познания* распространились на науку. Эти особенности состоят в том, что основой, конституирующей деятельность чувственности, является, как показал еще И. Кант, аналитическая (разлагающая) функция рассудка, где обязателен «запрет противоречия» (только, на уровне синтетической функции разума с *неизбежностью* *возникают* «антиномии чистого разума», *неразрешимые противоречия*). А эти вопросы тоже вне сферы естествознания.

Развитые формы диалектики были только в чистой философии. Поскольку господствовал объективный идеализм, то развитые формы диалектики существовали в традиции объективного идеализма. Что, кстати, побудило Л. Фейербаха, как выразился все тот же известный философ-материалист, «выплеснуть вместе с водой (идеализмом) и ребенка (диалектику)». Эти формы диалектики были как в натурфилософии (например, в натурфилософиях Ф. Шеллинга и Г. Гегеля), так и в различных «социально-гуманитарных» философских дисциплинах (например, у Д. Дидро, И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля). Немецкую классическую философию не случайно иногда величают «теоретическим выражением Великой французской буржуазной революции». Философы понимали, что надо учиться на чужих ошибках, так как ближайшее будущее пока еще раздробленных феодальных германских государств будет таким же. Поэтому связь диалектики и социальной мысли была определяющей. По той же причине первоначально К. Маркс и Ф. Энгельс свой *диалектический* материализм *сознательно*, с педантичной последовательностью оттачивали в лоне чистой философии («ставя диалектику с головы (идеализма) на ноги (материализма)») и только затем применили его к социальной действительности, в первую очередь в сфере политэкономии. Принципиальная разница между материализмом Маркса-Энгельса и естественнонаучным материализмом в том, что первый сложился *осознанно*, второй *стихийно*, *бессознательно* – и, как итог, наличие развитой диалектики у первых, абсолютное отсутствие ее у последнего.

В 70-80 гг. XIX в., в основном Ф. Энгельсом, была предпринята попытка «притянуть за уши» отсталое естествознание к диалектике. Происходило это так. Энгельс в «Диалектике природы»¹ подвергает систематической критике

¹ Подготовительные материалы (статьи и главы, заметки и фрагменты: они насчитывают более 190 частей), относящиеся к «Диалектике природы», были написаны в период с 1873 по 1882 г., которая осталась незаконченной. Частично эти материалы перекликаются с опубликованными работами

метафизичность эмпиризма, позитивистскую и вульгарно-материалистическую абсолютизацию чувственно данного, а также присущее объективному идеализму спекулятивно-рационалистическое конструирование априорных положений, навязываемых естественным наукам. Он противопоставляет им диалектико-материалистическую философию марксизма, вырастающую из обобщения достижений науки и общественно-исторической практики. Энгельс, при очень жесткой критике взглядов объективного идеализма философа Гегеля, часто ставит его точку зрения выше взглядов многих естествоиспытателей¹ (можно сказать еще сильнее: «Диалектика природы» во многом – философский взгляд Гегеля (его диалектики), только материалистически переработанный, на достижения естествознания)². Но все произошло так, как в известной притче «о вершках и корешках», - попытка убыстрить развитие чего-либо методом вытягивания и подталкивания привела к тому, что *неокрепшие* «научные уши» (не надо забывать того, что естествознание отделившись от философии, стало формально-организационно самостоятельным только в XIX в. и поэтому, оно было еще *теоретически* очень слабым образованием) были оторваны, отклеились, и наука на продолжительной срок потеряла всякую восприимчивость к диалогу с серьезной, профессиональной философией: наука просто оглохла, будем надеяться, не навсегда³.

В российской культуре ситуация несколько иная⁴. В середине XIX века одним из действий самодержавия направленных на недопущение распространения свободомыслия и смуты (профилактическая мера в связи с европейскими революциями 1848-1849 гг.), был запрет почти на десятилетие преподавания философии, сердцевинной которой являлась метафизика. Это привело к тому, что в русской культуре второй половины XIX века философия, помимо традиционной для России тесной связи ее с политикой, которая тогда

«Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». «Диалектика природы» первоначально задумывалась как полемическое произведение, направленное против вульгарного материалиста Л. Бюхнера; в дальнейшем она переросла в критическое обобщение важнейших достижений естественных наук середины XIX в.

¹ «Таким образом, Гегель здесь гораздо более решительный материалист, чем современные естествоиспытатели». (Энгельс Ф. О негелиевской неспособности познавать бесконечное // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 5. – М., 1986. - С. 567).

² «После того как, с одной стороны, реакция против «натурфилософии», -... исчерпала себя... , после того как, с другой стороны, естествознание в своих теоретических запросах было... оставлено в беспомощном положении ходячей эклектической метафизикой... - ... станет **возможным опять заговорить перед естествоиспытателями о Гегеле** (курсив мой – К.В.)...(Д)ело идет... не о защите гегелевской... точки зрения...(-) дух, мысль, идея есть первичное, а действительный мир – только слепок с идеи... (Р)ечь не... о том, чтобы сохранить догматическое содержание гегелевской системы... За вычетом всего этого остается еще гегелевская диалектика» (Энгельс Ф. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». О диалектике // Там же. - С. 398-399).

³ Соблюдая справедливость, необходимо отметить, что «оторванные уши науки» это не только «заслуга» классиков марксизма, но и в не меньшей степени неудержимое движение самого естествознания в сторону «линии индивидуальности». Это двойное разнонаправленное движение к диалектике («линии тотальности»), с одной стороны, и, с другой - к «линии индивидуальности», привело к потере слуха, к неспособности естествознания воспринимать серьезную профессиональную философию.

⁴ Более обстоятельно эти вопросы освещены в работе «Судьба отечественной философии» (Киселев В.Н.- М.,1995. - Деп. в ИНИОН РАН от 10.06.96 г. №51620).

была под сильным идеологическим контролем и поэтому никакой философской свободы не допускалось была изгнана из системы светского образования и нашла себе прибежище в естествознании и религии. Оказавшись не на своей культурной почве (хотя философия в истории европейской культуры тесно связана с религией и естествознанием, но все же исторически она является прародительницей их, а не наоборот), философия превратилась в нечто ужасающе уродливое по сравнению с классической западноевропейской философской традицией. На почве естествознания философия стала позитивной философией (позитивизмом) или естественнонаучным материализмом и натурализмом - рассудочной «философией», но без метафизики, с интересами исключительно в сфере *материально-технической* жизни. На почве религии – религиозно-идеалистической философией - философской «метафизикой», но без рациональности, с интересами исключительно в сфере *нравственной* жизни. Классическая западноевропейская философская традиция, напротив, является как раз рационалистической метафизикой, а почва ее – система светского образования. В результате российское общественное сознание, руководимое самодержавием, стало относиться с «глубоким презрением к отвлеченным, умозрительным теориям, ко всему, что не имеет явного применения к нравственной или материальной жизни»¹.

¹ «Один из первых (по времени) схоластиков – Rabanus Maurus, в сочинении своем «De nihilo et tenebris» («О ничем и о мраке»), между прочим, замечает, что «небытие есть нечто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя достаточно пролить слез над таким прискорбным состоянием». Эти слова чувственного монаха невольно вспоминаются, когда подумаешь о русской философии. Не то, чтобы она прямо, открыто относилось к категории «небытия», оплаканного Рабаном Мавром: за последние два десятилетия довольно появилось в России более или менее серьезных и интересных сочинений по разным предметам философии. Но все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию, а иногда и совсем ни на что не похоже. Никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем: все, что выступало в этом качестве, ограничивалось одной пустой претензией. А между тем русские, несомненно, способны к умозрительному мышлению, и одно время можно было думать, что философии предстоит у нас блестящая судьба. Но русская даровитость оказалась и здесь лишь восприимчивой способностью, а не положительным призванием: прекрасно понимая и усваивая чужие философские идеи, мы не произвели в этой области ни одного значительного творения, останавливаясь, с одной стороны, на отрывочных набросках, а с другой стороны, воспроизводя в карикатурном и грубом виде те или другие крайности и односторонности европейской мысли. Нигде в Европе германский философский идеализм в своей окончательной форме – гегельянстве – не вызвал такого живого сочувствия и не нашел, быть может, такого глубокого понимания, как в учебно-литературном кружке московских западников (а частью и славянофилов) в 30-х и 40-х годах... И.В. Киреевский... пришел в своих философских занятиях к тому выводу, что истинная мудрость и подлинное знание находятся исключительно только у аскетических писателей православного Востока... Белинский ... перешел затем от немецкой философии к французскому (теоретическому) социализму... Герцен... спустился прямо в подземные жилища социальной революции... Бакунин, бесповоротно посвятил всю свою жизнь заговорам и уличным бунтам. Происшедшие приблизительно в одно время: смерть Белинского, удаление Киреевского в монастырь и эмиграция Герцена и Бакунина – могут служить гранью первого периода в развитии «русской философии»... В последовавшие затем 25 лет русская литература отражала в преувеличенном и карикатурном виде реакцию против философского идеализма, происшедшую в умственном мире Европы... С середины семидесятых годов замечается у нас довольно сильная реакция против безраздельно господствовавших перед тем учений материализма и позитивизма. Этот новый поворот, если уже говорить о русской философии, может обозначить третий период в ее развитии. Общая тенденция этого умственного движения вовсе не имеет, однако, философского характера... Но,

В России противостояние идеализма и материализма было спровоцировано не философией. На стороне идеализма волей судеб оказалась религия, а на стороне материализма – наука. И все это соединилось с общеполитической проблемой «будущей судьбы России» - условной борьбой между «славянофилами» и «западниками». Естественно, религиозно-идеалистическая традиция становится в большей степени союзником славянофилов, а естественнонаучный материализм и позитивизм – западников. Если в западноевропейской культуре центральным в противопоставлении идеализма и материализма оказалась *диалектика* и применение ее к естественным наукам и социальной мысли, то в России этого не было: противопоставление материализма и идеализма у нас было *самым общим, всеобщим*.

Первым крупным открытым столкновением, где каждая из сторон продемонстрировала свои философские мускулы, можно считать защиту магистерской диссертации (в сегодняшней терминологии она называлась бы «кандидатской») В. Соловьева 24 ноября 1874 г. на тему «Кризис западной философии (против позитивистов)» и последующие отзывы на нее. Общим для обеих сторон оказалась то, что появилось надежда на улучшение общей непростой ситуации с философией и ее преподавания в России. Но эта надежда фактически стимулировала активность обеих сторон с целью поделить будущую «шкуру, как потом окажется, неубитого медведя» - «убитыми» окажутся сами идеалисты и материалисты. К началу XX в. динамика развития религиозно-идеалистической философии была опережающей по сравнению с учением материализма-позитивизма.

В 20-50 гг. XX века соотношение между ведущими отечественными философскими направлениями меняется, происходит резкое усиление позиции позитивизма. Этому в значительной мере способствовала политическая и экономическая обстановка в стране. В первые годы существования советской республики в результате гражданской войны, внешней интервенции, экономической разрухи и международной изоляции в стране обострилось классово-политическое противоборство, упростившее до предела представления о взаимоотношениях между философскими направлениями и направлениями политическими, связав их столь же упрощенно с отношением к религии и науке: религия – оплот помещичьего класса; философия – опора буржуазии; наука – меч пролетариата. Устанавливается однозначная связь идеализма (часто отождествляемого с религией) с капиталистической эксплуатацией, с политической реакционностью и даже

наблюдая особенности нашего национального характера, легко заметить, что чисто-русский даровитый человек отличается именно крайним недоверием к силам и средствам человеческого ума вообще и своего собственного в частности, а также глубоким презрением к отвлеченным, умозрительным теориям, ко всему, что не имеет явного применения к нравственной или материальной *жизни*. Эта особенность заставляет русские умы держаться по преимуществу двух точек зрения: крайнего скептицизма и крайнего мистицизма. Ясно, что та и другая – исключают возможность настоящей философии» (В. Соловьев «Россия и Европа» 1888).

контрреволюционностью¹ и, наоборот, материализма (часто отождествляемого с наукой) с социальным прогрессом, построением социализма и коммунизма. Критерием разграничения материализма и идеализма является политическая позиция: кто за признание советской власти, тот – материалист, кто против, тот – идеалист². Четвертая глава «О диалектическом и историческом материализме» «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.), подготовленная И.В. Сталиным, завершает и конституирует процесс превращения позитивистской идеологии в отечественной философии под названием «марксистско-ленинская философия» в форме вульгарного социологизма и механистического материализма в господствующее направление. Теперь логика философских исследований и выступлений сводится к нехитрой схеме: «диамат» и «истмат» вершина не только развития философии, но и всей духовной культуры; все прочие формы философии, в первую очередь метафизика и идеализм ограничены и ущербны.

После победы во второй мировой войне, создания социалистического лагеря, овладения атомной энергией, вступления в период НТР и тем самым превращения СССР в супердержаву, изменяется прежняя задача общественного развития. В место прежней цели выживания и упрочения системы во враждебном окружении выдвигается новая – догнать и перегнать в соревновании двух политических систем наиболее развитые капиталистические страны. Ее осуществление связывается в основном с достижениями *науки* и *техники*. В 60-80 гг. в центре отечественного философского внимания оказывается проблемы логики³ и методологии научного познания, их

¹ Случайность исторических событий распорядилась так, что часть видных представителей религиозно-идеалистической философии выступила публично с критикой некоторых первых шагов советской власти. И эти высказывания были восприняты частью общества как теоретические и идеологические положения «белого движения» и контрреволюции. Наиболее яркий пример этому, – судьба И. Ильина. А в обострившейся классовой борьбе «кто не с нами, тот против нас»...

² На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М., 1990. – С. 10-11.

³ О существовании и развитии собственно «логики» в этот период до сих пор у нас ходят иллюзорные, полумифические представления. Вот одно из них: «Уникальная история России 20 в. предопределила и уникальное развитие логики в ней, во многом непонятное для западного историка науки. В тоталитарной социальной системе логика стала объектом чисто идеологических манипуляций. Даже после того, как в 1947 формальная логика была возвращена в систему среднего и высшего образования, ее положение в этой системе не было независимым. В результате острой дискуссии в 1950-51 гг... было зафиксировано, что высшей степенью мышления является диалектическая логика, а низшей – формальная. Странно, что последнее соотношение явно не устраивало и на этом фоне все 50-е и даже 60-е гг. прошли в обоюдной полемике. С одной стороны, в целях примирения сторон некоторыми участниками дискуссии предпринимаются попытки придать диалектической логике разумный смысл... С другой стороны, в целях преодоления известного несоответствия уровней тогдашнего логико-философского образования и мировой логической культуры устанавливается практика переводов важнейших трудов по философской логике... Т. о. налаживается контакт между логиками-философами и логиками-математиками. В противостоянии с «диалектиками» первые обратились за помощью ко вторым и получили ее. Семинары А.А. Маркова и С.А. Яновской на механико-математическом факультете МГУ стали «первыми университетами» для многих философов, ставших на стезю логической науки. Тем не менее развитие формальной логики все еще не было ее «внутренним делом». Ученые, в особенности работавшие на стыке логики, философии (а единственно верной философией была тогда марксистско-ленинская) и методологии наук (а всеобщим методом была только материалистическая диалектика) сталкивались с большими трудностями в своей деятельности. К примеру, до нач. 60-х гг. доступ к иностранной литературе был

сильно ограничен, а для публикации на иностранном языке вплоть до сер. 80-х гг. требовалось унизительное специальное разрешение. В работах, в особенности диссертационных, если уж они не были совершенно формальными или математическими, требовались ссылки на классиков марксизма. Поэтому приходилось пользоваться «эзоповским языком», переходившим порой в имманентную **ложь**. И все же в то время формальная логика была отдушиной для многих мыслящих философов. А ответом на усиление идеологического и политического террора после «Пражской весны» 1968 явился возросший интерес к формальной логике со стороны молодых философов, тяготевших к символической и технической стороне дела. По существу только в 70-е гг. в СССР философская логика как самостоятельная дисциплина выходит на всесоюзный и международный уровень...» (Логика в России // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 2. – М., 2001. – С. 409).

Если этот отрывок текста свести к сухому остатку, то получится следующий *тезис*, который абсолютно доминирует в отечественной литературе, посвященной истории логики в СССР: «Формальная логика (читай «символическая логика», а еще точнее – «математическая логика») существовала и развивалась вопреки советской идеологии, ее победа над «диалектиками» – свидетельство ее содержательного, принципиального, главное, чисто *самостоятельного* превосходства над последней»: на стороне «диалектиков» был весь партийный и идеологический «административный ресурс», а «формальная логика», находясь на «полулегальном» положении в советской культуре, все-таки оказалась *победителем*. Только представители «современной формальной логики» («символической логики») настолько втянулись за советский период «пользоваться «эзоповским языком», переходившим порой в имманентную **ложь**», что они до сих пор выражают *только* ее. С логической («формально логической») точки зрения, «ложь» – это *не* правда, *не* истина. Поэтому **истинное** положение дел в «подобных представлениях символистов» состоит как раз, в обратных представлениях, если все повернуть с точностью до наоборот: «"Современная формальная логика" («символическая логика») победила в отечественной культуре благодаря *исключительно* партийному и идеологическому «административному ресурсу», а «традиционная формальная логика» и «диалектика» в СССР находились на *полулегальном* положении, и поэтому они в культуре России полностью оказались **уничтоженными**».

Интересующимся *подлинной* историей логики в СССР следует обратить внимание на весь культурный, политический, технический, военный контекст, в котором реально существовала и продолжает существовать логика: логика – это не «Робинзон» на необитаемом острове культуры. Например, сравните динамику появления кафедр «логики» с динамикой появления формально-организационных структур, связанных так или иначе с «математикой» («кибернетчики», «системщики», «компьютерщики», «И. И.», «лингвисты», «машинисты» и т.д.). Главное – понять, *чем* эта динамика обуславливалась, найди *причину*... И все сразу станет на свое законное историческое место. Можно сравнить деятельность советских академиков, член-коров АН СССР от философии и математики, их узко профессиональные занятия, связанные с «логикой», и их *практическое* приложение в жизни страны (например, деятельность философов Б. Кедрова, П.В. Копнина с деятельностью математиков А.Н. Колмагорова, А.И. Мальцева)... И все сразу станет на свое историческое место. К тем же выводам приходим при сопоставлении судеб реальных советских логиков, *наиболее заметных* в этих трех традициях: «традиционной формальной», «диалектической» и «символической» (например: В.Ф. Асмуса и К.С. Бахрадзе для первой, Э.В. Ильенкова для второй, «А.А. Зиновьева» для третьей. К «сожалению», у этой последней традиции «логики» нет других «мучеников совести». Ответ для себя на вопрос: «Кто за «*что*» и «*как*» *пострадал* из них от советской власти и своих «профессиональных собратьев»?)... И опять, все сразу же встанет на свое законное историческое место... *Реальных* «мучеников» за «символическую логику» в СССР вы не обнаружите – «где же идеологическое притеснение ее?», «в чем оно реально выражалось?». Простое арифметическое сложения *всех* званий (в первую очередь академиков и членкоров – номенклатурных *званий-должностей*), *всех* орденов (включая звезд «героев соцтруда»), *всех* госпремий (сталинских и ленинских) и *всего* того, что ко *всему* этому прилагалось – даст *объективную* картину того, какая из традиций логики в СССР была в любимчиках, а какая в пасынках: кому исключительно сладкие пряники от власти, а кому только кнут от нее... «**Символическая логика**» («математическая логика») *единственная* СССР и современной России *санкционируется* властью.

На сегодня можно с абсолютной *исторической* точностью утверждать: «По существу только в 70-е гг. в СССР **философская логика** как самостоятельная дисциплина прекращает существовать и это состояние продолжается и сейчас в России». Вся реальная **ложь** «символистов» о логике – это прямое следствие их теоретических принципов. В античной традиции философии (классической

положения господствуют в «диамате», трансформируя упрощенные идеологические штампы времен «воинствующего материализма» в сложные наукообразные заимствования из кибернетики, системных исследований, физики, биологии, психологии и др. Появляется даже стереотип философа: колосс с головой философа, стоящий на глиняных ногах – конкретных научных дисциплинах. Памятником такого растворения философии в науку может быть названа «Философская энциклопедия» в 5-ти томах (1960-1970 гг.).

Относительно собственно философского знания можно сказать, что оно еще теплилось в этических, эстетических, религиозных, культурологических исследованиях, все более превращаясь в чистую историю философии. Хотя здесь и происходило возрождение «вечной философии» (метафизики) в форме увлечения русской идеалистической и антисциентистской западной философской мыслью, но это ни в коем случае не затрагивало принципы советской первой философии – «диамата». Происходило редуцирование философии к эмпирическим, натуралистическим, сенсуалистическим положениям.

Деление философии на две основные партии: материализм и идеализм – *навязано философии извне*. Самое страшное в этом навязывании то, что нашей отечественной культуре за ее советский период было осуществлено скептицистское двойное отрицание, отбрасывание. Сначала вся философия была редуцирована к вульгарному материализму как самому совершенному виду философии, затем стала очевидна бессмысленность такой философии, и далее последовал уже упоминавшийся финал, «выплеснули вместе с водой и ребенка». Отбросив идеализм и метафизику, сохранили только стихийный материализм, затем с отказом от материализма, отказались в культуре и от философии вообще. Поэтому, сегодня в отечественной культуре философии фактически нет, несмотря на почти десятилетнюю духовную свободу. Если и есть, то в виде слабенького огонька свечи. Любой незначительный ветерок - и он погаснет. Вывод очевиден: постараться всеми возможными средствами не дать ему погаснуть.

античной философии: Пифагор и его последователи, Элейская школа, Сократ, Демокрит, Платон, Аристотель) **Истина** – это не только категория познания (метафизическо-гносеологическая категория), но и прежде всего *этическая* категория: «Платон мне друг, но *Истина* дороже» (Аристотель), «За *Истину* можно и на несправедливую смерть пойти: если жить не по *Истине*, то лучше смерть» (пример Сократа), «Поэтому, управлять государством должны исключительно *Философы*, для которых *Истина*, *Благо* и *Справедливость* первостепенны» (Платон). Представители «символической логики» («*современной* формальной логики», как они себя называют) редуцировали *всю гамму* оттенков категории «истины» к «концепции универсальности предметной области логики», которая может быть интерпретирована и на пропозициональных переменных, и на высказываниях, и на классах, и на контактных схемах и т.д. У них в ней (в «истине») нет места ни *метафизическим*, ни *гносеологическим*, а в след за этим нет места и *этическим* аспектам... *Подлинная* научная истина начинается с личной **Совести** ученого. Без «совести», как показывает история, наука может существовать, только ее результаты к **Истине** не будут иметь никакого отношения. Путь к **Истине** лежит только через **Совесть**: путь к *познанию* проходит только через определенный *этическо-нравственный* уровень. Этим и отличается пифагорово-платоновский термин «*философ*» от «*софиста*» - **Совестью** («**Любовью**»).

3. Трактовка предмета философии через «мировоззрение».

Отождествление «философии» исключительно с «мировоззрением», как это делается *чаще* всего в современной отечественной традиции философии, принципиально неверно. Критикуются подобные представления с давних пор и многими: в отечественной традиции философии, пожалуй, впервые обоснованно критика прозвучала еще в магистерской диссертации В. Соловьева («Кризис западной философии (против позитивистов)»), а из последних крупных критиков можно упомянуть Э.В. Ильенкова¹.

Тот, кто мало-мальски знаком с историей философии, знает, что понимание это самым последовательным образом было сформулировано Огюстом Контom, согласно коему «частные» науки (физика, химия, биология, астрономия и т.д.), рисуют «частные» позитивные изображения окружающего нас мира, по необходимости друг с другом не связанные, а «научное мировоззрение», т. е. научное изображение «мира в целом», из этих разрозненных фрагментов склеивается «научной философией», «позитивной философией», которая именно поэтому и именуется «позитивной». Специальная функция философии тут усматривается в том, чтобы склеивать в рамках «науки о мире в целом» те разрозненные представления, которые добывают «частные» положительные науки, и тем самым конструировать из них «положительное» мировоззрение, представляющее собой связную совокупность (систему) наиболее общих выводов современного научного знания, и прежде всего естествознания.

Вред такой позиции состоит в том, что нелепо разделяются науки на две категории – на исследование вещей без их взаимных отношений («частные науки») и на исследование отношений без вещей («наука о наиболее общих связях», «философия»). Она и лежит в основании позитивистского представления о роли и функции философии в составе «научного мировоззрения». Взгляд этот обрекает «частные» науки на ущербное существование, поскольку, по существу, запрещает им доискиваться до всеобщих связей в составе своего предмета, запрещает им разворачивать понимание всеобщего развития этого предмета, поскольку иначе для «философии» не останется работы. В этом именно и заключается вред представления о философии как об особой науке о «мире в целом» или о «всеобщей связи вещей и знаний о вещах». Архаичное по содержанию, это представление всегда оказывается не только консервативным, но и прямо реакционным, ретроградным, если брать его в отношении к «частным» наукам. По существу, оно внушает естествовникам: копайтесь в своих частностях и подробностях, а выявлять в этих ваших частностях и подробностях всеобщие связи и всеобщее развитие не смейте, не ваше это дело, не по чину берете, ибо это – монополярная привилегия «философии» и «философов»! Именно поэтому позитивистская затея создания философской картины-системы мира в целом не просто является пустопопорожней, но и антинаучной, антифилософской затеей,

¹ Ильенков Э.В. Диалектика и мировоззрение // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.,1991. - С. 345-365.

активно препятствующая проникновению достижений философии в головы и в теории самих «положительных» ученых, т. е. естествоиспытателей и историков. Всеобщие связи и всеобщее развитие в природе не только может, но и обязано вскрывать полностью и без остатка само естествознание, общественные науки и т. д. и т. п. И никак не «философия», будь то философия «вообще», «философия природы» или «философия истории», тщетно старающиеся компенсировать недостатки *теоретического мышления*, т. е. искусства оперировать понятиями, то и дело проявляемый естествоиспытателями и историками (при отсутствии обязательного изучения элементарного курса логики это естественно), путем сооружения «философского» дубликата их собственных наук, вместо того чтобы помочь им преодолеть этот недостаток внутри самих научных теорий.

Мировоззрение не есть философия, а философия не есть мировоззрение, знака равенства между ними ставить нельзя, не взваливая на плечи философии задачу, разрешение которой под силу только всему научному познанию, и то в перспективе. Если «прежняя философия» ставила перед собой эту утопическую задачу, то единственным оправданием ее претензий была историческая неразвитость других наук.

Трактовка предмета философии через мировоззрение не только несовершенна теоретически, но и не соответствует самой истории философии. Философия - это не аморфное нечто, она представляет собой совокупность различных дисциплин, у каждой из них свой предмет и особая функция в самой философии. Поэтому не каждая из этих дисциплин осуществляет построение картины «мира в целом». Конкретно-исторически в рамках философии было *всего лишь три* дисциплины, с этим связанные, именно *были*, сегодня их нет в составе философии: *космология* (наука о мире в целом), *натурфилософия* (умозрительная наука о природе) и *онтология* (наука о бытии).

В средневековье тремя дисциплинами *метафизики* были теология (учение о Боге), космология и психология (учение о душе). Вся средневековая культура была «теоцентричной» (Бог в центре культуры), и соответственно вся метафизика была пронизана теологическим духом. В новоевропейский период с *секуляризацией* в целом культуры в метафизике произошли соответствующие изменения: вместо трех прежних дисциплин пронизанных теологическим духом, образовалось в XVIII в. две нетеологические дисциплины – *онтология* и *гносеология* (учение о познании) - космология *в философии* перестала существовать. С преобладанием эмпирических методов познания над чистыми умозрениями в натурфилософии (греческий эквивалент ей – физика) в первой половине XIX в. образовалось естествознание с формально-организационным отделением от философии - натурфилософия перестала существовать *в философии*. Как отмечалось ранее, с отделением естествознания от философии существование отдельно онтологии стало *проблематично*, так как она является учением о бытии, а бытие - это то, что *есть, существует*. Все существующее более точно и строго теперь изучают естественные науки. Онтология сегодня – это живой труп; ее существование можно оправдать только позитивизмом, с его трактовкой предмета философии через мировоззрение.

Поэтому с середины XIX в. в философии *никто* из профессиональных философов построением «целостной картины мира» (мировоззрением) не занимается, даже представители традиции позитивизма после О. Конт и Г. Спенсер этого уже давно не делают - в расчет не берутся «плоские доценты от философии» вроде Дюринга. *Не существует* произведений современных профессиональных философов, содержащих «целостную картину мира». Трактовка предмета философии через мировоззрение не соответствует современному реальному существованию философии в культуре, а значит, она неверна и для прошлого философии.

Напрашивается вопрос: почему такая трактовка предмета философии до сих пор господствует в современной российской культуре?

Известно высказывание: «Мертвое, уходя в могилу, цепляется за живое и тащит его за собой». Это и есть объяснение сегодняшнего состояния отечественной философии.

За несколько десятилетий господства позитивистского диамата с его вульгарным материализмом была *опредмечена* его деятельность в культуре в виде соответствующих институциональных формах: соответствующая структура философских факультетов в стране; вузовские кафедры общественных наук, где философии отводилась строго определенная функция; Институт философии в отечественной Академии наук (в классической Академии философской структуры не было, она появляется только в советский период) и др. За последнее десятилетие, конечно, произошли изменения в философии. Но как к ним относиться?

Названий «диамат», «истмат», «марксизм-ленинизм», «материализм», «коммунизм», «социализм» и т. д. не встретишь в структурных подразделениях социальных институтов философии современной России. Но это только слова, на самом же деле фундаментальные генетические связи, порождающие позитивистский дух, *остались*, а следовательно, и «диамат», и «вульгарный материализм» (только он теперь чаще поворачивается своей другой стороной – субъективным идеализмом), и вандализм в отношении классического философского наследия *продолжают* у нас *господствовать*. Этому есть примеры: сегодня в структурной иерархии отечественной философии остается первенство Института философии РАН (исторически *всегда* естествознание было проводником, генератором в философии «линии индивидуальности», позитивизма, стихийного материализма и натурализма, индуктивизма, антиметафизичности и т. п.); доминирующей во всех организационных структурах отечественной философии остается символическая логика, которая является *антифилософской* логикой, и вообще она не Логика; до сих пор не восстановлена, в первую очередь *институционально*, в своих правах *классическая философская метафизика* как сердцевина европейской философии¹.

¹ Интересна в этой связи монография Сокулер З.А. «Знание и власть». Вот что фиксируется в заключение этого исследования: «Теме взаимоотношений науки и власти в последние годы было посвящено немало публикаций... В настоящей работе была предпринята попытка другого рода. Она состояла в том, чтобы рассмотреть отношения власти как конститутивный элемент *нормального* хода

В свете этого, каким образом возможно более приемлемое, по сравнению с тем, что у нас до сих пор было и классической европейской культурной традицией, существование философии в самый ближайший исторический период в России?

Закончились торжественные мероприятия посвященные «60-летию восстановления Философского факультета в стенах Московского университета»¹. Были преподнесены подарки юбиляру по этому случаю. Но известно, лучший подарок – это самому имениннику отметить праздник какими-то своими более значимыми достижениями. Что могло быть для философского факультета таким автоподарком?

Во-первых объединить под началом философского факультета все разбросанные по обширной и сложной структуре МГУ философские элементы. Придать этому объединению какую-то организационную форму и координировать через нее функционирование философии в МГУ² и в определенной степени в целом в российской культуре. И это обязательно нужно, чтобы самим решать свою судьбу, а не полностью зависеть как сегодня, от некомпетентных чиновников от политики и культуры.

А во-вторых, философскому факультету, безусловно, необходима «Логика» (логика с большой буквы). Почему логика? Ответом на этот вопрос

исследовательской деятельности в науке модерна... (П)озволительно все-таки решиться утверждать, что выдвигаемое здесь объяснение проблем, которые ранее рассматривались как чисто гносеологические, сквозь призму отношений власти, в состоянии открыть новые грани того, как развивается и функционирует наука. Дело в том, что в современной философской литературе преобладают исследования роли метафизических, культурных, религиозных факторов в развитии науки; они сосредоточены на исследовании *интеллектуальных* влияний. Поэтому представляется принципиально важным, чтобы такие исследования были дополнены изучением воздействия факторов иного порядка, чтобы не создавалось впечатления, что наука – это предприятие, существующее только в сфере духа и культурных традиций... (З)десь была предпринята попытка показать, что структура отношений власти и подчинения может не только тормозить или ускорять развитие науки, но и влиять на ее методологические ориентиры и нормативы. Понятно, что через эти нормативы социальные факторы оказывают опосредованное воздействие и на *содержательные аспекты* научного знания... (У)ченые выслушивают и фиксируют «голос самой природы», только участвуя в известных, исторически определенных формах социальной организации. Эти формы для того и существуют. Они были бы отброшены, если бы совершенно не выполняли названную функцию. Однако то, *как* ученые улавливают «голос самой природы», *как* они его понимают и *в каких формах* выражают услышанное, - все это осуществляется только на основе определенных социальных структур и пронизано ими» (Сокулер З.С. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб., 2001. - С. 227-231).

¹ Точно так же, как «Татьянин день», день рождения Московского университета, как прародителя системы высшего образования, отмечается всей страной, всеми студентами и преподавателями, и философский факультет МГУ является конституирующим элементом профессиональной философии в России - и непростые вехи его истории есть знаменательные даты для всех отечественных философов.

² На базе этого надо обязательно создать на уровне ректората МГУ структуру, курирующую общеобразовательную подготовку в университете (голос философии в этой структуре должен быть *решающим*: это должно быть что-то *наподобие* философского факультета - факультета семи свободных искусств - в классическом европейском университете), чтобы уравновесить определенный произвол со стороны факультетов в отношении к общеобразовательным дисциплинам и следить за тем, чтобы сами эти общеобразовательные дисциплины *совместно* работали над повышением качества общеобразовательной подготовки студентов.

является *сама история* европейской философии и европейской культуры в целом. *Схематично* роль логики можно представить так.

Для европейской философии. 1) При генезисе философии. Философия – критическое отношение к любому высказанному мнению и приговору, ищущая путь к истине через рассмотрение противоречащих друг другу представлений. Философы начинают наблюдать свою собственную деятельность по построению образов действительности, сам процесс осознания фактов, о которых возник спор – предметом рассмотрения оказывается все те общие представления и понятия, на которые опираются сталкивающиеся мнения. Значит, философия является одновременно не только мышлением «о внешнем мире», но и «мышление о самом мышлении» (исследование природы самих понятий). Мыслить и поступать сообразно природе вещей – в этом заключается вся мудрость первых философско-теоретических концепций. Мудрость, соединенная с пониманием, что делать это вовсе не так-то легко и просто, что мышление и размышление требуют от человека и умения, и воли, и мужества глядеть в лицо правде, какой бы неутешительной она ему ни казалась.

2) В дальнейшей истории европейской философии (телеграфно): элейская школа – «*истинное познание* связывается только с умозрительной деятельностью (*мышлением*)»; софисты (Протагор) – «человек – мера всех вещей (*содержание* нашего мышления является такой мерой)»; Сократ – «*сущность вещей содержится в сознании, мысли*»; Платон – «идеи суть специфические объекты усмотрения ума, пребывающие в особом, запредельном, надприродном мире (мире идей), поэтому познание представляет собой созерцание умом идей в этом особом «умном» мире, только душа «забывает» виденное в потустороннем мире (мире идей), и для того, чтобы «вспомнить», нужны подсказки знающего мудреца либо достаточно сложные логические операции, а не само по себе наличие единичного предмета или их совокупности»; Аристотель – «логика – *орудие* (органон) *всякого* научного познания в том числе и метафизики»; средневековье – «золотой век» логики; Декарт – «основой, фундаментом *любой* науки является мышление (Cogito ergo sum)»; Лейбниц – «нет ничего в идеях, разуме того, что предварительно не было бы в ощущениях, кроме самого *разума*»; Кант – «критика (установление средств и границ) *априорных форм* познания – *основа философии*»; Гегель – «расширение *Логики* до метафизики: метафизика и логика – это одно и то же». Следовательно, *Логика* как наука о мышлении (не только его формы, а все без остатка его аспекты) является *сердцевиной* классической европейской философии, в этом статусе «соперница» у нее только метафизика (на самом деле, соперничества никакого нет, они «две стороны одной медали» - философии).

3) Сегодня. С наступлением «позитивного века» философия раздала весь свой предметный скарб частным наукам, но осталась у нее *логико-гносеологическая* проблематика, а по другому - *мышление*¹. Все попытки со

¹ «Метафизика есть догматическая часть теоретической философии, которой в логическом порядке предшествует часть критическая – учение о познании, или *теория познания* (до XVIII в. вся гносеологическая проблематика входила в *логику* – К.В.). В историческом порядке, напротив, вопрос

стороны частных наук (современной психологии, символической логики, кибернетики, языкознания, когнитивных наук и др.) исследовать *само* мышление на сегодняшний день *не удалось* и в будущем *бесперспективны* из-за осознанного принципиального, идущего от установок эмпирически-позитивистской философии нежелания рассматривать *метафизическую сущность* мышления¹. Сегодня в общем разделении труда в культуре между различными ее частями философия является хранительницей образцов наивысших достижений *теоретической* деятельности (в виде *метафизических систем*) и хранительницей *навыков* и *средств* этой деятельности (*Логика* – с большой буквы). Но пока это хранение происходит не в виде живой функционирующей традиции «учитель-ученик», а только в форме истории философии, «пылящихся на полках истории культуры философских текстов и фолиантов», самый яркий пример этому, нынешнее состояние метафизики и логики.

Для европейской культуры в целом. 1) При генезисе европейской культуры. На эмпирическом уровне европейская культура отличается от других ее философией и наукой. Философию и науку в европейской культуре рождает острая и настоятельная потребность *рационально* разобраться в острейших проблемах, ставших перед обществом. Против старой «правды» религиозной мифологии первые философы выставляют новую – «неприкрашенную и неподмазанную» – *трезвую правду* рождающегося мира ежедневной и ежечасной взаимной борьбы людей, мира вражды и раздора, где несвято ничто традиционное, где старые боги так же бессильны, как и заповеди жизни, ими предписанные. Выступая впервые на арене общественной жизни, философия была занята вовсе не построением логически продуманных систем понимания «мира в целом», а разрушением традиционного мировоззрения, не соответствовавшего более радикально менявшемуся образу жизни, *критическим переосмыслением* и *преобразованием* того духовного материала, который был оставлен людям в наследство предшествующим развитием. Поэтому философия выступает сначала вовсе не как особая наука, четко выделяющая предмет своего исследования, а как «любовь к мудрости» или «мудрость вообще», - она рассматривает все, что попадет в поле зрения *мыслящего существа*. «Философию можно предварительно определить вообще как *мыслящее рассмотрение* предметов»². Неудивительно, что «философия» с самого начала включала в себя все немногочисленные зародыши *научного познания* и помогала им развиваться в своем лоне, стараясь освободить их от

о первооснованиях всех вещей возникает ранее вопроса о познании, и метафизика предвзвешивает гносеологию. Хотя всем метафизическим системам, кроме материализма, присущ критический элемент, но важное значение он получает лишь по мере развития философии, и только в новейшие времена обособляется в виде самостоятельной философской дисциплины. С точки зрения философской вопрос о возможности метафизического познания связан с более широким вопросом о возможности достоверного познания вообще» (Соловьев В. Метафизика // Философский словарь Владимира Соловьева. – Ростов н/Д, 1997. - С. 277).

¹ Киселев В.Н. Проблема поиска оснований теории мышления. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – МГУ, М., 1995.

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т 1. Наука логика. – М., 1975. - С. 85.

тех магически-знахарских наслоений, с которыми они были переплетены в составе религиозно-мифологического мировоззрения. Поэтому развитие философии и совпадало тут полностью и без остатка с развитием научного понимания окружающего мира вообще вплоть до XIX века¹.

Отличительный признак европейской культуры – *рационалистическое* отношение к действительности, более последовательное *мыслящее* рассмотрение предметов по сравнению с другими культурами. Общим источником философии и науки в европейской культуре выступает греческий «логос», в первую очередь единство *слова* и *мысли*, того, что называется «знанием», противоположным «суетному мнению» и «религиозной интуиции и мистике *веры*».

2) В дальнейшей истории культуры. В традиции европейского образования центральное место всегда отводилось *логике*: важнее всего было научить человека *правильно мыслить*, ставить точные вопросы и искать на них ясные ответы, только это открывает путь к высшему знанию – или философии, или божественному откровению, рациональной теологии, или науке, или инженерно-технической деятельности, или военному и политическому искусству, или художественному творчеству. Хотя прямого влияния логики на художественное искусство нет, но их связывает такая *форма* познания, как «идея», которая может быть представлена и в понятийном виде, и в виде художественного образа. Логика несла в европейской культуре основной груз *гуманитарного* фундамента, базы в образовании людей². И даже риторика

¹ По Ильенкову Э.В.

² Хотелось бы указать на некоторые интересные исторические моменты взаимоотношения логики с гуманитарным и естественнонаучным знанием.

Хотя *зарождение* логики происходило в европейской традиции у древнегреческих физиков (натурфилософов, в особенности в апориях Зенона), но ее *развитие* стимулировалось исключительно политикой, этикой, риторикой, законодательно-юреческой деятельностью античности (гуманитарными дисциплинами). И неслучайно отцом-основателем *теоретической* логики считается Аристотель, пришедший к ней не из математики и физики, а из гуманитарных (посвященных человеку и обществу) диалогов софистов, Сократа, Платона. *Гуманитаризация* логики, или *логизация* гуманитарного знания была закреплена в европейской культуре логикой стоиков, риторикой неоплатоников, диалектикой средневековых схоластов. Неологизация естествознания началась с индуктивизма Ф. Бэкона, а неологизация математики – с Р. Декарта и Г.В. Лейбница, хотя у двух последних имеется и другое, нематематическое отношение к логике. Но в новоевропейский и современный период в естествознании и математике логика оказалась реализована в своих наихудших вариантах, все попытки навязать эту логику современной культуре в качестве единственно совершенной, строгой и правильной оканчивались всегда не просто неудачей, а и дискредитацией ценности научного познания (процесса получения истинного знания). Логика, сложившаяся и закрепившаяся в естествознании и математике (в первую очередь индуктивная, символическая и математическая логики), - это антилогизация самой логики, исключение *субъекта* из нее. Ее по аналогии с понятием широко используемым в философии, «социальная и гносеологическая робинзоада» - можно назвать «*логической робинзоадой*».

Развитие логики в гуманитарных дисциплинах шло иначе – с пониманием места и значения субъекта, внесением в логику *гносеологического* или, точнее говоря, *метафизического* (трансцендентального) основания. Кульминация этой традиции – классическая немецкая философия от И. Канта до Г.В.Ф. Гегеля: само разделение прежней логики на принципиально различные логики появляется и закрепляется у этих философов. Основное достижение этой традиции логики, имеющее общеметодологическое значение для научного познания вообще и, в частности, для гуманитарных

(классическая риторика - это не только техника красноречия, а и знание образцов художественной литературы и значимых исторических событий) не была для нее конкурентом в этом, не говоря о других дисциплинах. Риторика не может научить *правильно мыслить*, а только помогает *украсить* мысль литературными формами или историческими примерами.

3) Сегодня. С современной культуре, особенно отечественной, резко снизилось целенаправленное обучение подрастающего поколения *эффективным приемам мышления, познания вообще* – его просто нет. Отсюда стало *закономерностью*, а не исключением то обстоятельство, что система образования уже не в состоянии даже при обучении по конкретной узкой специальности подготовить ни одного *подлинного профессионала* в своей области, а если они и получают, то как исключение.

Современному обществу пришла *пора расплачиваться за пренебрежение* к двухтысячелетней успешной традиции сохранения и развития сущностной характеристики человека – Разума, Ума, Интеллекта, Самосознания и т. д., то есть *Мышлению*. Конечно, определение «человек разумный» возникло в новоевропейский период под сильным влиянием рационалистических, просвещенческих и гуманистических идеалов, не в меньшей степени человек может быть определен, и как «моральный», и как «религиозный», и как «эстетический» и т. д. (все эти определения будут отличать человека, например, и от других живых существ, и от машин), но мышлению все равно принадлежит решающее значение.

Как бы мы ни определяли сущностную характеристику человека, она содержательно связана с возможностью проникать в *сущность любых предметов*, или, в более мягкой форме, из всех тварных существ (сотворенных природой или Богом, кому как больше нравится) человек ближе всех находится к сущности существующего, к сущности бытия. Средств у человека для этого не так много, в определенной традиции культуры это чувственность и сверхчувственность, распадающаяся на умозрение и веру. В европейской традиции доминирующим на всем протяжении истории было сверхчувственное, чувственность всегда связывалась с более низким уровнем. Исключение-традиция эмпиризма-позитивизма, но она не была ведущей тенденцией всей европейской культуры. Не вдаваясь в дискуссию первенства между мышлением и верой, можно отметить то общее, что сближает различные точки зрения: мышлению отводится *решающая роль в земных делах* людей. Человеческая практика как предметно-преобразовательная деятельность людей невозможна без познания сущности этих предметов, а это осуществляется посредством *мышления*, а не чувственности, не веры, не эстетического переживания, не морали и т. д. Для успешной жизнедеятельности людей, для их элементарного выживания необходима развитая способность мышления, или, как называл ее И. Кант, «развитая способность суждения». А для этого человеческой

культурой ничего лучшего не было изобретено и предложено, как только *Логика*¹.

Некоторое общее осознание этого есть в современной отечественной культуре, но оно сильно деформировано, искажено несколькими десятилетиями *насилия, вандализма* над культурой различными деятелями. *Нередки случаи*, когда для повышения и развития *мышления* на уровне общеобразовательной подготовки предлагается использовать математику и информатику². Ситуация

¹ Вообще в процессе познания *абстрагирование* является его основой: без абстракции нет ни чувственности, ни рассудка, ни разума, ни интуиции, ни веры и всего того, что имеет отношение к познанию. Это понимание в европейской философии было давно, например «тропы против чувственности и разума» античных скептиков. Но абстракция абстракции рознь: одна может выражать сущность предмета (иметь отношение к истинному познанию предмета), другая – несущественное, второстепенное, преходящее (гипертрофированно перенесенная на весь предмет – источник заблуждений, лжи). Любой самый фантастический вымысел, бред сумасшедшего в своей основе *истинное* познание, но ставшее *ложью* в результате неправильного абстрагирования (вычленения отдельных элементов целостного предмета) и неправильного соотнесения различных абстракций между собой. Чтобы иметь целостностное представление о предмете на уровне знания о нем, необходимо осуществлять соотнесение различных абстракций между собой (в качестве примера можно сослаться на одну небольшую работу И. Канта «Опыт о болезнях головы», 1764). Поэтому нужно не избегать и не устранять абстрагирующую деятельность познания – этого просто невозможно осуществить, а осознавать все тонкости и, главное, возможные результаты и последствия этой деятельности, тех или иных ее компонентов. А для этого уже давно существует специальная наука – Логика (с большой буквы).

«Биологический вид, к которому мы принадлежим, называется «*homo sapiens*» – «человек разумный» в переводе с латинского. Среди наших предков был «человек умелый», начавший изготавливать первые каменные орудия; «человек выпрямленный», питекантроп; неандерталец, непосредственный предшественник современного человека. Нашей отличительной особенностью по сравнению с животными и предшественниками является наличие разума. Но что такое «разум»? Оказывается, до сих пор ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно. Мы гораздо больше знаем о строении вещества, о звездах и галактиках, о растениях и животных, чем о наиболее важном свойстве человека. Но есть одна из сторон разума – важнейшая, быть может, – которая исследована достаточно хорошо. Это – мышление, т. е. способность ориентироваться в окружающем мире, рассуждать, строить объяснения тех или иных явлений, делать предсказания. Наука о мышлении называется логика. «Когда я принимаю в соображение, – писал сто лет назад английский экономист, философ и логик Джон Стюарт Милль, – как проста теория умозаключения, какого небольшого времени достаточно для приобретения полного знания ее принципов и правил и даже значительной опытности в их применении, я не нахожу никакого извинения для тех, кто, желая заниматься с успехом каким-либо умственным трудом, упускает это изучение. Логика есть великий преследователь темного и запутанного мышления; она рассеивает туман, скрывающий от нас наше невежество и заставляющий нас думать, что мы понимаем предмет, в то время как мы его не понимаем. Я убежден, что в современном воспитании ничто не приносит большей пользы для выработки точных мыслителей, остающихся верными смыслу слов и предложений и находящихся постоянно настороже против терминов неопределенных и двухсмысленных, как логика». Да, разумом нужно уметь пользоваться, его нужно и можно развивать. И этому учит единственная из наук – логика. Поэтому знакомство с ней необходимо любому человеку. Слоны сильнее человека, лошадь – быстрее, орел видит дальше и лучше. Но разум позволяет человеку неизмеримо превзойти их всех и в силе, и в быстроте, и в зоркости» (Никифоров А.Л. Логика. – М., 2001. – С. 5-6).

² «В наши дни логическая наука значительно продвинулась вперед. С использованием ее достижений созданы современные компьютеры, превратившиеся в мощные усилители человеческого интеллекта. Но любому компьютеру очень далеко до человека, так как он может выполнять лишь вычислительные действия, тогда как люди обладают способностью к логическому мышлению куда более высокого порядка. Но является ли дистанция между вычислениями и логическим мышлением принципиально непреодолимой? Автор считает, что нет. И цель настоящей книги – показать возможность сокращения этой дистанции путем сведения умозаключений к вычислениям. Это

нелепа, точно так же, «как добираться из Рязани в Москву через Владивосток-Америку-Европу» или «на Украине за салом ехать в Антарктиду». И здесь принципиальный вопрос: «*Что в большей степени развивает мышление – философия и философская Логика или математика и математическая «логика» (символическая логика)?*»¹.

Математика (символическая логика) редуцирует все мышление к вычислению, логическую форму к символам, к знакам. В подлинном смысле логическая форма – это схемы общезначимой деятельности по опредмечиванию мыслей (открытие Платона-Гегеля, проблема «идеального»). Поэтому логическая форма связана с *деятельностью*, а через нее и с языком и с знаками: деятельность – подлинный носитель мышления, а не язык, мышление может быть и не в виде членораздельной речи. Как следствие, проблема *истинности* (познание сущности вещей) или отсутствует вообще, или редуцируется в математике (символической логике) к семантическим аспектам. В результате современная символическая логика (соответственно все то, что опирается на

предвидел еще великий немецкий философ и математик Г.В. Лейбниц, мечтавший о времени, когда люди вместо того чтобы спорить, скажут «Вычислим!»... Вместе с тем содержание книги выходит за рамки общепринятых программ изучения логики. В частности, в ней вводятся многомерные логические массивы, позволяющие добиваться поразительной эффективности при анализе парадоксальных объектов. А опытным педагогам хорошо известно, как захватывает учащихся и студентов все парадоксальное. Поэтому и рассмотрение на учебных занятиях представленных в настоящей книге парадоксов «Брадобрей», «Лжец» и им подобных, вызывая интерес, создает у обучаемых самого разного возраста мотивацию к изучению логики как науки о правильном мышлении. Вот почему книга может стать основой для преподавания факультативных предметов в средних учебных заведениях. Ее можно использовать и для чтения спецкурсов, дополняющих вузовскую программу логики и ориентированных на формирование высокой логической культуры» (Бахтияров К.И. Логика с точки зрения информатики: бестселлер в духе Льюиса Кэрролла (12 этюдов). – М., 2002. – С. 4-5).

¹ Интересна точка зрения И. Канта на соотношение философии, логики и математики. «Но существует два вида априорных знаний, имеющих, однако, много значительных различий, а именно – *математика и философия*... Специфическое различие между двумя этими науками составляют лишь различия в способе рационального познания, или применения разума в математике и философии. А именно философия есть – *рациональное познание из одних только понятий*, математика же, напротив, *рациональное познание посредством конструирования понятий*... (М)атематика имеет преимущество перед философией в том, что познания первой *интуитивны*, в то время как познания последней лишь *дискурсивны*» (Кант И. Логика // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.8. М., 1994.– С. 278-279). И «Логика не является общим искусством изобретения и органом истины; она и не алгебра, с помощью которой можно обнаруживать скрытые истины. Однако она полезна и необходима как *критика познания* или для оценки как обычного, так и спекулятивного разума, но не для того, чтобы его учить, а лишь для того, чтобы *корректировать* его и согласовывать с самим собою. Ведь логический принцип истины есть согласие рассудка со своими собственными общими законами» (Там же. – С. 275). «Под *органом* мы разумеем именно указание, как должно осуществляться определенное познание. Но это предполагает, что объект познания, которое должно возникнуть по известным правилам, я уже знаю. Поэтому органон наук не есть просто логика, ибо он предполагает точное знание наук, их объектов и источников. Так, например, превосходным органом является математика как наука, которая содержит в себе основание для расширения нашего познания в отношении определенного применения разума. Напротив, логика, которая, как всеобщая пропедевтика всякого применения рассудка и разума вообще, не может проникать в науки и предвосхищать их материю, есть лишь *общее искусство разума* придавать познанию вообще форму, соответствующую рассудку, и следовательно, лишь в этом смысле она может быть названа органом, который служит, конечно, не для *расширения*, а для *оценки и исправления* нашего знания» (Там же. – С. 268).

математику) своим предметом в лучшем случае имеет *язык*, но язык - это только одна сторона выражения мышления, не тождественная мышлению вообще. Так, например, крупный представитель математической логики Я. Лукасевич писал: «Однако неверно, что логика – наука о законах мышления. Исследовать, как мы действительно мыслим или как мы должны мыслить, - не предмет логики. Первая задача принадлежит психологии, вторая относится к области практического искусства, наподобие мнемоники. Логика имеет дело с мышлением не более, чем математика»¹. Математика и символическая логика – *антигуманитарные* дисциплины, не имеющие непосредственного отношения к *человеческому* мышлению (имеется апосредующее отношение, например, к мышлению некоторых математиков со слабой общегуманитарной культурой).

Поэтому подлинное, а не мнимое повышение гуманитарной культуры в современной отечественной традиции может быть связано исключительно с возрождением традиционной формальной логики, или, как ее еще принято называть, «школьной» или «схоластической» (в устах «символистов» обычно звучит как ругательство). Исторически подлинное массовое влияние философии на европейскую культуру и осуществлялось через эту логику – от софистов до наших дней. Пускай она очень старая (две тысячи лет)², несовершенная и многими прочими недостатками обладает, но она была и есть один из подлинных столпов, на котором существует европейская культура. И здесь не нужно «изобретать велосипед», «все уже украдено до нас». Содержательно за основу современного курса логики можно взять хотя бы учебник логики В.Ф. Асмуса (1894-1975) или К.С. Бакрадзе (1898-1970). Но при этом нельзя повторять ошибки, которая случилась при подобной попытке в конце 40 - начале 50 гг. XX в. у нас в СССР – став в советской культуре «профилизированной» логикой, она перестала быть *Логикой*. Преподавать логику должны *не чистые логики*, а *философы* и *гуманитарии* – для европейской классической традиции философии чистые логики - это нонсенс: логики без соответствующей философской базы не бывает. Пример с символической логикой это еще раз подтверждает – представители этой логики в большинстве своем являются позитивистами различных мастей, к которым относятся и представители аналитической философии. Общеобразовательный курс «логики» должен быть чисто гуманитарной дисциплиной и обязательно

¹ Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. -М., 1959. – С. 48.

² Известная характеристика И. Канта об этой логике является обоснованием содержания общеобразовательного курса логики: 1) традиционная формальная логика с древнейших времен пошла верным путем науки; это видно из того, что со времени Аристотеля ей не приходилось делать ни шагу назад, ни шагу вперед – она кажется наукой вполне законченной и завершенной; 2) границы логики совершенно точно определяются тем, что она есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления; 3) своими успехами логика обязана определенности своих границ, благодаря которой она отвлекается от всех объектов познания и различий между ними; в ней рассудок имеет дело только с самим собой и со своей формой; 4) логика - преддверие науки вообще, правильное применение основных понятий той или иной науки и суждениях о знаниях наук; 5) логика - философская дисциплина (Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. - М., 1994. – С. 18-19). То, о чем говорил И. Кант более двухсот лет назад, и является тем фундаментом теоретической культуры, который и определяет достижения, могущество современного человечества.

традиционной формальной логикой. Любой профессиональный философ *обязан* непременно преподавать логику – это повысит профессионализм самого философа, и всей философии тоже.

Логика, в первую очередь традиционная формальная логика, без всякого лукавства, является тем «золотником, который максимально дорог» как в целом европейской культуре, в том числе и для будущего ее развития, так еще в большей степени самой современной философии. Если выразиться языком рыночной экономики по отношению к культуре, то традиционная формальная логика является единственным коммерческим продуктом философии в европейской культуре на протяжении более двух тысячелетий. Спрос на нее до сих пор существует в массовом порядке. Все прочие философские товары, как бы совершенны они ни были, не имеют такого коммерческого успеха в культуре. Насущной задачей современной отечественной философии является возобновление производства этой логики для всей современной отечественной культуры. Возобновление этого продукта окажется для современного плачевного состояния отечественной философии тем спасительным инструментом, который позволит, как известному борону Мюнхаузену, выбраться из дремучего болота отечественного диаматовского позитивизма.

Это не прожекты «а ля Манилов», а исторические уроки самой европейской философии. Один из них, но, пожалуй, самый важный в своей поучительности пример связан с Платоном-Аристотелем. Создав «Логик» (органон философии) и ее «раздел» - категории, Аристотель создал форму, причем более адекватную содержанию «платоновской философии» («миру идей»), чем это было у самого Платона¹. Тем самым Аристотель выделил *формально-организационно* в структуре философского знания первую и центральную дисциплину философии «метафизику» - науку об умозрительных основах бытия, для которой *единственным* средством исследования является *умозрение*, мышление, а *единственной* адекватной формой выражения ее содержания – *система категорий* (что было подтверждено последующей историей развития европейской традиции философии). Само появление метафизики в структуре философии невозможно было без развития логики, но в то же время «совершенное» теоретическое состояние логики у Аристотеля стало реальным благодаря положениям, зафиксированным в его «первой философии». Поэтому для метафизики необходимостью является логика, и также для логики необходимостью является метафизика – они взаимно необходимы друг другу: логика для метафизики является единственным адекватным средством исследования ее предмета, а метафизика для логики – основанием, принципами, законами ее теории.

¹ Нелепой, фантастичной у Платона оказалась исключительно *конструкция, форма*, в которой он воплощает свою философию. Это и неудивительно. Прежние формы, конструкции философии («физика», «логика», «этика») не годятся для того, что так нелепо выразил Платон. Поэтому он и вынужден был творить в формах более подходящие для религии, мифологии, литературы, а не философии. Платон до сих пор считается не только выдающимся философом античности, но и классиком античной литературы, в том числе за его «философские диалоги». Но уже в дальнейшем (у Аристотеля) при исправлении этих недостатков будет создана адекватная форма, философская дисциплина для «платоновской философии» (того содержания, которое *открыл* Платон).

Поэтому возобновление производства традиционной формальной логики неизбежно потребует и возобновления метафизики, а после этого подлинно настоящая, серьезная и профессиональная философия реально, а не номинально начнет функционировать в отечественной культуре. И только в этом случае, и не раньше следует ожидать появления чего-либо нового, стоящего, серьезного, совершенного в философии. Традиционная формальная логика – это индикатор состояния философии в культуре. *Проблема современной философии упирается не в содержательный аспект (различного философского содержания «пруд пруди»), а неадекватности техники философии и институциональных форм философии.* Традиционная формальная логика и есть та *техника* и *институциональная форма* для того, чтобы современной философии опять стать Философией с большой буквы.

В этом смысле интересна эмблема Философского факультета МГУ: на фоне главного здания МГУ красуется сова с распростертыми крыльями, символ мудрости, а под ней как девиз известное изречение Декарта «*Cogito ergo sum*». Получается, что сутью философии провозглашается мышление («мыслю, следовательно существую»); а еще то ли сова изображена на фоне университета, то ли на ее распростертых крыльях покоится МГУ. Но так как в России Московский университет олицетворяет собой образование и образованность, то сова выглядит атлантом, на плечах которого надежно держится образование. «Мышление-философия-образование» - вот что обозначает эмблема философского факультета (трудно сказать, это ли имели ввиду создатели эмблемы, но ее можно интерпретировать и так). Но только и умный, и дурак тоже мыслят – отличие в методах, в средствах, в технике. *Когда у философского факультета будет «совершенная» техника мышления, Логика* (символическая «логика» для этого однозначно не годится¹), *тогда философия станет тем, чем она была в традиции классической европейской культуры – фундаментом, базой, основой образования и образованности*².

Определив, что и кто в наибольшей степени тормозит существование и прогрессивное развитие современной философии (а это необходимо учитывать в педагогической практике при преподавании философии студентам), укажем, **как** «противодействовать этой поверхности, сотрудничать с

¹ Случай с философией в паре с символической логикой на атланта не похож. Скорей, это персонаж А.С. Пушкина:

«Бедный бес под кобылу подлез,
Поднатужился, поднапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул».

² Современную философию душит ее немота по причине того, что предложенная в качестве пищи математическая логика, как было отмечено ранее *насильственным* путем, застряла в горле философии, не позволяющая ни говорить, ни дышать ей свободно. Философии при этом остается только производить различные манипуляции («размахивать и хлопать руками или крыльями - для философии в образе совы»), демонстрации, инсталляции, акции, - в общем, все то, что является арсеналом художественного искусства, а не философии и науки. Поэтому так пышно и расцвели буйным цветом *лопухи* постмодернизма на философской почве. Пока застрявшая «кость» в горле философии не будет извлечена, до тех пор философия будет находиться в клиническом состоянии – «пациент скорее мертв, чем жив».

представителями философской *серьезности и честности*»: первоначально отметив негативную сторону в традиции преподавания философии, теперь настало время определить ее позитивную сторону. Но прежде чем это сделать, напомним еще раз для чего мы это все затеяли. Нам нужна не философия *вообще*, а философия со стороны ее *преподавания*.

Предположим фантастический сюжет – земляне отправляют космическую экспедицию к внеземным цивилизациям, мест на космическом корабле строго ограничены, набираются различные специалисты, по одному от каждого профиля, в том числе и от европейской философии. Любой специалист должен быть не только профессионалом своего дела, если потребуется совершенным образом справиться с предметом своей специализации, но еще и очень хорошим преподавателем этой профессии, как для обитателей корабля, так и для представителей внеземных цивилизаций. Теперь наша задача выбрать наилучшего кандидата от философии на эту роль. Выбор будем осуществлять из философов последних двух столетий, потому что с середины XIX в. ситуация с европейской культурой стала изменяться не в лучшую сторону, а больший исторический период не будем брать из-за того, что многие важные философские достижения окажутся неучтенными. Отбор будем осуществлять по следующим номинациям (которые уже довольно отчетливо проявились в предшествующем изложении): преподаватель, метафизик, логик, историк философии и разносторонний вклад в многочисленные философские дисциплины. В каждой номинации будем выделять группу лидеров, которые существенно отличаются от остальных философов, и у кого в различных номинациях окажется количественно больше призов, тот и станет победителем.

Преподавательская номинация – из всех различных характеристик преподавательской деятельности возьмем только одну, формальный статус в иерархии системы образования (в России без чиновничества нельзя). Высшим чином в системе университетского образования является *ректор*. Кто из *классиков* философии удостоился такой высокой чести? С большим отрывом от остальных философов выделится группа из трех человек. За двести последних лет *И. Кант* был ректором Кёнигсбергского университета, *Г.В.Ф. Гегель* был ректором Берлинского университета и Князь *С.Н. Трубецкой* был ректором Московского университета.

Метафизическая номинация. За последние два столетия наиболее значимыми и оригинальными метафизическими системами были: система *И. Канта*, система *Гегеля*, система *В. Соловьева* и система *М. Хайдеггера*.

Логическая номинация. За последние двести лет в логику наиболее значимым был вклад *Г. Гегеля*, *Д.С. Милля*, *Э. Гуссерля*, *представителями неокантианства*. Хотя историей была заявлена символическая логика, но ее представители снимаются с номинации за «нефилософское поведение» (это относится, и к *Б. Расселу* и *Л. Витгенштейну* – их логика не является философской Логикой).

В *исторической номинации*, безусловные лидеры – *Г. Гегель*, *И.Э. Эрдман*, *Э. Целлер*, *К. Фишер*, *Ф.А. Ланге*, *В. Виндельбанд*, *А.Ф. Лосев*.

Номинация по разностороннему вкладу в многочисленные философские дисциплины. Лидеры очевидны – И. Кант и Гегель...

Конечно, это шутка. Но, как известно «в любой бочке шутки, есть доля дегтя». Если серьезно, то и в этой шутке четко просматривается определенная закономерность. Сегодня представлять всю европейскую традицию философии лучше доверить немцам, затем англичанам и потом уже отечественным философам (к сожалению, французы выпадают из этого соревнования)¹.

Поэтому в преподавательской философской практике лучше всего ориентироваться на немецкую традицию философии, в первую очередь *классическую немецкую философию*, и на отечественную традицию философии до «культурной революции» в СССР, например, философские статьи авторского коллектива, возглавляемого В. Соловьевым в Словаре Брокгауза и Эфрона. Но при этом, как быть с временным разрывом - в 100-200 лет между - этой философией и сегодняшним преподаванием философии студентам-нефилософам в МГУ? Фактически ответ на этот вопрос тесно связан с проблемой «соотношения традиции и новации» или «соотношения исторического и теоретического» в европейской философии².

Не вдаваясь в серьезный анализ данных вопросов, отметим их принципиальные моменты. Отделять друг от друга противоположные аспекты *процесса развития* любого явления бессмысленно: как новация не может существовать без традиции и теория без истории, так же точно и обратное, не существует традиции без новации и истории (история как наука) без теории. Острота этих вопросов заключается в той *мере*, которую необходимо соблюдать при взаимоотношениях между двумя крайними аспектами процесса развития вообще в любом из явлений и в особенности применительно к процессу развития европейской традиции философии.

Необходимо понять и осознать, что ныне модная и очень привлекательная, и поэтому господствующая в европейской культуре на протяжении последних нескольких столетий идея «созидания принципиально нового, как универсального и совершеннейшего средства человеческого прогресса» содержит в себе противоречие, самоотрицание, разрушение. Только тогда реально происходит прогресс, когда что-то новое больше создает, чем разрушает, что неизбежно при этом процессе. Если же новации больше разрушают в старом, чем дают, то о каком прогрессе можно говорить? Полное уничтожение предшествующего иногда бывает оправдано экономическими

¹ На самом деле распределение этих мест определяется не только чистым состоянием философии в этих национальных культурах, а во многом реальным историческим пересечением культур между собой. Да, больше всего в философии исторически мы учились и сотрудничали с немецкой культурой. *Сегодня* наибольшее влияние на мир оказывает англоязычная культура, в том числе и на отечественную. Но было время, когда французская культура и философия доминировала в том числе и в России. Но история, как и мода, переменчива. На смену «героям вчерашних дней» приходят «современные герои», *сегодня* они «настоящие герои», а, как известно, «*настоящие* отважные герои всегда идут в обход» - не вперед, а назад или топчутся на месте (настоящий – означает, как и «в данный момент», так и «подлинный», «стоящий»).

² Более развернуто эти темы нам довелось рассмотреть в статье «Перспективы философии» (МГУ, М., 2001. – Деп в ИНИОН РАН от 6.12.2001, №56864).

условиями, например, старое здание проще взорвать и на расчищенном месте построить совершенно новое. Но есть и противоположная тенденция, например, в автомобилестроении (практика компании «Mercedes»): старые автомобили разбираются полностью на части, которые перерабатываются и идут в новое производство, что называется или безотходным производством, или производством с возобновляемым циклом. Чем сложнее и совершеннее произведенный человеком продукт, тем ответственнее требуется распоряжаться его дальнейшей судьбой, и простое уничтожение его является самым настоящим варварством и дикостью.

Философия в последнем столетии подверглась наибольшей негативной новаторской деятельности в культуре. Все новые «достижения» современной философии не идут ни в какое сравнение с теми колоссальными разрушениями, которые при этом часто осознанно и целенаправленно осуществлялись, вплоть до полного уничтожения философии в современной культуре. Необходимо помнить, что в европейской культуре небезуспешно функционировал на протяжении долгого времени и противоположный принцип: «Истина – достояние не индивидуальное, но корпоративное; она принадлежит не тому или иному автору, но всему сообществу. Авторитет всякого члена сообщества объясняется вовсе не его личной оригинальностью, не тем, что он предложил особую и ни на что не похожую позицию или сверхоригинальное решение проблемы, но тем, что его мысли находятся в согласии с традицией, освященной другими авторитетами» (подобная точка зрения на философию может быть проиллюстрирована, например, взглядами Гегеля на связь философии с ее историей)¹.

Сегодня время не столько создавать нечто новое, сколько исправлять реализованные амбициозные самовыражения эгоистически одержимых современных новаторов философии, для которых их деятельность «не любовь философии в себе, а любовь себя в философии». Только исправив перегибы философского эгоизма и нигилизма, можно продолжать развивать философию, создавать что-то новое как специфическую продолжающуюся *традицию* культуры. Поддерживать и развивать традицию в современной культуре – это более сложная, мужественная и ответственная задача, чем быть новатором. Сегодня заслуживает большего уважения и признания в своем самоотверженном труде тот, кто сохраняет традицию, а не тот, кто занимается новаторством. Можно просто быть нигилистом и тем самым претендовать на оригинальность, за которой кроется пустота.

Сама философия установила строго *определенную меру* между традицией и новацией, между историей и теорией. Философия очень стара, ей больше

¹ «Средневековый университет есть корпорация людей учения, но не ученых в современном смысле слова, ибо целью ученых занятий в средние века вовсе не являлось получение нового знания. Главным смыслом ученых занятий было *сохранение и упорядочение* имеющегося знания, но отнюдь не его обновление или приращение. Знание надо было бережно хранить, чтобы оно вновь не забылось, как это произошло с античными традициями в эпоху после крушения Римской империи. Наилучшим же средством сохранения знания является *обучение*. Целям обучения, сохранения, систематизации имеющегося знания и служит средневековый университет» (Сокулер З.С. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб., 2001. - С. 17).

двух с половиной тысяч лет, это и не плохо и не хорошо, но это накладывает некоторые довольно жесткие ограничения на современное и будущее ее существование. Так как философское творчество личный, индивидуальный процесс, то любое новое самое гениальное творение конкретного новоиспеченного философа уже никогда не будет больше того, что было создано совместной индивидуальной деятельностью предшествовавших философов. Это справедливо и в отношении новых философских традиций с многочисленными последователями и приверженцами их. Для философии некая традиция, существующая даже триста, двести, сто лет например, еще не свидетельство большой значимости ее для самой философии. Для нее значима традиция существование которой исчисляется тысячелетием. Поэтому в философии как нигде в человеческой культуре так важна традиция и история. Создание принципиально нового в философии возможно только при использовании прежних результатов: чем этих результатов больше используется и привлекается, тем совершеннее некоторая новация в философии. И здесь подлинная профессиональная философия полностью совпадает с преподаванием философии, а преподавать ее не исторически – нелепость, абсурд, недоразумение, профанация... *Сегодня преподаватель философии – это и есть Философ в европейской культуре.* Все прочие виды философской деятельности в культуре никакого отношения к профессиональной философии не имеют, и ждать с этой стороны каких-либо подлинных новаций для философии бессмысленно, это пустая трата времени и сил¹.

Для наглядности можно привести примеры из современной отечественной практики преподавания философии.

¹ Выше уже отмечалась одна особенность философии в европейской традиции культуры, ее центральное положение в ней: большинство или даже почти все в европейской культуре пронизано теми или иными философскими элементами, которые выступают основаниями их, и христианства, и искусства, и политики, и морали, и идеологии, не говоря уже о всех научных дисциплинах (*исторически не философия является наукой, а любая наука есть «определенная философия»*) и т. д. Поэтому попытки привнести в философию что-либо новое из других *элементов* культуры в действительности является возвращением в нее прежнего своего содержания, и, как правило, в худшем виде. И здесь все происходит по Гегелю: «новое появляется в истории как трагедия, а затем повторяется в ней как фарс». Фарс состоит в том, что попытка привнести новое из нефилософских дисциплин в философию, есть некритическое распространение *одной*, и поэтому несовершенной (в силу односторонности), прежней философской доктрины в той или иной дисциплине *на всю* современную философию. Особенно распространился такой способ новаторства *над* (не *в*, а именно *над*) философией в советский период и продолжает господствовать и сегодня, благодаря позитивистки интерпретируемому известному положению Ф. Энгельса: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма». Советские позитивисты-марксисты под философией понимали только «диалектический *материализм*» и «исторический *материализм*» (другие варианты философии если и признавались, то только как ущербные по отношению к ним), а дальше влияние конкретных наук на «философию» они трактовали полностью по А. Конту. Сегодня апелляции к авторитету классиков марксизма нет, но осталась господствующей позитивистская трактовка отношении философии с конкретными дисциплинами (в первую очередь естественнонаучного профиля).

С.В. Пролеев в «История античной философии» в начале дает такое определение философии: «Прежде всего, философия – это *не область законченных истин*, не сумма раз и навсегда данных ответов. Смысл философствования заключается отнюдь не в том, чтобы дать однозначный ответ и обязать сознание каждого следовать ему. Философствование признано *пробудить в каждом человеке способность разума*, его собственное мышление. Результатом обращения к философии является не сознание того, что «дело обстоит так и так», «мир устроен так-то» и другие конечные констатации. Главный результат состоит в том, что человек открывает в себе: «*я мыслю*». Он обнаруживает в себе способность мышления и начинает мыслить сам. Поэтому философия выражает себя не столько в знании, истинах, ответах, сколько в вопросах. Смысл философского поиска – *открыть вопросы, неотделимые от сущности человека*. Философское сознание интересуют только те вопросы, которые – чего бы они ни касались – одновременно поставлены и о том, кто спрашивает. Их нельзя разрешить, не выясняя природу самого вопрошающего. Философские вопросы часто называют «вечными». Это значит, что суть их не в получении законченного ответа. Главное – не уклоняться от этих вопросов, попасть в них, находиться в их силовом поле. Ибо только находясь в пространстве этих вопросов и решая их, человек обретает самого себя»¹.

Как относиться к такой трактовке философии? Кратко - «правдивая», «профессиональная», но все же *ложь*. Используется отмеченный ранее софистический прием – играть на сложности и, главное, многоплановости истории философии; «замутят воду», а затем попадается почему-то только рыба из семейства «феноменология-экзистенциализм-герменевтика», очень напоминающая взгляды на философию Мераба Мамардашвили. Почему же это *ложь*? Возьмем только два примера: логика Аристотеля и «категорический императив» Канта. Выше в ссылке, посвященной Платону, отмечена одна из *практических* предпосылок, побудивших его создать «учение об идеях». Спасение родного полиса с его культурой Платон видел в утверждении авторитета некоторой системы твердых принципов нравственно-политического порядка, общих норм поведения и отношения к событиям – того самого «единого» и «всеобщего», которое было расшатано и поставлено под сомнение софистами. Так одна крайность – атомизм в его проекции на социально-политическую проблематику, индивидуализм в этике, принцип безоговорочного суверенитета индивида – вызывает и провоцирует другую, противоположную крайность – безоговорочно принимаемый принцип суверенитета полиса как целого, как всеобщего, как система всеобщих (тотальных) норм, определяющих и мышление и поведение каждого «атома», каждого «индивида». Платон и выступает как наиболее последовательный защитник этого принципа.

Логика Аристотеля. Софисты вошли в греческую культуру как практикующие платные учителя мудрости. В те времена наибольшим спросом пользовалось умение обоснованно, неопровержимо отстаивать публично свою

¹ Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001. - С. 20.

точку зрения. Это было практическим условием тогдашнего благополучия в бурных и усложнившихся общественных условиях жизни (политических, судебно-правовых, коммерческих и др.). Софисты предлагали для этой цели сложившиеся в философской «логике» мыслительные приемы, тем самым они философию повернули в сторону решения повседневных насущных индивидуальных потребностей граждан. Правда, не всем это было по вкусу: «использование «мудрости» в качестве средства к существованию» в целом было чуждо духу античности. Но само использование средств истинного познания природы, логики в публичных дискуссиях, спорах, обсуждениях по частным (актуальных только для небольшой части людей) вопросам неизбежно сказывалось на ее изменении. И вот почему. В частных вопросах речь шла не об *истине*, а исключительно о получении практической *выгоды*. Поэтому логика стала превращаться в технику ловкого доказательства заранее принятых и выставленных напоказ тезисов, стала вырождаться в своего рода интеллектуальное фокусничанье, в искусство побеждать в словесных схватках, даже просто в изощренную лингвистическую ловкость, в голую риторику (искусство красноречия). Софисты считали высшей ступенью своего искусства способность доказать любой тезис, равно как и прямо ему противоположный, используя при этом те действительно диалектические переходы, переливы понятий, которые вскрыли в мышлении досократики. Мышление выступает тут уже не в функции объективного познания реальности и фиксации заключенных в ней противоречий, а формально – в виде речи, высказывания, утверждения, в его словесном облике. Предмет «речи», разговора, диалога сам по себе софиста интересует уже мало – он может быть любым, не в нем дело. Дело в умении вскрыть в утверждениях собеседника парадокс, противоречие, поставить его в тупик, переспорить, вынудить его говорить прямо противоположное тому, что он говорил минуту назад. Но здесь, в этом искусстве были сделаны открытия некоторых тонкостей логического, риторического, языкового анализа. Все это вело в области теоретической философии к субъективному идеализму, абсолютному скептицизму, а философско-логический аспект рассмотрения мышления совершенно сливается с лингвистическим (место логики занимает риторика, грамматика, семантика, синтаксис), что в принципе равнозначно самоупряднению философии, так как категория объективной истины из этой сферы выпадает совсем. В области «практической этики» (практических поступков людей) деятельность софистов приводит к разрушению общества, так как все подчинено частному интересу, частной выгоде. Поэтому не теоретические недостатки принципов софистической философии наиболее опасны, а повсеместное практическое использование софистических логических и риторических уловок в повседневной жизни. Необходимо было превратить логику, диалектику из орудия разрушения, в орудие созидания, охраны и укрепления жизни людей. Эта задача была осуществлена благодаря в первую очередь философской деятельности Сократа, Платона, Аристотеля. Общеизвестно, что поводом для разработки логики явилась потребность найти адекватное, более мощное оружие по сравнению с тем, которым пользовались софисты – это справедливо и для Сократа, и для Платона, и для Аристотеля.

Логика Аристотеля как самое выдающееся достижение античности – это практическая попытка «*дать однозначный ответ и обязать сознание каждого следовать*» эффективным мыслительным приемам, гарантирующих достижения истины и результативной борьбы с ложью.

«*Категорический императив*» Канта. Как известно, сутью кантовского императива выступает требование «не относиться к другому человеку как к *средству* достижения каких-либо целей, а относится к нему как к *цели*, в том числе и своего собственного существования». Это требование носит всеобщий характер – оно призвано «*дать однозначный ответ и обязать сознание каждого следовать ему*». Известно, и как получилось именно такое требование «категорического императива». В традиции христианской религии сложилось так, что между простым, рядовым христианином и Богом находится церковь с ее служителями. На практике получается, что служители церкви от имени Бога направляют паству на путь истинный: одни люди «используют» других людей как *средство* для достижения, пускай и божественных, целей, *люди - это только средство*. К чему на практике приводит такое положение вещей? Религиозные войны, костры инквизиции и т. д. – а в итоге одни люди уничтожают других людей ради «высших целей и интересов». Точно так же общая установка новоевропейской культуры на «естественное право», «общественный договор», «гуманизм», «просвещение» и др. приводит на практике к тому, что часть людей (ученые, мыслители, литераторы, политики) используют другую часть людей как *средство* для осуществления естественных природных или социальных закономерностей, общечеловеческих ценностей. Результат – войны, революции, самоуничтожение людей. Самым ярким примером этому явилась Великая Французская Революция: возвышенные идеи, начертанные на знамени революции: «Свобода, Равенство, Братство» (улучшить условия существования людей), - привели к якобинской диктатуре, террору, гильотине, гражданской войне, самоуничтожению. Естественно напрашивается вывод: «пока на место *цели* не будет поставлен сам *человек, существование его как родового существа*, до тех пор и будет происходить самоуничтожение людей». Это четко понял и осознал И. Кант и выразил конкретное практическое решение этого в виде своего «категорического императива».

По мысли С.В. Пролеева, следует, что ни «теория идей» Платона, ни логика Аристотеля, ни этика Канта не имеют никакого отношения к *подлинной* философии. Думается, комментарии к этому излишни. Если примеры из трех центральных философских дисциплин (метафизики, логики, этики) у классиков европейской философии первой величины демонстрируют противоположное, то о какой тогда философии у Пролеева идет речь???... Или напрашивается другой вывод, что философ со своим *вопрошанием* - это либо ребенок, задающий по поводу и без повода разные вопросы, либо тот, кого в отечественной простонародной традиции называют «философом», - человек не от мира сего, отстраненный от реальной жизни, блаженный, дурачок и т. д. *Подлинная, совершенная философия*, как показывают ее *классические образцы*, *всегда* была в гуще насущных проблем своего времени и занималась в первую

очередь *практическим* решением их, и никогда не опускалась до «схоластических» построений и вопрошаний вообще, а следовательно не о чем (в *логике* «все», «вообще» равнозначно квантору «ничего», «ничто»).

Из этой позиции в целом на философию вытекает соответствующее и изложение истории философии и отдельных разделов философского знания. К сожалению, подобные явления в современной отечественной педагогической философской практике не единичны, а наоборот носят подавляющий характер, присутствуют даже у признанных авторитетов в этой сфере. Например, В.Ф. Асмус с 30-ых до 70-ых гг. XX в., писал, мягко говоря, такую нелепость в различных энциклопедических и справочных изданиях о *метафизике*, что и повторять то стыдно. Конечно, эти его представления не редко проявлялись в тексте его известной «Античной философии» и других произведениях связанных с преподаванием философии¹. У Богомолова А.С. в его «Античной философии» нередки трактовки в духе позитивизма или аналитической философии, хотя прежде, занимаясь англоязычной философией, он их

¹ Но это отрицание В.Ф. Асмусом метафизики вернулось к нему в виде отрицания части его творческого наследия, его логики. «Отношение старой профессуры философского факультета к математической логике лучше всего характеризует следующий эпизод. После окончания факультета я несколько лет работал внештатным редактором в журнале «Вопросы философии» и вел в этом журнале отдел логики. В 1971 году Николай Иванович Кондаков издал огромный фолиант – «Логический словарь», и в редакции решили, что рецензию на эту работу должен написать кто-то из крупных логиков. Выбор пал на Валентина Фердинандовича Асмуса. Было решено, чтобы я съездил к нему и сделал соответствующее предложение. Так я и поступил. Но Валентин Фердинандович отказался от этого предложения, заявив буквально следующее: «Знаете, молодой человек, я не являюсь специалистом в области логики. Современная логика – это математическая логика, а я ее не знаю». Вполне возможно, что подлинная причина отказа состояла в другом, но в этом ответе проявилось понимание Валентином Фердинандовичем сути современного состояния дел в логике» (Бочаров В.А. Как это было // Философский факультет Московского государственного университета им. М.Л. Ломоносова: Очерки истории. – М., 2002. – С. 77). Подлинным мотивом отказа Асмуса В.Ф. от рецензии была обида на логиков различных мастей за необоснованную, поверхностную критику его учебника «Логика». «Правовверные марксисты» упрекали Асмуса за отсутствие диалектики в учебнике, но на это можно было не обращать внимания, так как они били мимо цели – учебник был посвящен традиционной формальной (школьной) логике, или, как ее еще иногда называли по сравнению с диалектической логикой, «элементарной математикой», а саму диалектику соответственно «высшей математикой». А символисты (представители математической логики) заявили, что Валентин Фердинандович логики не знает совсем, имея в виду раздел математики. Символисты не осознают до сих пор, что только в результате насильственного уничтожения метафизики в советской философии «плоские и поверхностные завладели ареной философской логики и чванливо на ней расположились» в виде символической логики, а В.Ф. Асмус в свое время сильно приложил руку к уничтожению метафизики. Без творчества Валентина Фердинандовича еще не известно где бы были в отечественной культуре символисты со своей логикой (да и «правовверные марксисты-лененцы» со своей диалектической логикой, трактуя ее как *антиметафизику* – ни одна конкретно-историческая форма подлинной диалектики вне метафизики не существовала: не любая метафизика является диалектикой, но любая диалектика – это всегда метафизика), на какой свалке, помойки истории (диалектики как *антиметафизики* уже там оказались, следующие за ними в этом направлении... - не трудно уже догадаться кто). Трагедия Асмуса в истории не нова: «революция пожирает своих творцов», а у истоков «советской культурной революции» в философии и стоял Валентин Фердинандович. История все расставляет по своим местам. Асмус немало способствовал тому, чтобы выпустить злого джина «антиметафизику» на свободу отечественной культуры, после чего сам джин уничтожил своего «освободителя».

критиковал¹. И дело не в том, чтобы «отыскать черные пятна на солнце». У любого философского светила есть те или иные «пятна». Поэтому «опираясь в своей педагогической практике на любые авторитетные учебные литературные источники оказываешься в роли путника забредшего то ли в болото, то ли на минное поле, один неосторожный шаг - и ты либо утонешь, либо взорвешься». Вопрос лишь стоит только о том, на каком «болоте», на каком «минном поле» *почетней профессионально* погибнуть?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно перевести его в несколько иную плоскость. Так как «болото» и «минное поле» - это творчество того или иного философа, то выбор во многом зависит от личности самого философа, автора этих творений. В теории аргументации, безусловно, «аргумент к личности» считается ошибкой, уловкой вроде «да он лысый, или горбатый, или рыжий, поэтому что умного, стоящего можно от него услышать». Есть некоторые характеристики личности, которые напрямую влияют на степень совершенства результатов деятельности (например, если человек не имеет специального медицинского образования, допустить его к проведению хирургической операции – это преступление по отношению к оперируемому). Вопрос поставим так: «Чей философский «горб», «лысина» лучше и почему (необходимо вычленить некоторые объективные основания этого)?». Чьи взгляды на философию и ее преподавание совершеннее - философов столетней давности или современных философов - и почему?

В первую очередь, как отмечалось выше, современная культура намного отстает от прежней, классической европейской культуры в отношении общеобразовательной, общекультурной составляющей (давно многие исследователи отмечают, что в нашей советской и современной российской

¹ Такие противоречия («историческая антиисторичность», «то, что критикую, то и проповедую») в философском творчестве *советских* философов А.Л. Никифоров, например, объясняет так: «По-видимому, читатель обратил внимание на то, что выражение «философия науки» В.А. Лекторский берет в кавычки. Увы, отношение к философии науки у советских философов было двусмысленным: было неясно, куда ее зачислять. С одной стороны, анализ научного знания и научных методов как будто бы философски нейтральное занятие. С другой стороны, западные философы науки, как правило, не были марксистами, следовательно, придерживались «реакционных» философских воззрений, и их следовало критиковать. Когда я писал статью «Философия науки» в «Философский энциклопедический словарь» (М., 1983), мне пришлось обозначать ее «течением в современной буржуазной философии», хотя это, конечно, нонсенс. Тем не менее, прикрываясь кавычками или ярлыками подобного рода, мы все-таки могли заниматься проблемами философии науки и знакомить с ними советского читателя» (Никифоров А.Л. Философия науки: История и методология (учебное пособие). – М., 1998. - С. 12). Вследствие подобного рода манипуляций происходило не только знакомство читателей с *немарксистскими* философскими позициями, но и обратное – под «марксистской» философией у нас в СССР было все что угодно, но не марксизм: **постоянно говорилось и писалось одно, а понималось совершенно другое, не редко совершенно противоположное и противоречащее**. И как результат такой коллективной философской деятельности все регулятивные ориентиры в философском творчестве были перевернуты с ног на голову: то, что является подлинно ценным в философии, стали беспощадно третировать, а все пошлое и вульгарное в философии стали возвышать и прославлять до неприличия. Это обстоятельство и является основанием для повсеместного *философского нигилизма в современной российской культуре* как в среде профессиональных философов, так и среди простых обывателей, пускай и с академическими званиями. Права народная мудрость: **«Философская рыба гниет с головы профессиональных философов»**.

культуре подлинная образованность заменяется «поголовной элементарной грамотностью»). Раньше классическое европейское образование предполагало обязательное знание древнегреческого, латыни, нескольких живых иностранных языков, в том числе в России немецкого языка. Большинство выпускников классической европейской системы образования самостоятельно могли читать в подлинниках образцы классической философской литературы. Сегодняшние выпускники, как правило, этого уже сделать не могут. А, как уже отмечалась не раз, для философии ее история имеет первостепенное значение: можно быть историком философии, но не быть выдающимся философом, но выдающимся философом никогда нельзя стать из не «историка философии», без профессионального владения историей философии.

Современный философ, прошедший обычную «профессиональную» подготовку в отечественной системе образования является фактически «сапожником без сапог», не знающим метафизики (первой философии). Но, как правило, получает настолько поверхностное и вульгарное представление о **философской технике**, Логике (обычно это представление почерпнуто из курсов символической «логики»), что это становится в подлинном смысле «антилогической культурой», «антигуманитарной культурой». Приходится еще и еще раз повторять: без **метафизики**, *умозрительной* науки, следовательно, и настоящей Логики Философия – не философия¹. И это выражение не чьих-то личных или групповых (узкопартийных) представлений о философии. История классической европейской традиции философии от элейской школы античности до начала XX в. является тому объективным свидетельством. Современные же философы *фактически* «руководствуются» в своей деятельности принципом: «Один я иду в ногу, а весь философский строй на протяжении двух с половиной тысячелетий шел не в ногу»². Поэтому

¹ В предисловии и введении к «Большой логике», обсуждая полное изменение в характере философского мышления, Гегель дает следующую характеристику метафизике. Он отмечает, что кантовская философия отказала метафизике (теоретическому разуму) в статусе науки. Содействовали этому популярному учению и выступления новейшей педагогики; для преуспевания теоретическое понимание вредно, существенным является упражнение и практическое образование. Исчезновение интереса к содержанию и форме прежней метафизики привело к тому, что в результате этого, казалось, возникло странное зрелище – «образованный народ без разума, нечто вроде украшенного храма, но без святыни». Но прежняя метафизика имела более возвышенное понятие о мышлении, чем расхожие идеи новейшего времени. Она исходила из того, что истинное в предметах – это то, что познается, предметы возведенные в форму мышления, предметы как мыслимые. Мышление в своих имманентных определениях и истинная природа вещей составляют одно содержание. Логика поэтому составляет собственно метафизику или спекулятивную философию – науку о вещах, постигаемых в мыслях, за которыми признается, что они выражают существенное в вещах.

² Вот один из образчиков подобной «логики» рассуждения. «Под философской логикой обычно понимается либо модальная логика, либо общая теория выводимости, значения, истины и т. д. Второе понимание представляется более широким, чем первое. В работе предлагается еще более широкая трактовка философской логики: она рассматривается как общая семантика различных логических исчислений, зачастую имеющая неформальный вид. С этих позиций философская логика представляет собой общее направление логических исследований, ориентированных, во-первых, на прояснение семантических оснований формально-логических теорий, во-вторых, на использование этих теорий для экспликации мировоззренческих понятий и анализа некоторых философских тем. Можно даже сказать, что зачастую на ее базе выстраивались целые философские системы (например, на основе специально разработанного исчисления имен была построена всеобъемлющая система

естественен вопрос: «А в какой степени современные «философы» являются философами, если они не следуют классической традиции?»...

Кроме того, существенно изменилась профессиональная деятельность современных философов после получения соответствующего образования, которая устанавливает жесткие границы для философского творчества. Прежде *профессиональный философ* – преподаватель философского

Гегеля). Традиционная логика как исторически первая форма логического знания предполагала чисто содержательные системы философской логики, с позиции которых и обосновывались первые формальные теории. В настоящее время господствующая позиция стала занимать другая форма логического знания, представленная математической логикой, т. е. таким направлением формально-логических исследований, в рамках которых эксплицируются дедуктивные, модельные и др. свойства математических теорий. В результате философская логика стала активно математизироваться. Тем не менее ее содержательный (метатеоретический) потенциал не утратил свою актуальность. Многие методы математической логики экстраполируются сейчас на область философской проблематики, возникли целые традиции аналитической философии – философии, имеющей своим предметом изучение возможностей подобной экстраполяции» (Шуман А.Н. Философская логика: Истоки и эволюция. – Минск, 2001 – С. 5-6). И «Ключевая особенность философской логики заключается в том, что ее теория определяется не столько своей метатеоретической частью, сколько формальной. Так, основной критерий периодизации ее истории сводится к различению типа основополагающего исчисления. По этому основанию история философской логики распадается на два больших периода. Первый период составляет становление традиционной логики. В это время единственным типом формальной теории являлось исчисление имен. Начало второму периоду положило бурное развитие математической логики. В качестве формальной теории философской логики стали использовать уже современные логические исчисления, как правило, это теории первого порядка или их расширения. Именно отличие формальных теорий философской логики обуславливает отличие соответствующих метатеорий... Отсюда проистекает та критика «метафизики» и «метафизической логики», с которой обрушились современные философы на предшествующую традицию» (Там же. - С. 345-346).

Какая жалость, что все философы и логики на протяжении двух с половиной тысяч лет до появления аналитической философии и их логических новаций в XX в. не знали простой вещи, что они, оказывается, занимались единственным типом логики в виде «*семантики исчисления имен*»: бедный Аристотель, бедный Декарт, бедный Кант, бедный Гегель и т. д. Но им все-таки повезло, так как они уже никогда не узнают того, что потомки так по достоинству, скромно, с большим тактом и чувством оценят их вклад в развитие *Логики* и *Философии*: «За две с половиной тысячи лет всего лишь такие скромные результаты у Вас. Вот аналитическая философия за пару-тройку десятков лет создала «**Такое**»!!! - и без всякой метафизики». Только непонятно почему господин А.Н. Шуман все время оперирует «семантическими» конструкциями типа «философская логика», «метафизическая логика», «традиционная логика», «математическая логика», «символическая логика», где все время к «логике» цепляется какой-то дополнительный предикат (признак), что по логическим нормам неизбежно сужает объем этих понятий (то же делает он и с «философией»). В итоге без специального рассмотрения того, что из себя представляет *Логика* вообще, *Философия* вообще непонятно, как с ними и между собой субординируют и координируют все эти «семантические» конструкции с дополнительными предикатами. Это те же попытки установить, как между собой соотносятся «хлеб» и «сало» как *пища* без рассмотрения того, что из себя представляет *пища вообще* и какие бывают *разновидности пищи*. Поэтому у А.Н. Шумана фактически выходит, что «хлеб - это пища» и «пища – это хлеб», а далее все пищевые продукты является разновидностью «хлеба»: «аналитическая философия – это философия» и «философия – это аналитическая философия», поэтому все другие философии находятся ниже ее в теоретической субординации; «символическая логика – эта логика» и «логика – это символическая логика», следовательно, и все другие логики также находятся ниже ее. Да, такой «логике» и «философии» господина А.Н. Шумана должны завидовать все прежние философы и логики и почитать его как самого лучшего знатока их. В быту это называется «для мышки, страшнее кошки зверя нет»: «для философии, страшнее аналитической философии зверя нет» и «для логики, страшнее символической логики зверя нет». Только *исторически* этот «зверь» напоминает «Мосьюку», которая, как известно, лает на «Слона», но «Собаки лают, а караван все-таки идет».

(общеобразовательного) факультета классического европейского университета - вынужден был преподавать все общеобразовательные дисциплины, в том числе и *все* философские дисциплины, следовательно, владеть обширнейшим, многосторонним материалом, обладать «многознанием». Поэтому философское творчество протекало по принципу «через всю культуру и всю философию - к новым философским горизонтам». Теперь преподаватель философии российского вуза преподают лишь небольшую часть философии и совсем не преподают других общеобразовательных дисциплин, а являясь сотрудником научного института (например, Института философии или Института человека РАН), длительное время специализируется на очень малом секторе философии и даже вне ее. Философское творчество протекает по принципу «только от *незначительной части* философии к философии вообще», и, как правило, это творчество не шаг вперед в развитии философии, а «троянский конь» особенно если «философ» всю свою профессиональную жизнь занимался «диаматом». Идя от частного, получаешь только частное суждение. Это равносильно *не истинному знанию*, а всего лишь *суетному, субъективному мнению*. Отличие прошлого философской деятельности от современного ее состояния в формально-логическом плане. Раньше выводы в философии делались по схеме *полной индукции*, которая является фактически обратной дедукцией, и, следовательно, заключения всегда обладают логической *всеобщностью* и *необходимостью*. Сегодня – исключительно по схеме *неполной индукции*, а порой и по схеме *популярной индукции*, скатываясь нередко даже к *аналогии*, когда осуществляется переход от нефилософских предметов к философии. Известно, что эти формы рассуждения в своих следствиях обладают только *предположительным* характером, а следовательно, не обладают всеобщим и необходимым статусом.

О степени профессионального совершенства современных философов говорит следующий факт. В свое время была актуальна задача перевести «оставленную Марксом философию политэкономии в чистую философию» («если Магх не оставил «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* "Капитала"»). Этого сделать так и не удалось, хотя этим занимались как отдельные философы, так и целые институты. За всю историю советской культуры так и не было написано *учебное пособие* или *учебник* по марксистской философии, хотя вся философия в этот период называлась «марксистской». Все, что было создано для учебных целей, – вульгарное, варварское цитирование классиков марксизма, внешне «соответствующее *слову*, но совершенно не соответствующее *духу* марксизма». Более того, представители современной логики (читай «символической логики») даже силлогистику Аристотеля аутентично интерпретировать не могут...

Взгляды на философию и ее преподавание у философов сто-, двухсотлетней давности *совершеннее*, чем у современных философов. В современной преподавательской деятельности, безусловно, следует ориентироваться на классические образцы преподавания философии и соответствующую литературу, но с учетом одного недостатка – неадаптированности как по времени (разница 100-200 лет), так и по языковому

и культурному контексту. И здесь, чтобы суметь приблизить к студентам этот материал, необходимо определенное самостоятельное творчество преподавателя, но *очень деликатное*. Использовать труды современных авторов необходимо с определенной долей осмотрительности, осторожности: несмотря на адаптированность материала, такая литература часто *противоречит* классической философской традиции, нередко становясь *антифилософией*.

Для студентов¹. Как показывает педагогический опыт, определяющими для этих рекомендаций являются два взаимосвязанных аспекта: роль студента в учебном процессе, о которой у обучающихся имеется иллюзорное представление и некоторые негативные тенденции в целом в современной российской образовательной *традиции*. Остановимся на этом подробнее.

В основе современной европейской системы образования лежат принципы, выработанные в новоевропейский период и связанные с идеями просвещения: «отказ от внешних авторитетов и стремлением руководствоваться в повседневной деятельности собственным разумом, необходимость самостоятельно мыслить». Неправильно воспринятые в нашей современной российской педагогической практике эти идеи часто дают отрицательные результаты.

Приглашение к творчеству, самоутверждению, личной инициативе нередко сбивают с толку приступающих к изучению различных дисциплин, а не помогают более эффективно освоить новый предмет. Вообще призывы к творчеству, самоутверждению, личной инициативе на уровне образования при освоении нового знания недопустимы. Основная задача образования - давать новое знание, а не закреплять невежество учеников при их попытках проявить творчество в неизвестном им предмете (незнание как раз и есть невежество). Если допустить такое же творчество учеников в ремесле и производстве, то, кроме испорченных изделий, ничего не получится. Образование и научное познание в европейской традиции культуры давно стало производством. Поэтому говорить о творчестве возможно только при свободном и при полном владении материалом, чего среднее и по большей части высшее образование не дает. Учащиеся получают только общее образование. Неслучайно на заре становления европейской традиции образования в пифагорейской школе ученикам было запрещено высказываться - «обет молчания», *отказ от собственных невежественных мыслей-мнений*. Правда, этот запрет был связан не только с преодолением невежества учеников, но и с требованием не разглашения полученного знания не посвященным, не ученикам пифагорейской школы.

Подлинный смысл просвещения – не *самостоятельно мыслить*, а научиться *правильно* самостоятельно мыслить, поступать *разумно*. Первостепенными являются правильность, истинность, разумность, а не самость, которая может превращаться, как постоянно демонстрирует

¹ Разделение методических рекомендаций для преподавателей и для студентов довольно условно, так как они связаны единым образовательным процессом. Но вытекающие практические шаги из этих методических оснований ни один студент за преподавателя не в состоянии сделать, точно так же и преподаватель не сделает того, что в образовательном процессе надлежит студенту.

человеческая история, в произвол, анархию, в неоправданные амбиции, не считающиеся ни с чем в своей реализации. Да, разумность без самости невозможна: подлинная наивысшая степень разумности - это всегда осознанная самостоятельность, реализующаяся через активную самодеятельность *личности*. Но, самость – это необходимая, но еще недостаточная предпосылка для *мышления*. Новоевропейские просветители это прекрасно осознавали, в отличие от части современных отечественных преподавателей. Мышление - это в первую очередь, **самодисциплина** в процессе интеллектуальной деятельности, а только затем *творчество* и *самовыражение*. Без дисциплины творить, создавать что-либо новое невозможно: дисциплина – *основа* творчества, а не самость в ее абстрактной единичности. И неслучайно термин «дисциплина»¹ означает, и «следование установленным правилам, положениям, принципам – нормированное поведение», и «предмет, область изучения - науку»².

За советский период в системе среднего образования по разным причинам в сознании учащихся сложился стереотип подачи учебного материала в виде сжатых, лаконичных сведений по отдельным темам, наподобие того, как это преподносится в справочных, энциклопедических изданиях. А под влиянием гипертрофированно раздутых математических и естественнонаучных дисциплин в советской и постсоветской школе по сравнению с классической европейской системой среднего образования, общая схема изложения учебного материала, в том числе и по большинству гуманитарных дисциплин, строится в виде простого, краткого изложения темы, часто в виде некоторой алгебраической формулы или визуальных схем, и пояснения того, что понимается под элементами в них входящими. В данном случае «простота хуже воровства». При сверхсжатом, лаконичном изложении возможно дать лишь самое поверхностное предварительное определение

¹ «Средневековая наука не знает членения на «дисциплины». Само слово *disciplina* в средние века обозначает определенные свойства поведения ученика, которые и позволяют ему овладеть знанием, или особые умственные способности и силы, требующиеся для изучения философии (см.: Stichweh R., 1993)» (Сокулер З.С. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб., 2001. - С. 19).

² Горе-педагоги «гуманисты», проповедующие творческое отношение учащихся к образованию, подобны «ангелам», спустившихся неизвестно с каких небес на «грешную» землю и считающие, что они по-прежнему могут вести себя как на небесах. Оглянитесь вокруг, на реальной земле все иначе! Возьмите хотя бы те виды деятельности, где основная цель - достичь результаты выше средних, а часто и выдающиеся. Каким способом, средством это достигается? В сфере всех видов художественного искусства многочасовая ежедневная на протяжении нескольких лет работа, труд по оттачиванию элементарной базовой техники, то, что обычно называется «школой»: бесконечные повторения гамм, изнурительная работа у танцевального станка, многочисленные сценические миниатюры и зарисовки, горы рисунков и эскизов... А подготовка спортсменов?... Высокие результаты – беспощадная муштра до изнеможения, пока не удастся с непринужденной легкостью выполнить казалось бы не мыслимый с обычной точки зрения технический прием... Весь этот горе-«гуманизм» *развращает* молодых людей, консервируя в них невежество и воспитывая неоправданно завышенное самомнение и необоснованно широкие претензии на практическую самореализацию в культуре, порождает иллюзорную уверенность в том, что «только пришел, увидел и сразу же победил». Только, на практике эти «победы» почему-то оборачиваются поражением в целом прежней культуры и цивилизации, разрушая выдающиеся достижения наших предков... «Что делают эти канадские «профессионалы»?!!?... Такой хоккей *нам* не нужен» (Н. Озеров) По другому на это и не отреагируешь.

интересующего предмета, а указать на то как оно получилось и какие альтернативные подходы предлагались, места уже не хватит. Наша система среднего образования готовит в лучшем случае эрудитов с ненужной массой многообразного знания, никак не связанного между собой, способных, наверное, только на разгадывание различных кроссвордов в бульварной прессе и просмотр подобных же телевизионных передач. Общим принципом *реального* функционирования нашей школы стало «экономия и скудость мышления», что закрепилось как перечнем дисциплин, обязательных для преподавания, так и методиками, способами подачи содержания этих дисциплин.

Поэтому современное отечественное образование по большей части фрагментарно и определяется субъективным подходом авторов учебной литературы и преподавателей. Но не эта фрагментарность и субъективность непосредственно страшна для учащихся: на уровне всего среднего общего и части высшего образования говорить о подлинной полноте знаний не приходится. Удручающе отношение молодых людей, после восприятия предложенного таким образом материала, к процессу учебы и накопленному человечеством знанию, которое часто выступает личным *препятствием* студентов в эффективном и качественном освоении учебных курсов в Вузе. Фрагментарность порождает несерьезное, легкомысленное, часто снобистское отношение к достижениям наших предков. У студентов нет желания глубоко вникать в истины, открытые тысячу или сто лет назад, потому что они все равно устарели и не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Это создает иллюзию легкости процесса учебы. Приходится повторять и повторять истину: «Учеба - самый *тяжкий* труд».

Получение *нового знание* всегда требует усилий, ведь это, может быть, не согласуется с прежними знаниями учащегося. Значит, приобретая новое, отказываешься от старого, близкого и родного, а это очень тяжело и даже иногда непреодолимо. Данное препятствие носит внутренний, психологический характер, и поэтому без самодисциплины и самоконтроля его не преодолеть: «без дисциплины, в первую очередь внутренней самодисциплины, нет образования». В культуре найден давно рецепт, как с этим справиться: «Можно вообще сказать, что это обязанность воздерживаться от болтовни представляет собою существенное условие всякого образования и учения; нужно начать с того, чтобы уметь понимать мысли других и отказываться от собственных представлений. Обыкновенно говорят, что ум развивается посредством вопросов, возражений, ответов и т. д. Но на самом деле он посредством этого не развивается, а только получает внешний лоск. Внутреннее же в человеке приобретается и расширяется посредством культуры; тем, что он молча воздерживается от суждения, он не становится беднее мыслями и не теряет в живости ума. Наоборот, он скорее научается благодаря этому понимать других и начинает догадываться, что *взбредшие ему в голову мысли и возражения* никуда не годятся, и благодаря тому, что он все более и более понимает, что

такие мысли никуда не годятся, он отучается иметь такие неудачные мысли»¹. И здесь история изучаемого предмета, того, что создали классики, - его основное средство в преодолении поспешных, неверных мыслей.

Другая, не менее серьезная трудность, состоит в том, что знания не только *приобретают*, включают в свой внутренний мир представлений. Нужно формировать *умение* правильно пользоваться этим знанием в практических ситуациях и жизни вообще. Для этого необходимо *знать* о «знании» границы, пределы его отношений с действительностью, которую оно выражает и то, что за этой границей, сколько бы ни использовалось это знание, результатов не будет. Нужно *знать* как то, что «знаешь», так и то, что «не знаешь» (интерпретация известного высказывания Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю. А другие и этого не знают»). Разрешение этой трудности в образовательном процессе полностью ложится на плечи преподавателя как специалиста по данному предмету. Его задача показать границы пределы предлагаемого им для усвоения учениками знания. Несоблюдение этого общего дидактического требования, возникшего еще в античности (например, у Сократа), дискредитирует образование, уничтожает его рациональную эффективность. Часто преподаватели из дидактических целей завышают степень практической значимости своего предмета с целью усилить внимание к нему обучающихся, а более всего для того, чтобы «перетянуть на себя общее одеяло человеческой культуры» и иметь с этого определенные дивиденды².

Самым большим препятствием на пути получения образования является сам обучающийся: его лень, завышенное самомнение, неверное представление о процессе образования, неадекватность восприятия предлагаемого знания. От этого идет, как показывает педагогический опыт, устойчивое сознательное нежелание изучать то, что предусмотрено учебной программой под видом «оправданий» – «это неинтересно», «бесполезно», «не нужно для будущей моей специальности», «я с этим не согласен, я считаю по-другому» и т.д. И как следствие этого - прекращение регулярных занятий по данному предмету, что

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб., 1993. - С. 226. Это суждение Гегеля по поводу запрета для учеников на самостоятельные высказывания в пифагорейской школе.

² Это обстоятельство связано с тем, что когда истинное знание начинает выступать средством для зарабатывания денег, материальных благ, как было понято еще в античности (а для подавляющего большинства сегодняшних преподавателей их деятельность, это единственный источник получения средств к существованию), то *истина*, *достоверность* становятся своей противоположностью. Но прежде это было не так опасно, поскольку преподаватель в классической европейской традиции никогда не был слишком узким профессионалом, а, напротив, обладал значительной широтой знания, владел различными дисциплинами на достаточно высоком уровне. Поэтому преподавательская деятельность была относительно устойчива и не знала кардинальных изменений в ходе исторического развития культуры. Современные преподаватели – слишком узкие специалисты, и поэтому любая внешняя трансформация в культуре, новые ее веяния сразу же отрицательно сказывается как на преподаваемой дисциплине, так и на деятельности самого преподавателя. Поэтому сегодняшнее преподавание во многом нестабильно, узкий профессионализм оборачивается «профессиональным кретинизмом», дискредитируя эту деятельность в целом. Подлинное знание – это всегда многознание, многопредметность, многоборье (в терминах спорта). Как ни покажется парадоксальным, подлинный профессионализм формируется через всеобщее умение увидеть конкретно-единичное событие. При исключительно узкой специализации нет возможности выйти на *всеобщее* и *необходимое*, которое и является предметом истинного, достоверного познания.

ведет к разрушению формально-организационных оснований учебного процесса.

Перефразируя афоризм из кинофильма «Место встречи изменить нельзя» - «Вор должен сидеть в тюрьме» применительно к системе образования, получаем: «Учащийся должен сидеть за партой и учиться, учиться, и учиться». Это требование для студента не внешнее предписание, а добровольное принятие на себя обязанности добросовестно учиться. Ваше (студентов) знание или незнание преподаваемого предмета – это ваша личная проблема, преподаватель же обязан квалифицированно изложить материал и оценить, как его усвоили вы, в виде зачета, незачета, или какой-либо оценки. Все ваши личные проблемы, вроде «Я с этим не согласен», «Я считаю по-другому», никого не интересуют. Современное образование – это «конвейер» по производству специалистов определенного профиля. Если по каким-либо причинам один или несколько нерадивых студентов не справляются с учебной программой, никто не будет останавливать из-за них размеренное движение «конвейера», а тем более подстраивать под них систему образования.

Поэтому основная рекомендация, категорическое требование во все времена образования, во всех культурах – соблюдение, выполнение *формально-организационных предписаний* учебного процесса, а по-другому - **дисциплина**, **дисциплина** и еще раз **дисциплина**. Это и есть самое сложное в учебе. Несоблюдение этого автоматически приводит к невосприятию *содержания* изучаемого предмета, дисциплины, науки. Только *от дисциплины* (нормированного поведения) *можно идти к содержанию в обучении*, обратное («от содержания ко всему остальному в обучении») - фикция, профанация, иллюзия, смерть образования.

4. Учебно-методические основания восприятия лекционного курса, подготовки к семинарским занятиям и успешной сдаче экзамена по философии

Сначала, четко сформулируем цель, основную задачу нашего курса «Философия», которая и определяет *все* учебно-методические основания и рекомендации.

Цель общеобразовательного курса «Философия» - *получить обоснованное представление о классической европейской традиции философии.* Это представление о философии должно быть **обосновано** эмпирическим материалом истории философии: не на *веру* принять то или иное определение философии, а через *знание* истории философии. Получить представление не о философии вообще, а исключительно о **классической** философии, той философской традиции (от элейской школы до классической немецкой философии включительно), которая является сердцевинной европейской цивилизации, культуры, без чего говорить о подлинной цивилизации абсурдно, в том числе и о какой-либо философии вообще. **Задача** студентов ознакомиться с «философской *школой*», или «*школьной* философией», без чего не может быть философской культуры, а значит - подлинного человеческого *образования*.

Но, как показывает педагогический опыт преподавания философии, простое обозначение некоторыми историческими ориентирами того участка философского поля, где находится интересующая нас традиция философии, недостаточно. В этих временных границах содержится одновременно и неклассическая по содержанию философия. А вне этого исторического пространства могут быть некоторые образцы классической традиции. Это точно так же, как в некотором лесу, найдя грибное место, необходимо узнать еще признаки, по которым можно отличить съедобные грибы от мухоморов и поганок, дабы не отравиться в дальнейшем этими находками. Поэтому укажем общие признаки, пока как *рабочую гипотезу*, отличающие классическую философию от «философских поганок и мухоморов» (главное для Вас не отравиться философией). В ходе дальнейшего нашего курса эти общие признаки (рабочая гипотеза) будут проверены на истинность эмпирическим конкретно-историческим материалом философии. Если это удастся, то можно считать, что задача нашего курса персонально Вами успешно выполнена. Если же гипотеза оказалась ложной, значит, Вы плохо занимались или съели одну из «философских поганок» или «философский мухомор», а в этих случаях «медицина бессильна». Вас предупреждали всякую *гадость* не подбирать и не питаться ей, мало ли что она красиво и привлекательно выглядит внешне – «не все то золото, что блестит», «встречают по одежке, а провожают по уму», только бы «по этой одежке не протянуть бы ножки».

Рабочая гипотеза, которую предстоит подтвердить *конкретно-историческим материалом*, определяет следующие признаки «**классической философии**»: 1) это традиция *объективного идеализма* в европейской

философии «от Платона до Гегеля»¹; 2) Философия – это «мышление о мышлении» (Гегель), где первое «мышление» как *умозрение* является единственным адекватным средством для исследования, изучения основного предмета философии, «*мышления*» (второй термин), его сущности; 3) философия без *Метафизики и Логики*², сознательно *систематически* развернутых и обоснованных – это не Философия.

Лекционный курс. Основой любой дисциплины в процессе преподавания выступает лекционный курс, что предъявляет ему определенные требования, выполнение которых гарантирует успешное усвоение преподаваемой дисциплины обучающимися, при условии того, что последние пришли *учиться*, приобретать ранее неизвестное им знание, а не «протирать штаны» в учебных аудиториях и не закреплять свое невежество через свои неоправданные амбиции и иллюзии в отношении образования. Лекционный курс – это скелет, каркас преподаваемой дисциплины. Если он «кривой», «косой» на один бок, в общем «убогий», то кроме вреда ничего принести не может. Поэтому лекционному курсу, как никакой другой организационной форме обучения, необходима *систематичность, четкая структурированность и целостность* материала. Соблюдение этого условия в преподавании философии особенно важно, поскольку воспринимать ее обучающимся труднее, чем любую другую дисциплину.

Это связано с тем, как отмечалось ранее, философия существует более двух с половиной тысячелетий, старей ее только мифология и в европейской традиции философии в плоть до середины XIX в. находились почти все ныне самостоятельные науки, что делало в европейской культуре философию фундаментом, базой образования. Поэтому самая важная *проблема-противоречие*, с которой необходимо справиться в общеобразовательном университетском учебном курсе философии, – это учет всего огромнейшего фактического материала, имеющегося в арсенале философии, и при этом строго ограниченное время, выделяемое на преподавание этого курса, за которое возможно познакомиться только с ограниченным философским содержанием. И предложенное ранее ограничение нашего курса историей метафизики не

¹ Само деление всей философии на «линию идеализма» и «линию материализма», как уже отмечалось ранее, неадекватно осуществляет водораздел между подлинно классической философией и ее суррогатами. Подлинная классика европейской философии – это «линия тотальности», а ее суррогат – «линия индивидуальности». Все основные достижения европейской традиции философии получены в «линии тотальности», самое выдающееся достижение европейской цивилизации, порожденное ею, – **Христианская религия**.

² Что касается третьей базовой философской дисциплины, Этики, от которой берут начало *все* социально-гуманитарные дисциплины, то в *классической* европейской традиции философии она всегда была производной от метафизики и логики. У родоначальника классической этики, Сократа (до него в философии исторически уже сложились Физика (центральным в ней будет то, что потом отойдет к Метафизике) и Логика), все подчиняется *знанию*: «сначала, необходимо знать *поистине* (это и есть предмет метафизики-логики), «что такое хорошо» и «что такое плохо», а затем, в соответствии с этим знанием *поступать* (это уже собственно предмет этики)». Другой пример И. Канта. По времени, а значит, и теоретически, «Критика практического разума» (Этика Канта) следует за «Критикой чистого разума» (его *Метафизикой-Логикой*). Известно, что Кант подчеркивал: «Основная теоретическая трудность разработки критической философии была связана исключительно с 'Критикой чистого разума', а не 'Критикой практического разума'».

является решением этой проблемы. Для изложения истории самой метафизики эта *проблема-противоречие* тоже присутствует в учебном процессе.

Не останавливаясь подробно на теоретических основах решения этой *проблемы-противоречия*, как совершеннейшим способом при *формальной* фрагментарности избежать фрагментарности *содержательной* в отношении изложения классической европейской традиции философии в учебном процессе, приведем лишь некоторые примеры их практической реализации в истории преподавания самой философии. Начнем с самого уродливого варианта преподавания истории философии, следовать которому в педагогической практике категорически нельзя, но знать который нужно, чтобы не поступать так же. Название такого метода изложения материала - «*очерковость*». Лекции представляют собой отдельные очерки о тех или иных философах, философских идеях, которые в отдельности сами по себе самодостаточны. Это ситуация когда *форма* учебного процесса, в виде очередности сменяющих одну за другой лекций по философии, довлеет над *содержанием* преподаваемой дисциплины *в целом*. Та же ошибка возникает при нечаянном или сознательном подчинении трем современным порокам философии: скептицизму, материализму-идеализму, позитивизму (в последнее время стала распространяться как модная зараза увлечение «философией постмодерна», в том числе и в педагогической практике – но «хрен редьки не слаще»). Самый яркий пример такого изложения истории философии - книга очень известного английского философа Б. Рассела «История западной философии»¹: когда «за деревьями леса невидно», и это не случайный результат, а целенаправленная акция завести в такие философские дебри и гущи из которых самостоятельного выхода нет.

Другой, противоположный подход, который наиболее адекватен *лекционному* (только лекционному) курсу философии, можно назвать «*схематизационным подходом*» (более традиционное название – «*метафизическая история философии*»). Изложение идет от целого, что противоположно «*эмпирической истории философии*», изложение которой идет от «*частного*»². Из реального непрерывного процесса философского развития

¹ Случайностью оказалось то, что в личной библиотеке автора данной программы имеется только экземпляр названной книги выпущенной в издательстве «МИФ». Это, наверное, совсем неслучайно в отношении подлинного содержания данной работы Б. Рассела.

² Сегодня среди философов доминирует расхожее *мнение*, что «эмпирическая история философии» исторически (во временном плане), а значит, и «теоретически» (в содержательно-повествовательном плане), предшествует «метафизической истории философии». Но это всего лишь *самое распространенное* мнение, не перестающее быть при своей массовости только *мнением*, а значит, *неистинным знанием*. Критика подобного «*мнения*» широко представлена в истории философии. Еще Сократ доказал неверность «разрыва» логического круга «части и целого» при переходе индуктивного обобщения от части к целому («*проблема определения*»). Сократовская «*проблема определения*» состоит в том, что при сопоставлении сущности класса предметов с самими единичными предметами, сущность не сводима к ним, а откуда она в познавательном процессе берется, Сократу не совсем ясно. Обычно считается, что понятие о предмете, например «прекрасное вообще», получается путем индукции (перехода от частного к общему). Например, есть «конкретная прекрасная женщина», есть «конкретная прекрасная статуя», есть «конкретное прекрасное атлетическое соревнование» и т. д. – отбрасываем все второстепенное, оставляем общее для них и получаем понятие «прекрасного вообще». Но прежде чем выделить эти предметы из других

предметов как «прекрасные...» необходимо уже иметь представление о «прекрасном вообще», иначе эти предметы по данному признаку мы не выделим (см. об этом в диалогах «Гиппий Большой» и «Федон» Платона). Получается логический круг: «для знания о конкретных предметах необходимо знать о предмете вообще (о существенном его признаке) и наоборот - ...». Это подобно известному житейскому вопросу: «Что было раньше – курица или яйцо?». То же самое повторил Гегель, который в отличие от Сократа знает, откуда берутся «определения понятий» (выше приводилось его высказывание): «Чтобы обосновать историческим материалом философии ее предмет, необходимо иметь представление о предмете философии как *основании* для привлечения исторического содержания философии (нечто является основанием того, что должно быть основанием этого исходного нечто)».

Сама эта проблема более выпукло была представлена Беркли, когда он доказал, что «первичные и вторичные качества» Локка на самом деле лишь «вторичные качества». Поскольку предмет в процессе его осознания преломляется сквозь призму восприятия и рассудка, постольку мы знаем любой предмет лишь в том виде, какой он приобрел в результате такого преломления. Вещь, какую она дана в сознании, нельзя сравнить с вещью вне сознания, ибо невозможно сравнить то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет; нельзя сопоставлять то, что я знаю, с тем, чего я не знаю, не вижу, не воспринимаю, не осознаю. Прежде чем я смогу сравнить свое представление о вещи с вещью, я должен эту вещь также осознать, т. е. также превратить в представление. В итоге я всегда сравниваю и сопоставляю лишь представление с представлением, хотя и думаю, что сравниваю представление с вещью (по Ильенкову Э.В.).

Поэтому тот, кто «эмпирическое» ставит выше и важнее «метафизического» в истории философии, «сравним с больным, которому врач советует есть фрукты; и вот ему предлагают сливы, вишни или виноград, а он, одержимый рассудочным педантизмом, отказывается от них, потому что ни один из этих плодов не есть фрукт вообще, а один есть вишня, другой – слива, третий – виноград» (Гегель). В нашем случае «при попытке изучения *философии* предлагаются произведения, мысли Платона, Аристотеля, Канта и др., а мы отказываемся от них, потому что ни одно из этого не есть философия вообще...». И как *прямое* следствие из этого – «сколько философов, столько и различных представлений о философии». А далее, следовательно, «как хочу, так и ворочу» в изложении истории философии.

Из положения о том, «что в истории развития философии нет *всеобщей* закономерной связи», - а к ней рано или поздно скатывается любой, кто пренебрежительно-нигилистически относиться к «метафизической истории философии», - вытекают многочисленные противоречия в эмпирических конкретно-исторических фактах. Так, стремясь в погоне за «эмпирической историей философии», отмахиваясь от *умозрений* «метафизической истории философии», получаем противоречия в философской фактологии. *Крайним* следствием из этого должно быть, в том числе, и то, что различные этапы в творчестве одного философа не имеют между собой никакой связи, например, «докритический период Канта не связан с критическим этапом в его творчестве». А также, и то, что например между Сократом и Платоном, который проучился у первого восемь лет, содержательно нет никакой связи, или между Платоном и Аристотелем, который двадцать лет учился и сотрудничал с ним – не имеется содержательной связи. Все это заставляет принять противоположное: «в истории философии имеются *связи* между ее различными элементами», а логика этого положения неизбежно приведет к попытке искать *всеобщую связь* во всей реальной истории философии. Только необходимо помнить об опасности, о которой предупреждал Гегель:

«При изложении хода развития греческой философии обыкновенно следовали тому порядку, в котором, согласно обычному представлению, обнаруживается внешняя связь, состоящая в том, что один философ имел якобы своим учителем другого философа; связующая нить идет якобы, с одной стороны, от Фалеса, с другой стороны, от Пифагора. Но эта связь частью вообще сама не полна, частью же представляет собой нечто внешнее. Ряд философских сект, равно как и философов, причисляемых к одной системе, - системе, исходящей от Фалеса, - простирается очень далеко, и по времени и по духу своему идет раздельно от другого ряда; но на самом деле никакой ряд (хотя бы он и составлял последовательность внешней связи, в которой каждый последующий философ является учеником предшествующего, чего на самом деле не было) не идет так изолированно, а дух шествует в совершенно другом порядке. Эти ряды переплетаются друг с другом как по своему духу, так и по своему определенному содержанию... От всей древне-ионийской философии у нас осталось с полдюжины коротеньких отрывков, и изучить их, разумеется, легко. Однако ученые чаще всего

берутся наиболее значимые узловые моменты этого явления, и они связываются между собой «как элементы одного целого». Исторически в традиции европейского *классического* преподавания философии наиболее совершенным сегодня является подход Гегеля в его «Лекциях по истории философии». Он состоит в четком определении всего «философского леса», на основании чего можно определить каждое «дерево», входящее в этот «лес»¹. Без «схематизации» нельзя добиться *систематичности, четкой структурированности и целостности* преподаваемого материала **классической философской традиции**. «Схематизация» и является основанием для структурирования, систематизации, целостности.

Для студентов сложность восприятия данного лекционного курса философии состоит в уяснении *целостности* историко-философского процесса: необходимо увидеть *весь* огромный философский лес, но не «с высоты птичьего полета» (этот способ, кроме поверхностного, а значит, иллюзорного представления дать ничего не может), а переходя от краткого, порой схематичного «непосредственного» рассмотрения наиболее величественных и значимых деревьев и их отдельных пород к более «детальному» рассмотрению некоторых из них, пользуясь для этого скорее «зрением» тактильного ощущения, на ощупь, чем дистанционно отчужденным зрительным созерцанием. И здесь нельзя ни на мгновение расслабиться, как это можно себе позволить, когда пользуешься глазами, - выбрал себе дальний ориентир на

показывают свою ученость на древних, ибо, где мы меньше всего знаем, там мы можем быть более всего учеными» (Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб., 1993. - С. 199-202).

Таким образом, само по себе следование за «эмпирической историей философии» приводит к различным спекуляциям, теоретическим построениям, в том числе и противоположным. И правы Сократ-Гегель: разрывать логический круг «эмпирического и метафизического» в истории философии со стороны индуктивного перехода от эмпирического к метафизическому незаконно в научной деятельности, а значит, в *истинном* познании. История философии как *наука* должна руководствоваться другой методологией. И неслучайно именно Гегель внес наибольший вклад в становление истории философии как подлинной науки, подчиняющейся не субъективному произволу исследователя, а объективной логике развития самой философии.

¹ Конечно, историко-философская концепция Гегеля не без недостатков, они общеизвестны (панлогизм, идеализм, финализм и т. д.), но все другие истории философии обладают еще большими изъянами по сравнению с гегелевским вариантом освещения *классической* традиции философии. Чтобы *усилить* положительные элементы философии Гегеля и *уменьшить* негативное, чтобы деликатно «осовременить» Гегеля, как мы полагаем, использовать интерпретации многих гегелевских положений в различных произведениях видного представителя нашей отечественной философии второй половины XX в. Э.В. Ильенкова (1924-1979). Почему интерпретация Гегеля Ильенковым более предпочтительна для учебных целей? Как правило, общим недостатком исследователей творчества Гегеля оказывается явная односторонность. Э.В. Ильенков не просто хорошо знает, но и практически владеет, пользуется различными вариантами интерпретации гегелевской философии: классического марксизма, неогегельянства, неомарксизма, русской религиозно-идеалистической традиции, советской традиции «диалектической логики». И, самое главное, Эвальд Васильевич смог, отталкиваясь от философии Гегеля, создать, разработать оригинальную философскую концепцию «**идеального**». Все другие исследователи относятся к Гегелю только как историки философии, не используя для дальнейшего развития философии гегелевские идеи. А ведь только живая, действующая философская традиция, как передача знания от учителя к ученику, как передача знания от одного философа другому, может представлять подлинный интерес для педагогической практики, все прочие концепции изначально мертвы и порождают лишь смерть в философии: *только живое порождает живое*.

горизонте и строго по нему держишь путь, чуть-чуть отвлекся, расслабился, опять нашел выбранный ориентир и продолжил движение. Мы следуем в полной темноте (темнота - это Ваше невежество, незнание данного предмета) на ощупь, единственным поводырем в этом пути для Вас дремучего леса является преподаватель: в темноте встали спиной к первому крайнему дереву нашего леса; на голос преподавателя (так как провести на ощупь необходимо весь поток курса, а не одного студента, которого можно и за руку вести) все дружно переходите к следующему ближайшему дереву, где уже преподаватель находится; нашли опору у этого дерева¹, отдышались и далее пошли на голос преподавателя к следующему дереву; и так через весь лес (или другой образ: «группа экскурсантов с *завязанными глазами* под присмотром гида, должна быстро познакомиться с основными экспонатами Эрмитажа...»). При этом если отвлекся, расслабился хоть на мгновение, то неизбежно промахнешься в собственной темноте невежества в необходимое ближайшее дерево, а у преподавателя нет возможности по несколько раз звать всех нерадивых и нерасторопных студентов, он должен успеть провести всю группу за строго ограниченное время. И, как показывает педагогическая практика, самостоятельно на ощупь ушедшую вперед группу догнать отставшим не удастся и преподаватель за ними уже не вернется.

Так как основой лекции является «устное творчество», преподаватель лекции *читает*, а не пишет, то здесь применима известная поговорка: «Слово не воробей, вылетит - не поймаешь». А ловить его нужно не преподавателю, а Вам, студентам, чтобы не получилось, как по другой поговорке: «В одно ухо влетело, а через некоторое время неизбежно по физиологическим законам обязательно в другое ухо вылетело». Поэтому воспринимать лекции студентам на слух - необходимое, но еще недостаточное условие для нормального усвоения содержания курса. Чтобы вылетевший «воробей» через некоторое время совсем не исчез в неизвестном направлении, его необходимо поймать в сети письменного текста, лекции необходимо записывать. Есть физиологическая особенность восприятия устной речи: если она специально не оформлена художественными средствами, что для спекулятивного, теоретического преподавания большинства дисциплин противопоказано, то внимание быстро притупляется, речь превращается в общий шумовой фон. Чтобы этого не произошло, нужно связать слуховые с другими, более «выносливыми» видами ощущения – зрительными и двигательными. Если на лекциях основным видом деятельности будет запись услышанного, то восприятие устной речи сохраняется на длительное время. Таким образом, *цель*

¹ Чтобы не получилось как в известной притче о трех слепых мудрецах, решивших узнать что такое слон (один подошел к хвосту, ощупал его и сказал: «Слон – это существо похожее на веревку»; другой подошел к ноге, ощупал ее и сказал: «Слон – это существо похожее на колонну здания»; третий подошел к хоботу, ощупал его и сказал: «Слон – это существо похожее на извивающийся толстый шланг»), необходимо студентам ощупать данное дерево только и строго в тех местах где скажет преподаватель. Никакая самодеятельность недопустима, исправлять эти оплошности «времени не будет» (за исключением семинарских занятий), так как нужно спешить к следующему дереву.

лекции – *запись* услышанного, а услышанное - это только средство для осуществления данной цели. Если не услышал, то и не запишешь.

Записи лекций - это необходимый начальный этап для дальнейшей работы над усвоением изучаемой дисциплины. Любую дисциплину возможно изучить, только по несколько раз возвращаясь к содержанию пройденного: «Повторение - мать учения и умения». Если не к чему вернуться - а без сохранения в виде записей содержания лекций как *сердцевины любого образовательного курса* это и происходит, - то и учение, и образование невозможно, не состоится.

Справиться со сложностью восприятия данного лекционного курса философии мешает ряд обстоятельств, наиболее значимые, как показывает педагогическая практика, два: одно «внутреннее», связанное с особенностями химического факультета МГУ; другое внешнее – общекультурное.

На протяжении ряда лет нам приходится сталкиваться с устойчивым невосприятием студентами обязательного содержания курса философии, мотивированным следующим: «Я с этим не согласен», «А я считаю по другому», «Позиция, например Платона или Аристотеля, по данному вопросу для меня не авторитетна» и т. д. Причем эта точка зрения выражается не одним или двумя студентами из всего потока курса, что в пределах определенной «современной общекультурной нормы», а носит более массовый характер. Случайно обнаружился источник этого массового образовательного заболевания. Прежде чем перейти на второй курс и приступить к обязательному изучению философии, данные студенты на первом курсе слушали общий «естественнонаучный» курс, на котором лектор (название дисциплины и личность лектора не столь важны, так как данная позиция доминирует в среде естественников) неустанно повторял: «Ничего нельзя принимать на веру, через чей-то авторитет. Нужно доверять только собственным наблюдениям и собственному опыту...». Проблема здесь не в позиции данного лектора, а в том, как она была воспринята студентами и как отразилась на их дальнейшем поведении в образовательном процессе.

Уже отмечались недостатки некоторых педагогических приемов на уровне средней ступени образования (сильное педалирование творческого потенциала учащихся, что, кроме неоправданно завышенных амбиций, в них ничего не развивает). К этому присоединяются проблемы подросткового периода (желание поскорее результативно как-то проявить себя, подростковый максимализм «только одно, или только другое, промежуточных состояний не может быть» и др.). В результате призыв этого лектора, усиленный «авторитетом» преподавателя МГУ, высокими академическими степенями и званиями его, еще сильнее «подливает масло в огонь» на неокрепшую душу подростка, развращая ее. Давно и повсеместно известно, что крайности переходят в свою противоположность. Например, призывы «не доверять авторитетам», «что авторитетов нет», или «доверять только собственному опыту» являются самоопровергающими, они опровергают то, что в них утверждается. Тот кто говорит, «что авторитетов нет», тем самым претендует на авторитетную точку зрения, а по ней и эта точка зрения не авторитет, значит,

не верна. Утверждение «доверяй только опыту» является неопытным утверждением, а исключительно умозрительным утверждением и, значит, должно быть отброшено как не соответствующее самому опыту.

Человеческое существование тем и отличается от всего на свете, что люди используют весь опыт предшествующих поколений. Если люди все проверяли бы на собственном опыте, то прогресса в развитии человечества не было бы, мы все время топтались бы на месте. В человеческой культуре было создано целенаправленное образование и воспитание новых поколений людей как обязательный компонент существования людей. И здесь принцип другой – «чем больше ты опираешься на чужой авторитет, на чужой опыт, тем быстрее и глубже ты становишься собственно Человеком и тем самым ты способствуешь прогрессу человечества». Стаять на других позициях – разрушать, уничтожать, и себя, и человеческую культуру, а значит, и других людей.

История философии – самый нагруженный эмпирическим раздел философии. Поэтому его изучение требует следующей установки: «Жил такой-то философ, написал некоторые произведения, в которых изложил определенные мысли. Моя задача – аутентично знать это, а проявлять здесь «личное творчество» недопустимо. Даже специалисты по прошествии тысячелетий и столетий, владея языками, читая философские труды в подлиннике, почти ничего нового сказать не могут – «все уже украдено до нас». Что-то новое в философии я смогу создать, только став самым лучшим профессионалом в философии».

Другое, общекультурное обстоятельство, мешающее восприятию данного лекционного курса философии состоит в «эмпирической» зашоренности в целом современной западной культуры, в особенностях современной российской культуры: мы и здесь, как у нас часто бывает, «хотели как лучше, а получилось как всегда», «впереди планеты всей». До социалистической революции 1917 года в российской культуре доминировали «сверхчувственные» элементы: православная религия (обязательное изучение «Закона Божьего» в учебных заведениях – его знание выражается в сверхчувственной форме, в вере), логика (обязательная дисциплина в средних учебных заведениях и в университетах: получаемая посредством умозрений, работы мысли, а не чувственных ощущений). Активный содержательный досуг образованных людей состоял чаще всего в чтении художественной литературы, посещении театров, концертов в основном классической музыки, выставок и картинных галерей. Хотя восприятие искусства осуществляется посредством чувств, но оно заставляет работать и разум – необходимо уловить сюжет, идею, художественный образ, а для этого нельзя ограничиться чувствами, требуется привлечение и других «познавательных способностей». Общим в культуре считалось, что оставаться во власти исключительно чувственных ощущений, эмпирического опыта присуще только низшему сословию, а не образованному и высшему обществу. В советский период все резко изменилось и не в лучшую сторону: с «отменой» религии, вера в сверхчувственное была заменена на *веру* (именно на *веру*) в истинность исключительно чувственных ощущений; логику из обязательного «массового» преподавания исключили, самым массовым из

искусств стало пропагандистское кино, стали проводиться массовые акции в виде парадов, шествий, конкурсов самодеятельности, широко начали развиваться эстрадное и цирковое искусство, и т. д. К тому же, к началу XX в. в науке безраздельно господствовала «линия индивидуальности», наиболее сильно представленная в эмпирически-позитивистской идеологии, все метафизические умозрения «кавалеристской атакой» (у нас в России с сильным использованием «административного ресурса» партийных и советских органов) были выброшены за пределы положительной науки. Это привело к доминированию в культуре «эмпирических» элементов, особенно закрепившихся с распространением массовой культуры: американского кино, средств массовой информации, компьютерных технологий, поп и рок индустрии и др. Те элементы культуры, которые не ограничивались эмпирическим уровнем (классическая литература и искусство, «элитарное кино», религия (подлинная религиозность, а не публичная показуха), логика) не имеют теперь почти никакого влияния на большинство населения России.

В качестве иллюстрации приведем один конкретный пример. Как-то автора программы попросили провести последнее занятие по «Введению в философию» в одиннадцатом классе Университетского гуманитарного лицея. Так как содержательно материал был учащимися уже весь пройден, было предложено задавать вопросы преподавателю о каких-то, может быть, неясных или трудных положениях данной дисциплины и с ними разобраться. Одна девушка попросила объяснить, что такое «материя», сказав при этом, что общее определение им уже дали: «Материя – это философская категория для обозначения объективной реальности...». Не понимание такого определения обусловлено отсутствием в современной российской культуре навыков абстрактно-теоретической деятельности, все в ней замещено «эмпирическим» элементом. «А ларчик просто открывался»¹.

¹ Не следует делать поспешных выводов из данного конкретного случая и все списывать на особенности «женской логики». В истории логики ни одна попытка построить, открыть отдельные виды логик (женскую, мужскую, научного открытия, здравого смысла, логику физики, «логику наук о природе», «логику наук об обществе и человеке» и т.д.) не удавалась по той причине, что логика как Логика одна для всех: для логики (именно как Логики) единственно значимо достижение истины, достоверного знания. И, следовательно, *истина* (подлинная Истина, а не чье-то личное мнение о чем-то) не зависит от половых, возрастных, профессиональных, житейских и прочих признаков того, кто осуществляет познавательный процесс.

У нас был случай на занятиях по логике, при проведении контрольной работы на примеры по одной пройденной теме. Перед непосредственным выполнением контрольной работы мы повторяли основные положения пройденной темы для правильного решения предстоящих примеров контрольной работы и при этом одна девушка неточно воспроизвела некоторые ее положения. Как часто бывает в *детском* коллективе (учащиеся средней школы), со стороны юношей послышались шуточные выкрики: «С позиции «женской логики» она права, никакой неточности нет»... Естественно, девушки дали «отпор»... Чтобы разрядить обстановку и перейти к выполнению контрольной работы, было предложено проверить практически, есть ли различия между «мужской» и «женской» логиками. Учебная группа была разбита на две части, для каждой был дан свой вариант контрольной работы (по сложности оба варианта идентичны): юноши и девушки. Правда, на это одна из девиц заявила чуть ли не ссылкой на законодательство, «что это дискриминация по половому признаку, ущемление конституционных прав и свобод граждан, особенно *детей*»... Среднестатистические результаты контрольной в обеих группах оказались почти одинаковыми, с небольшим перевесом у девушек. Но это не говорит о наличии какой-то специфики «женской

Сначала, необходимо четко уяснить, что такое «категория». **Категории**¹ – *родовые* понятия, *универсальные* понятия, *всеобщие* понятия: категории – это один из видов понятий. *Понятие* – это *форма* мышления, отражающая *существенные признаки* предметов. *Форма* (логическая форма или форма мышления) – это *способ связи* между содержательными элементами мысли. *Признаком* предмета называется то, в чем предметы сходны друг с другом или чем они друг от друга отличаются. Признаки, которые необходимо принадлежат предмету, выражают его внутреннюю природу, его сущность, называются *существенными*. Для образования понятий необходимо выделить существенные признаки предмета. Но существенное не лежит на поверхности. Чтобы его раскрыть, нужно сравнить предметы друг с другом, установить то общее, что им присуще, отделить от индивидуального и т. д. Это достигается с помощью логических приемов: сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения. Самым главным здесь является *абстрагирование* (о нем уже говорилось ранее). *Абстракция* (от лат. Absrtactio – удаление, отвлечение) – процесс выделения, вычленения отдельных интересующих нас в данный момент признаков, свойств и отношений конкретного предмета или явления и отвлечение их от множества всех других признаков, свойств, связей и отношений этого предмета: в понятии мы абстрагируем только *существенные* признаки. В силу того, что любая мысль, в том числе и понятие, – это всегда только абстракция (содержательно не весь предмет, а одна его часть, но самая главная, существенная), то ни понятие, ни другая форма мысли чувственно не воспринимаема. То, что мы воспринимаем на чувственном уровне всегда содержит совокупность «всех» признаков предмета, в том числе и его индивидуальных признаков, что позволяет выделить и поэтому воспринимать

логики». Общеизвестно, что девушки часто более дисциплинированно, ответственно относятся к школьным занятиям, а уже отмечалось, что «мышление – это в первую очередь дисциплина». Школьный курс логики традиционно является курсом «традиционной формальной логики», которая является *нормативной* дисциплиной, как «грамматика» или «алгебра» например, без соблюдения их правил неизбежны ошибки... Избежать ошибки в подобных случаях возможно только благодаря аккуратности, внимательности, дисциплинированности. Мы же не говорим при этом, что существует «женская или мужская грамматика» и «женская или мужская алгебра», мы просто соблюдаем или нарушаем правила, предписанные этими дисциплинами.

¹ «Значение термина «категория» выросло, по Хайдеггеру, из обычного употребления этого слова, восходящего к глаголу *καταγορεύειν* – на горе (*αγορα*) в открытом судебном разбирательстве комуто не на жизнь, а на смерть сказать, что он есть «тот, который...» (Хайдеггер М. О существе и понятии *φύσις*. Аристотель, Физика, В 1. М., 1995. - С. 44). В более широком смысле это значит: призывать что-то как то-то и такое-то, призывать так, что в этом призывании, «призывании», и через него призванное становится, ставится в общедоступное и открытое, явное. Слово *κατηγορία* есть наименование того, что есть нечто: дом, дерево, небо, море, твердое, красное, здоровое; термин «категория» разумеет некоторое отличительно помечающее призывание. «Категории», - продолжает М. Хайдеггер, - лежат в основании тех ежедневных призываний, которые оформляются в высказывания, «суждения»; только поэтому и могут эти категории, в свою очередь, быть найдены под водительством высказывания, того, что называется *λογος*; вот почему Кант должен был таблицу категорий «выводить» из таблицы суждений; вот почему познание категорий как определений бытия сущего, так называемая метафизика, есть в некотором сущностном смысле познание этого логоса, т. е. «логика», поэтому метафизика удерживает имя логики там, где она приходит к полному (возможному для нее) сознанию себя самой, у Гегеля» (Там же. - С. 45)» (Васильева Т.В. Комментарии к курсу истории античной философии. – М., 2002. – С.176).

данный предмет на чувственном уровне, в понятии эти индивидуальные признаки отброшены как несуществующие¹.

Для понимания специфики «*категорий*» необходимо знать еще о таких элементах, связанных с понятием вообще, как «*содержание и объем понятия*» и «*определение понятий*». У понятия две взаимосвязанные обратным отношением характеристики: *объем* понятия – совокупность предметов, которые мыслятся в нем (например, объем понятия «стул» - совокупность всех существовавших прежде, существующих сейчас и потенциально возможных в будущем стульев: если говорить о количестве, то сегодня это множество будет исчисляться миллиардами стульев) и *содержание* понятия – совокупность существенных признаков, по которым данные предметы отличаются от всего остального (например, содержание понятия «стул» - совокупность определенных признаков: часть мебели, предназначенная для сидения, одного человека, обязательно имеющая спинку и отсутствие подлокотников, и др.). **Категории** - это *универсальные, всеобщие* понятия, объемом которых является вся без исключения предметная область действительности, бытия. И следовательно, *содержание категорий*, в силу обратного отношения, – минимально (чем больше объем понятия, тем меньше его содержание, и наоборот), как выражался Гегель, – «наиболее тощие абстракции»². Например: «движение – изменение вообще», «время – априорная форма внутренней чувственности» и т.д.; как только мы попытаемся уточнить, добавить хоть один признак к этим категориям, то они сразу потеряют свою универсальность, всеобщность³. Поэтому категории – это не просто абстракция, а абстракция в квадрате, абстракция абстракции. Если среди понятий вообще выделяют «абстрактные и конкретные понятия», то категории – исключительно «абстрактные понятия». *Абстрактные понятия* образуются в результате отвлечения, абстрагирования определенного признака предмета; эти признаки

¹ В современной культуре, особенно в системе образования, часто можно наблюдать когда люди, воспитанные исключительно на «эмпирических» элементах, в изучении какой-либо, науки или дисциплины (а как отмечалось ранее, все науки существуют, представлены в *понятийной* форме, в виде понятий) пытаются по привычке пользоваться чувственностью, и, естественно, в силу неадекватности средств не усваивают учебный материал, они его просто не понимают. Любое понятие или другая форма мысли – совокупность существенных признаков, *понять* понятие - значит знать эти признаки, то есть *заучить*, другой альтернативы *почти* нет. И здесь все *наоборот* известной житейской мудрости «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Для теоретической деятельности, для того, чтобы людям доходить до сущности исследуемых предметов, зрение, чувственность противопоставлены. Неслучайно известный античный философ Демокрит лишил себя зрения, что бы воспринимать предметы так, как они есть на самом деле: «Демокрит сам лишил себя зрения, так как считал, что раздумья и размышления разума при созерцании и осмысливании природы будут более оживленными, когда освободятся от развлечений, зрения и препятствий глаз» (Цицерон). Поэтому для науки и образования необходимо придерживаться принципа «Лучше один раз *правильно* услышать, чем сто раз увидеть».

² В выражении «Наиболее тощие абстракции», слово «тощие» означает минимум, обычно один или два, существенных признака предметов, причем очень общего плана, что затрудняет непосредственное использование этих признаков на практике.

³ Не надо смешивать раскрытие значений, входящих в эти категории терминов и понятий (что необходимо для понимания заключенного здесь содержания), со строго определенными в них *признаками*, они должны быть неизменными.

мыслятся как самостоятельные объекты мысли. Без определенных навыков абстрактно-теоретической (спекулятивной) деятельности восприятие философии невозможно, поэтому неслучайно в философии *Логика* занимает важнейшее место. Исторически в философии она появилось второй после «физики» (натурфилософии), и только после появления *Логики* стало возможным становление и *Этики*, и *Метафизики*. Повторим еще раз: философия – это *умозрительная* наука, единственным *средством* ее является *мышление*, а чувственность, эмпирические методы в философии неприменимы. А так как *любая* современная наука *исторически* это определенная *философия*, то... (продолжить можно самостоятельно). К тому же, сама идеология эмпиризма – это чистой воды теоретическое, спекулятивное, умозрительное построение и *эмпирическим путем* не обосновывается, не доказывается, не подтверждается.

Определение понятия – это логическая процедура, операция, раскрывающая *содержание* понятия (перечисление *совокупности существенных признаков* предмета). Самый эффективный способ, выработанный человечеством, – это «определение через род и видовые отличия» (существует множество других видов определений, но в них много проблем и сложностей с вычленением существенных признаков): подведение искомого предмета под более широкую, но ближайшую предметную область, и затем выделение по видоотличительным признакам того, что в этой области соответствует нашему предмету. Например, стул как предмет принадлежит к более широкой области – мебели, но не любая мебель – стул. Мебель предназначенная для сидения, рассчитанная на одного человека, состоящая из сидения, ножек, спинки, без подлокотников... – стул (это есть пример определения). Определение категорий – осложняется тем, что категории самые общие понятия, по объему шире их ничего нет, поэтому к ним неприменим этот вид определения. Значит, не через дедукцию (переход от общего, которого по отношению к категориям нет, к частному, чем категории по определению не являются), ни через индукцию («проблема определения» Сократа) определить категории нельзя. В истории европейской культуры был разработан только один эффективный подход к определению категорий, который можно назвать подходом «диалектической метафизики». Слово «диалектический» здесь означает способ определения по форме (через противоречие, что получило название «диалектический метод» логики, или «диалектическая логика»). Ведь известно, что философские категории – парные противоположности (например, природа и дух, материальное и идеальное, пространство и время, содержание и форма, причина и следствие, возможность и действительность, качество и количество, истина и лож, вера и разум, знание и мнение, феномены и ноумены, теоретическое и практическое, прекрасное и безобразное, и т. д.). «Метафизика» в данном случае – *объективно* существующее содержание, которое в таком чистом, абстрактном виде существует только в *субъективной* форме нашего мышления (пример чуть попозже), это известный принцип «тождества бытия и мышления», берущий начало, как считается, от Парменида,

согласно которому «подлинное бытие» постигается исключительно мыслью, а на уровне чувственности – это только видимость, кажимость бытия.

Теперь необходимо четко представить себе связь категорий с философией, так как во многом название «философские категории» – это излишнее дублирование одного и того же: в подлинном значении этих слов «категории» бывают только «философскими», а «философия» – это система «категорий», так как любая отдельная категория определяется исключительно через другую, противоположную категорию или через их совокупность. Именно выработка *категорий* (выработка их рациональными средствами – средствами логики), приведение их в *систему* и является подлинной профессиональной деятельностью философа (если другие логические формы, например, понятия вообще, идеи, суждения, умозаключения и т. д. используются и вырабатываются почти во всех видах общественного сознания, то категории вырабатываются исключительно только «*философией*» и «*философами*»). Это и есть отличительный признак философии, именно как философии, от мифологии, от религии, от искусства (художественного творчества), от науки, от обыденного сознания и т.д. Кроме профессиональных философов в духовной культуре эту функцию, как показывает история, никто квалифицированно и совершенным образом не выполнял. Неосознание это самого существенного момента в философской деятельности, в первую очередь, некоторыми «профессиональными философами» (хотя о каком профессионализме в таком случае можно говорить?) искажает и даже уничтожает потенциальную ценность и оригинальность философии для культуры¹. Роль и значение категориальной деятельности философов в

¹ «Каким же способом философия поднимается от опыта к своим категориям и законам? Как показывает ее история, существует только одно средство для этого – теоретическое мышление. В свое время для обозначения пути движения философии к истине было выдвинуто понятие «спекулятивного мышления». К этому понятию с некоторых пор стали относиться подозрительно, как к чему-то такому, что внутри самого себя содержит нечто отрицательное, считая своим долгом и хорошим тоном в философии выразить ему свое презрение... От дурного рода спекуляций философия может и должна освободиться, но при этом она сохраняет теоретическое мышление как главное средство движения от опыта к познанию законов и формированию своих категорий. Без теоретического мышления ей остается только ограничиваться результатами других наук и форм сознания, изобретать свой «философский» эксперимент или свое матричное исчисление.

Философское научно-теоретическое мышление – это своеобразный вид абстрагирования, выделение отдельных закономерностей из совокупного опыта науки и всей общественной практики. Оно приспособлено для решения задач, стоящих перед философией. Его успех зависит от той эмпирической основы, из которой исходят, от умения усмотреть и выделить в ней то всеобщее, что является предметом философского знания. Существуют свои критерии правомерности философского мышления, способы своеобразной его верификации. Способность к философскому мышлению, как и другие формы абстрагирования, вырабатываются в процессе общественного и индивидуального развития мыслителя, и ею можно овладеть так же, как и другими средствами познания. Умению мыслить философски нужно учиться, как математическому, физическому, историческому и другим способам мышления.

Философское мышление хотя и является видом абстрагирования, однако не сводится к абстракциям какой-то области знания. С абстрагированием в науках у него есть общее: выделение интересующей стороны, закономерности, стремление не ограничиться в познании абстракциями, а постигать их в совокупности, дающей познание конкретного. Но у философии свои критерии оценки

культуре проще понять на конкретном примере.

Вернемся к нашему примеру определения «стула»: стул – это мебель, предназначенная для сидения, рассчитанная на одного человека, состоящая из сидения, ножек, спинки, без подлокотников... Вроде бы этого достаточно, но достаточно для обыденных, бытовых нужд использования этого предмета. Если задача будет выявить более глубоко сущность стула, то интуитивное (специально не вычлененное) представление о *мебели* не годится, так как это понятие является центральным в определении стула. Следовательно, нужно будет определить и это понятие. Но, в свою очередь, если идти в определении предложенным выше путем «определения через род и видовые отличия» (а другие пути неэффективны), то у нас снова появится более широкое понятие, которое для точности опять придется определять, и так далее. Ситуация начинает походить на известный сюжет вульгарной песни: «У попа была собака...» - переходящий в дурную бесконечность. Но, к счастью переход, к более широким понятиям (в логике это называется «обобщение понятий») не беспределен, не бесконечен. Есть самые общие понятия, шире которых ничего нет: в нашем примере со стулом через опосредующие звенья мы придем к понятиям «природа», «мир», «бытие» и их синонимам. Подобные понятия и называются «категориями». Следовательно, решая вопрос о максимальной степени *точности знания* о самом ничтожном предмете, неизбежно, через опосредующие звенья, придешь к той или иной *категории*¹.

и проверки этих абстракций, и с ними нельзя обращаться, как в математике или физике. Это, например, относится к проверке и доказательству.

Результаты философского мышления проверяются на практике, но не путем простого сопоставления с отдельными ее актами, нахождения соответствующих вещей, отношений. Такое сопоставление ничего не дает. Самое большое – оно может служить иллюстрацией положений, в которой нуждаются люди, не привыкшие к абстрактному мышлению. Но такие иллюстрации всегда приблизительны и не выражают существа дела. Философские понятия и теории настолько всеобщы, что всегда можно найти что-то соответствующее даже ложным теориям. Проверка их всеобщности в действительности происходит лишь тогда, когда результаты философского мышления, будут выраженными в категориях, становятся методом научно-теоретического познания и практического действия человека. Понятия и теоретические построения философии проверяются как мировоззрение, ставшее основой теоретической и практической деятельности классов, партий, ученых, художников и т. п. Если действия, согласующиеся с этими принципами и категориями, приводят к практическому осуществлению человеческих целей, к созданию разумного и прекрасного мира вещей и отношений, к достижению нового знания в науке, созданию художественных произведений, то тем самым проверяется и доказывается их объективная истинность» (Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. – М., 1973. – С. 327-329).

¹ Приведем еще один аргумент (можно и больше, но это будет уже расточительством), важности категориальной деятельности философов в культуре. Основных видов рассуждения (перехода от одной мысли к другой) три: дедукция (переход от общего к частному, достоинство которого состоит в верности заключения – логического необходимости следования), индукция (переход от частного к общему, у которого нет достоинства дедукции – логическое следование предположительно (исключение – «полная индукция», которую можно, а часто так и поступают, рассматривать как перевернутую дедукцию)) и аналогия (переход от частного к частному – всегда логическое следование предположительно). Когда стоит задача максимальной точности рассуждения, получение гарантированно верного следствия – средство одно, дедукция (и дополнение ее «обратная дедукция» - «полная индукция»). Следовательно без категорий, всеобщих понятий не обойтись, так как в дедукции вывод производится из «общего» или «всеобщего».

И только теперь можно поговорить о «материи». Но, на самом деле, говорить-то нечего, «все уже украдено до нас». Покажем некоторое из того, что «украли до нас».

Общими подходами к любым категориям, в том числе и к категории «материя», основными отношениями к категориям вообще в средневековой и новоевропейской культуре были следующие: реализм-рационализм, номинализм-эмпиризм и классическая немецкая философия (критически-диалектический подход). Острота различий между этих тремя направлениями упиралась в вопрос о *месте* существования *содержания* категорий: «Где существуют самые существенные, всеобщие признаки (атрибуты и субстанция) всех без исключения предметов бытия?».

Как известно, реалисты-рационалисты подходили к решению этого вопроса *онтологически*: субстанция и ее атрибуты существуют реально, в бытии. Номиналисты-эмпиристы решали его *гносеологически*: субстанция и ее атрибуты - это только результат нашей познавательной деятельности, а в действительности существуют только единичные предметы и их единичные признаки. Критически-диалектическая традиция окончательно доказала односторонность двух предшествующих предложенных вариантов, где каждый из них и прав, и не прав одновременно. Классическая немецкая философия предложила трактовать существование субстанции и ее атрибутов как диалектическое единство *онтологически-гносеологического* существования. На примере отношения плода вообще и яблок, груш, винограда у Гегеля это наглядно видно. В действительности на уровне чувственности отдельно плода вообще не существует, а есть только яблоки, груши, виноград. Но из этого совершенно не следует, что плод вообще не имеет отношения к объективной реальности. Плод вообще – это сущность яблок, груш, винограда, а значит, присутствует в них объективно, только в чистом, абстрагированном виде, через человеческое познание. Наше познание только абстрагирует, выделяет подобные сущности из объективной реальности, которые до нашего познания не были выделены в самостоятельный элемент бытия.

Учитывая этот общий исторический контекст разных подходов в отношении содержания философских категорий, можно непосредственно обратиться к «материи».

В истории философии было много споров по поводу понятия «материя»: от полного отказа от него до различного рода односторонних его пониманий. В отечественной философии наиболее памятные дискуссии вокруг ленинского определения «материи». Например, В.И. Власюк, выясняя смысл определений «материя есть философская категория для обозначения объективной реальности»¹ и «материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении»², приходит к выводу о том, что «всякому думающему человеку ясно, что быть категорией и быть объективной реальностью - совершенно не одно и то же. Поэтому материя может быть либо тем, либо другим. А сама

¹ Ленин В.И. ПСС, Т 18. - М., 1968. - С. 131.

² Там же. - С. 149.

практика нас убеждает, что материя есть *категория, обозначающая всю совокупность взаимодействующих материальных объектов*¹. Как видно, это чистый пример номиналистически-эмпирического подхода.

Или другое определение: «Материя – это бесконечное множество всех существующих в мире объектов и систем, всеобщая субстанция, субстрат любых свойств, связей, отношений и форм движения. Материя включает в себя не только все непосредственно наблюдаемые объекты и тела природы, но и все те, которые в принципе могут быть познаны в будущем на основе совершенствования средств наблюдения и эксперимента»². Такое определение – онтологическая трактовка «материи».

Как не вспомнить здесь Гегеля: «Но сама материя есть абстракция, которая как таковая не может быть воспринята нами. Можно поэтому сказать, что не существует вообще материи, ибо она существует всегда как нечто определенное, конкретное. И однако, эта абстракция материи должна быть основой всего чувственного, есть чувственное вообще, абсолютная разъединенность в себе, и поэтому она есть внеположное друг другу сущее»³. Категория «материя» им разбирается в разделе «Учение о сущности», где непосредственное бытие вещей представляется как кора или завеса, за которой скрывается сущность - абстракция от всех определенных предикатов. То, что во всех вещах за видимостью их изменений есть нечто пребывающее в них, и это пребывающее есть прежде всего сущность. Поэтому сущность сверхчувственна, невоспринимаема, в человеческом познании она имеет единственную форму - понятие, категорию, идею.

Ф. Энгельс о «материи» высказывался подобным же образом: «Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями... (М)атерию как таковую... никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом: люди имеют дело только с различными реально существующими веществами... «(М)атерия»... суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей»⁴. В другом месте: «Материя как таковая, это - чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличии от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим. Когда естествознание ставит себе целью отыскать единообразную материю как таковую... то оно поступает таким же образом, как если бы оно вместо вишен,

¹ Власюк В.И. Идеализм современного материализма. Основы теории общественного развития. - М., 1994. - С. 15.

² Мелюхин С.Т. Материя // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 349.

³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логика. -М., 1975. - С. 151.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В.9-ти т., Т 5 -М., 1986. - С. 561-562.

груш, яблок желало видеть, плод как таковой, вместо кошек, собак, овец и т.д. - млекопитающее как таковое, камень как таковой, химическое соединение как таковое, движение как таковое»¹.

В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» все вопросы рассматривает через призму основной гносеологической проблемы: что является «источником ощущений». В материализме таковым является «реальное, вне ума (вне сознания); чувственные объекты в себе («вещи в себе»); «... нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*... Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос,... который не может устареть...»².

Гегель, Энгельс, Ленин и любой глубокий философ, понимают материю и подобные сущности как понятия, категории (как идеальное), но от этого не перестающие быть объективной реальностью, скорее наоборот, только через понятия, категории, *абстракции* человек проникает все глубже и глубже в действительность. Осознание этого невозможно без предварительного уяснения отношения между бытием (источником наших знаний) и мышлением (осуществляющим определенным образом свою *абстрагирующую* деятельность), определения того, как возможно тождество между ними. Этот акт необходим безотносительно к тому как мы его назовем: метафизикой, спекулятивной философией, теоретическим мышлением, логикой, диалектикой и т. д. - это одно и то же.

Но как же «детки» из Университетского гуманитарного лица восприняли такое объяснение «материи»? Как и следовало ожидать, кто раньше, кто позже отключились, «завяли». Их сил не хватило даже на сорок минут, в течении которых происходило объяснение поставленного вопроса, а ведь эти детки из Университетском гуманитарном лице все в обязательном порядке изучали логику³. С их стороны был задан вопрос: «Нельзя ли попроще объяснить эту тему?». Ответ: «Более проща уже будет реализация принципа «определенная простота, хуже воровства», воровства относительно знания по данной теме».

¹ Там же. - С. 578.

² Ленин В.И. ПСС, Т 18. - М., 1968. - С. 131-132.

³ Этот пример еще раз демонстрирует, что многое в общей культуре современной России на порядок ниже, чем было у прежних поколений. Не следует поддаваться иллюзии, что если мы в средней школе «поголовно» изучаем, например, интегральные и дифференциальные исчисления, теорию относительности, эволюционную теорию Дарвина, некоторые литературно-философские произведения Достоевского и Толстого и т. д. (что в прошлом не каждый и в зрелом возрасте мог осилить), то мы можем с высоты этого своего «цивилизованного снобизма» считать себя более образованными чем наши предки. Чтобы убедиться в обратном, что наше образование по сравнению с прежними эпохами самая настоящая фикция, почитайте некоторые старые учебники для средних учебных заведений, например учебное пособие Гегеля для немецкой гимназии (Гегель. Философская пропедевтика // Гегель. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. -. М., 1973. - С. 5-209). Давно известен парадокс в культуре: «Чем меньше знаешь, тем больше кажется, что владеешь абсолютной истиной. А чем больше знаешь, тем отчетливее осознаешь то, «что ничего не знаешь», а обладаешь лишь суетным преходящим мнением, обладаешь лишь относительной истиной».

Повторим еще раз: «Учеба самый *тяжкий* труд». Это касается, прежде всего дисциплины (самодисциплины) и овладения прочными навыками абстрактно-теоретической деятельности. В обоих этих случаях поможет только тренировка и еще раз тренировка, другого рецепта нет. Нельзя идти на поводу у естественной первоначальной реакции: «Если сейчас очень тяжело, то или преподавать должны попроще, или я заниматься отказываюсь». Учеба – это всегда преодоление, прежде всего себя, своего незнания, неумения, нежелания. И общая рекомендация одна – через «не могу», через «не хочу» запиши пройденный материал, дома без спешки прочти его внимательно; не все понял – прочти заново, и так далее; если и этого оказалась недостаточно, прочти дополнительную литературу по данной теме; опять не понял – найди знающего человека и попроси его помочь тебе. А все равно не понял – **зубри, заучивай** без понимания как «Отче наш», понимание придет *потом* само собой. В культуре давно есть образ как соотносятся затраченные усилия, труд с полученными от них результатами в образовательной и научной деятельности: «гора родила мышь» - *гора* усилий, труда, и если получится в результате *мышь*, то это гарантия подлинности, ценности, совершенства результата. Все остальное – это халтура. **Знание** – это только **труд, труд, труд...** Если даже «без труда не вытянешь и рыбку из пруда», то это еще в большей степени относится к учебе и науке: «**Без Труда, не вытянешь Знание из бытия** (бытия природы или бытия культуры)».

Содержательно данный двухсеместровый курс охватывает следующие исторические периоды традиции европейской философии: в первом семестре – античная, средневековая, возрожденческая и самое начало новоевропейской философии; второй семестр – новоевропейская, современная западноевропейская и отечественная философия. По времени большая часть занятий посвящена двум философским периодам: античной и новоевропейской философии. Современная западноевропейская и отечественные философские традиции в нашем курсе занимают минимум времени, и занятия по ним носят только ознакомительный характер. Это связано с определенным делением по содержанию философских курсов для студентов и аспирантов в практике преподавания нашей кафедры на естественных факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основная цель образования студентов в Московском университете состоит в получении фундаментального, базового *общего образования*, без которого, как показывает тысячелетняя европейская традиция образования, невозможно плодотворное освоение той или иной специальности (что фигурирует в записи любого вузовского диплома, но как показывает практика, это специализация, все равно, является общим образованием по ней). Поэтому общеобразовательный университетский курс философии, должен заложить крепкие основы философской культуры, которая достигается исключительно изучением *классической* традиции философии. Как уже отмечалось, классическая традиция философии в европейской культуре неразрывна с метафизикой и логикой (рационалистической метафизикой – в самом широком смысле, частью которой были и схоластика, и новоевропейский эмпиризм и др.)

и существует институционально в системе светского образования. Так было в европейской культуре в VI-V в. до н. э. (с элейской школы и софистов) – середине XIX в., с определенным «перерывом» в средние века, когда светскость была заменена теологичностью. С середины XIX в. в европейской культуре в целом начинается «позитивный этап», философия утрачивает многие, если не все, свои классические черты. Поэтому, античная и новоевропейская традиции философии в наибольшей степени являются образцами классической философии.

В аспирантуре подготовка нацелена на повышение специальных знаний и навыков, которые позволяют после защиты кандидатской диссертации считаться полноценным ученым (наличие кандидатской степени часто для ученого является официальным признанием его как ученого в научном сообществе и позволяет ему в дальнейшем на равных со своими коллегами участвовать в научной деятельности) или полноценным преподавателем (как минимум иметь возможность официально читать *полноценный академический лекционный курс*). Обязательный курс философии в аспирантуре должен помогать осуществлению этой основной цели. И здесь в наибольшей степени необходимы такие разделы философии, которые получили название «философия науки», «методология», «логика и методология научного познания» (иногда это называется «эпистемологией» в узком значении), «философские вопросы и проблемы конкретной науки или дисциплины» («профилизированная философия»), «история и теория науки» (иногда раньше использовались термины «науковедение», «наукознание»), «социология науки», «философия образования» и т. д. Эти разделы философии разрабатываются на протяжении периода второй половины XIX в. и всего XX в. А это и есть эпоха «современной европейской философии». Поэтому в основе аспирантского курса философии лежит «современная европейская философия», в которую, естественно, включается и «современная западноевропейская философия», «отечественная философская традиция XIX-XX в.» (собственно до этого периода в *чистом институциональном* виде в российской культуре философии *почти* не было), выше перечисленные философские дисциплины (то, что часто называется линией «сциентизма» в современной философии) и философский «антисциентизм»¹.

Так как не все выпускники МГУ, получившие диплом о высшем образовании, обучаются в дальнейшем в аспирантуре университета, то общеобразовательный студенческий курс философии содержит сведения о современной западноевропейской философии и отечественной философской традиции, но эти сведения носят только ознакомительный характер, они необходимы для целостного представления об европейской традиции философии. Фундамент европейской классической традиции философии составляет античная и новоевропейская философия, чему и посвящено *формально-организационно* все внимание (более половины времени

¹ См.: «Программа «История и философия науки» для аспирантов». / Под ред. А.В. Кезина, О.Д. Волгогоновой, Е.М. Паниной. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 2002. – 92 с.

студенческого курса философии и число экзаменационных вопросов по философии для поступающих в аспирантуру на е/ф МГУ) при подготовке студентов на естественных факультетах МГУ в практике преподавания нашей кафедры.

Семинарские занятия. Если на лекциях все начинается непосредственно с них самих, то семинарские занятия начинаются с обязательной подготовки к ним, и только после этого происходит само занятие. Помните: *без предварительной подготовки нет семинарских занятий.*

Прежде чем говорить о подготовке к семинарским занятиям, сначала необходимо определить, к чему надо готовиться, уяснить цель этой подготовки. А здесь не все так однозначно просто. Чтобы было понятно, в чем сложность этого, приведем некоторые примеры из истории европейского образования.

Во-первых, обратимся к методам работы в Академии Платона, которая занимает особое место в системе образования и философии в европейской культуре. «Мы имеем возможность видеть, какая здесь ведется работа, какими методами, на каком материале, в каких формах... Занятия проходят в небольших группах, в данном случае, межвозрастных, старые вместе с малыми. Работа ведется как индивидуально, так и перекрестно, в присутствии и при участии слушателей. Протагонистом остается Сократ (учитель), второй актер вызывается попеременно. Как водится, иные отнекиваются, но Сократ так или иначе добивается своего, и отвечать приходится всем, не только отличникам. Ставится вопрос – что есть знание? – он обсуждается пространно и долго, дается не один вариант ответа, все варианты обсуждаются многосторонне, с привлечением наглядных примеров, цитат, мифов, гипотетических картин. Геометрия идет впереди всех вспомогательных средств. Но не геометрией единой живы слушатели Академии. Сократ охотно цитирует Гомера, Гесиода, лириков, трагиков... Сократ цитирует Протагора, разбирает его мысль, опровергает, высмеивает, даже бранит. Потом, проявляя чудеса политкорректности, предлагает защищать Феодору, защищает сам, от своего лица, наконец, вызывает из небытия его дух, как на спиритическом сеансе, заставляет его произносить речь от первого лица, с опровержением всего, что было здесь против него сказано. Но в Академии собираются не духовидцы, тут просвещение, поэтому роль Протагора-протагониста берет на себя все тот же Сократ. Сенсационное открытие! В Академии концепции разыгрываются как роли, причем не по тексту, по смыслу ситуации, по духу учения, как его берется воспроизвести или творчески применить к потребностям рассуждения его добровольный репрезентатор... Артистично проведенный урок, с элементами игры (в родовспоможение души), театрального перевоплощения (с вызыванием призрака Протагора), с использованием не только геометрических чертежей, но и воображаемых картин... Платон вряд ли писал собственноручно даже приписанные ему эпиграммы, скорее диктовал, а такая форма работы требует перечитывания, гибкой обратной связи. Разыгрывание только что

продиктованного не целыми спектаклями, а короткими сценками могло быть хорошей обкаткой текста перед выработкой окончательного варианта»¹.

Во-вторых, средневековый университет, так как эта организационная форма остается сердцевинной европейской системы образования до наших дней. «Сначала студент поступал на факультет свободных искусств. Здесь он должен был провести от пяти до семи лет. Как правило, нигде все «семь искусств» в равной мере не изучались. Основной упор делался на изучение риторики, чтобы уметь составлять письма и акты. И, конечно, главное внимание уделялось диалектике – с ней знакомились по книгам Аристотеля. Типичный образовательный процесс представлял собой лекцию: преподаватель читал книгу, лежащую в основе курса, затем давал комментарии. После обеда устраивались так называемые экстраординарные лекции. Они доверялись начинающим преподавателям, которые повторяли пройденное либо рассматривали какой-нибудь частный вопрос. Не реже раза в неделю устраивались ординарные диспуты – ученики спорили друг с другом и с преподавателем. Они учились формулировать тезисы, подбирать аргументы, опровергать. В предпраздничные дни устраивались диспуты экстраординарные – между учениками разных магистров или между самими магистрами, посвященные каким-то особо важным злободневным вопросам. На них собиралась многочисленная публика: приходили горожане, знатные особы. Самым ярким впечатлением были кводлибеты – «диспуты о чем угодно». Диспутант (часто это был какой-нибудь заезжий магистр), демонстрируя свое искусство, брался отвечать на любой вопрос без подготовки, что требовало крепкой памяти (нужно было приводить ссылки на авторитеты), находчивости, красноречия. Существовал особый кодекс диспута, как на турнире рыцарей. Запрещалось, например, обвинять оппонента в «заблуждениях в вере», т. е. в ереси. Университет гарантировал полную безопасность во время диспута. Прослушав определенное число курсов и приняв участие в нескольких диспутах, студент допускался до экзаменов на следующую степень. Специальная комиссия задавала ему вопросы (экзамен порой длился целый день). Затем устраивались пробные уроки: оценивалось умение быть преподавателем. Студент становился бакалавром, продолжая слушать лекции, но имея право читать экстраординарные курсы. Бакалавр становился лицензиатом, а затем – магистром искусств. Это давало ему право преподавать самому или же поступать на высшие факультеты медицины, права, теологии. Там также становились бакалаврами, лицензиатами и докторами. Для того чтобы стать доктором теологии, нужно было затратить лет пятнадцать. Обучение на факультете медицины и права занимало пять-семь лет»².

Как явствует из приведенных примеров, предварительные представления об изучаемом предмете студенты получают на лекциях, а то, что относится к семинарским занятиям, нацелено на «разыгрывание роли, причем не по тексту,

¹ Васильева Т.В. Комментарии к курсу истории античной философии. – М., 2002. – С. 151-164 («День открытых дверей» в платоновской Академии).

² Уваров П.Ю. Школа и образование на Западе в средние века // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. – М., 1996. – С. 385.

а по смыслу ситуации, по духу учения, как его берется воспроизвести или творчески применить к потребностям рассуждения его добровольный репрезентатор». Поэтому, неслучайно в зачетных книжках место, где проставляются оценки за экзамены, называется «теоретический курс», а где проставляются зачеты – «практический курс». Но в традиции классического европейского образования всегда было (с античности до XX в.) обязательное предварительное, до специализации, изучение риторики и логики, как необходимых инструментов правильного рассуждения и адекватного средства выражения своих мыслей для строго определенной аудитории. «Внутреннее же в человеке приобретается и расширяется посредством культуры; тем, что он молча воздерживается от суждения, он не становится беднее мыслями и не теряет в живости ума. Наоборот, он скорее научается благодаря этому понимать других и начинает догадываться, что *взбредшие ему в голову мысли и возражения* никуда не годятся, и благодаря тому, что он все более и более понимает, что такие мысли никуда не годятся, он отучается иметь такие неудачные мысли» (Гегель).

Общая *схема* Образования в классической европейской культуре состояла из следующих жестко регламентированных и взаимосвязанных элементов: изучение логики и риторики, иногда продублированное изучение (основа любого образования – *получение «языка» образования*) – специализация в виде изучения авторитетов в данной области (первоначальное знакомство на лекциях, затем закрепление пройденного через повторение на семинарских занятиях – *получение «предмета» образования*) – соединение в самостоятельных непродолжительных по времени выступлениях на заданную тему «языка» и различных частей «предмета» образования частично на семинарских занятиях, но больше всего в виде других видов деятельности (сегодня это курсовые, дипломные работы, участие в работе научных кружков, семинаров, конференций, прохождения педагогической практики и т. д.), что *приобщало к самостоятельному творчеству*, но пока еще под присмотром преподавателя, научного руководителя – и только после этого «большому кораблю - большое самостоятельное плавание».

В современной педагогической действительности вся эта схема заменяется единственно гипертрофированным самотворчеством студентов, которые посредством «своего собственного опыта» собираются стать образованными людьми. Логику с риторикой им не преподают, а если и преподают, то это все забывается на следующий день после изучения за «ненужностью применения» в современном мире (эта «ненужность» - не закономерное, следовательно, не необходимое развитие самой культуры, а во многом насильственное самовыражение амбициозно одержимых различных деятелей, разрушающих сами основы Человеческого существования). Научные авторитеты не признаются, так как «мы» на голову выше «наших» предшественников в «образованности» (проявление «современного прогрессистского снобизма», наиболее чванливо закрепившееся у естественников и технарей). А если и признаются авторитеты, то, как правило, это только один авторитет, и ближайший к нам исторически - все из-за того же

«современного прогрессистского снобизма». В этом и заключается *основная, главная* проблема сегодняшнего образования. Если на лекциях, в силу их монологичности, это не так явно бросается в глаза, то на семинарских, практических занятиях, где обязателен «диалог», студенты не умеющие, не привыкшие учиться, находятся в «оцепенении», в «летаргическом сне». Самого процесса образования как получение *нового* знания и умения не происходит, а идет закрепление прежнего невежества, незнания студентов.

Эта проблема не решается простым применением метода «кнута и пряника», «закручиванием или откручиванием гаек», «усилением или уменьшением силового давления на студентов». Причина этой проблемы находится не внутри современного процесса образования, а за его пределами, в общекультурной сфере.

Поэтому преподавателю приходится «выбирать худшее по сравнению с абсолютно худшим», «меньшее из двух зол». Рассмотрим два противоположных подхода к проведению семинарских занятий, доминирующих в современной преподавательской практике. В силу полярности этих подходов они неизбежно являются определенным «злом». Одно «зло» - это проведение семинарских занятий в форме развернутых студенческих докладов с последующим обсуждением их. Другое «зло» - проведение занятий в форме диалога, вопросов-ответов: задаются вопросы всей студенческой группе, а каждый из студентов должен быть готов *кратко* ответить на них. В первой форме - максимальна степень самовыражения студентов, возможность проявить собственные способности и интересы. Во второй форме – самовыражения, творчества студентов абсолютно нет, есть только давление преподавателя, и содержания изучаемой дисциплины. Так какое из этих «зол» является меньшим в *современной* культурной ситуации: максимальное творчество студентов или жесткое внешнее давление на них (доклады или вопросно-ответная форма проведения семинарских занятий)?

Наиболее простая форма проведения семинарского занятия, как для преподавателя, так и для студентов – это доклады. Достоинства ее уже отмечены: развернутость выступлений по теме и «творческое самовыражение» студентов. Но народная мудрость гласит, «что на свете нет ничего совершенного»: любое совершенство в своем прямом продолжении становится *недостатком*. Недостатки докладов, как *формы* проведения семинарских занятий следующие: фрагментарное изучение курса (как правило, даже очень хороший студент за семестр может подготовить 3-4 доклада – это меньше десятой части содержания курса, остальное он вынужден черпать из выступлений своих товарищей); если по каким-либо обстоятельствам запланированный доклад не состоялся (отсутствие студента, которому был дан этот доклад, или его неготовность к указанному сроку), другие студенты лишаются возможности ознакомиться с данной темой и данный материал оказывается неосвоенным; обсуждение докладов, как показывает практика, не способствует улучшению восприятия данной темы («не в любом споре рождается истина» (спору в котором рождается истина необходимо учиться через приобретение навыков логики и риторики, которые в современной

культуре «полностью» отсутствуют); *усвоение* критических замечаний, высказанных во время обсуждения *развернутого* доклада, часто превращаются в более сложную работу, чем подготовка самого этого доклада) и т. д. Общий недостаток «докладной» формы – большая зависимость усвоения изучаемого материала от добросовестности и определенного «мастерства» конкретного студента, а ожидать подлинного мастерства от ученика бессмысленно (на то он и ученик): личностный, субъективный фактор в этой форме проведения занятий максимален.

Недостатки вопросно-ответной формы проведения семинарских занятий уже обозначены: жесткое внешнее давление на студентов со стороны преподавателя или изучаемого материала («шаг вправо, или влево, или прыжок на месте, приравнивается к попытке к бегству – за что неминуемо расстрел»); краткость ответов студентов на поставленный вопрос. Но как «любое совершенство в своем прямом продолжении становится *недостатком*», так и «любой недостаток в своем прямом продолжении становится *достоинством*». Достоинства вопросно-ответной формы занятий следующие: контролируемая преподавателем постепенность, последовательность освоения всех тем курса; необходимость для студентов *обязательно* готовиться к *любому* занятию; более простое усвоение замечаний о кратких ответах студентов. Общее достоинство вопросно-ответной формы – большее влияние на формирование представлений студентов по данному предмету со стороны самой дисциплины, или через ее содержание или благодаря «профессионализму» преподавателя.

Поэтому выбирать приходится между злом «студенческой субъективности» (доклады) или злом «преподавательской субъективности» (вопросы-ответы). Понятно, что меньшее из них - последнее: в любом случае преподаватель, даже самый плохой, профессиональнее подготовлен и соответственно лучше владеет материалом, чем любой самый талантливый студент, изучающий ее. Вопросно-ответная форма проведения семинарских занятий ближе, чем «докладная» форма, к идеалам образовательной деятельности. Есть известный образ, характеризующий отношение учащихся к изучаемому знанию в системе образования: «Ученик - это не сосуд, который должен быть наполнен знанием, а факел, который необходимо зажечь «огнем» знания». Из этого следует, что ученик не должен быть пассивен в учебном процессе, но не любая активность приводит к цели образования. Активность в виде реализации собственных завышенных амбиций и самооценок никакого отношения не имеет к подлинному образованию. Более точен другой *образ*: «Ученик – это бесформенная глина, которая получает идеальную форму только благодаря деятельности учителя». В этом образе наоборот подчеркивается большая доля активности преподавателя, а не ученика в образовательном процессе: ученик – «это бесформенная глина» («форма активна, содержание пассивно» И. Кант). И по поводу этого учащимся нет смысла негодовать. Почему?

Люди привыкли объяснять *свои* действия *из своего* мышления¹. Но в действительности все наоборот: наше мышление обуславливается нашими действиями. А наши действия обуславливаются всем тем, что создано предшествующими поколениями: бытовыми предметами, архитектурными сооружениями, транспортными и информационными коммуникациями, государственными учреждениями, произведениями искусств, идеологией и т. д. – «произведениями работающей руки». Мы еще с детства привыкли подчиняться «предписаниям» окружающих нас предметов (ходить на ногах, а не четвереньках; кушать ложкой и вилок; входить в помещение через дверь, а не стену или потолок и др.), если мы в детстве пытались проявить самостоятельность в использовании окружающих нас предметов, то результат был всегда один – «бо-бо, больно». Мы привыкли к тому, что с реальными предметами нужно обращаться по той *схеме*, которая была заложена нашими предками при создании их. Только почему-то сохраняем иллюзию, что с духовными предметами человеческой деятельности можно поступать по-другому. Но на самом деле, принцип человеческого существования один: «мыслит не сам по себе индивид, а мыслит общество посредством индивида через повторения тех *схем действий*, которые заложены в предшествующих *результатах* человеческой деятельности («произведениях работающей руки»)). Поэтому-то, «ученик – бесформенная глина», и формирование совершенной формы принадлежит не внутренним усилиям самого ученика, а формируется под жестким внешним давлением, учитель – только один из элементов этого внешнего давления, хотя и очень важный для формирования из биологического индивида Человека (человека с большой буквы), *Личности*.

Пример Сократа наглядно это демонстрирует. Его майевтика («родовспоможение») – это помощь извне, помощь учителя, наставника в рождении у его собеседника нового истинного знания, нового более

¹ «Благодаря совместной деятельности руки, органов речи и мозга не только у каждого в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их. Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство. Наряду с торговлей и ремеслами появились, наконец, искусство и наука; из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове – религия. Перед всеми этими образованиями, которые выступали прежде всего как продукты головы и казались чем-то господствующим над человеческими обществами, более скромные произведения работающей руки отступили на задний план, тем более, что планирующая работа голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в простой семье) имели возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу. Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснить их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира. Оно и теперь владеет умами в такой мере, что даже наиболее материалистически настроенные естествоиспытатели из школы Дарвина не могут еще составить себе ясного представления о происхождении человека, так как, в силу указанного идеологического влияния, они не видят той роли, которую играл при этом труд» Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 5. – М., 1986. – С. 511-512.

совершенного состояния («нового человека»). Это «родовспоможение» осуществляется посредством подведения собеседника к осознанию того, что прежнее его состояние уже не соответствует определенной степени совершенства. Через осознанный отказ от прежних своих иллюзий о степени своей собственной совершенности, которое происходит благодаря учителю (внешнему фактору), человек подготавливается к внутреннему прогрессивному развитию (подобный смысл заключен в высказывании «нужно уметь по капле выдавливать из себя раба» - раба своих иллюзий и необоснованных амбиций). Сократовская майевтика – это не что иное, как наше детское «бо-бо», когда мы неверно, не по вложенной схеме действий с окружающими нас предметами, созданными людьми, начинали проявлять самостоятельность. Акт осознания нашей боли приводил нас к пониманию того, что мы поступаем с внешними предметами не самым лучшим, не самым совершенным образом. И после этого мы вынуждены были корректировать свои поступки в соответствии с вложенными схемами действий в «произведениях работающей руки», тем самым поступая более совершенным образом относительно этих предметов, становясь тем самым и сами более совершенными¹.

Семинарские занятия отличаются от лекций большей долей активности студентов: если на лекциях студент «пассивен» (необходимо всего лишь поймать «вылетевшего воробья» в сети письменной речи, при этом не утруждая себя самостоятельным *поиском* этой важной птицы), то на семинарских занятиях добавляется активность в виде самоподготовки к предстоящему занятию. Целью этой самоподготовки является: проверка, через самостоятельное чтение дополнительной литературы, того знания, которое давалось на лекции. И здесь ситуация напоминает случай «погони за двумя зайцами»: один из них – аутентично освоить то, что предложено на лекции (в противном случае не совсем понятно, что собственно проверять: не должно быть ситуации «поди туда, не зная куда, принеси то, не зная что»); другой – проверка на верность того, что предложено на лекциях самой реальной философии. Необходима такая активность студента, чтобы не получилось так, как в продолжении этой поговорки «за двумя зайцами погонишься, ни одного

¹ Более восьми десятилетий большинство отечественных философов используют философию не по тем *схемам*, которые были вложены в нее при создании философии две с половиной тысяч лет назад (например, *Логика* трансформировалась в символическую «логику»; *Метафизика* – в «диамат» или новомодные онтологии, или совсем выброшена из культуры представителями позитивистской идеологии; основной институциональной формой существования философии в российской культуре стало не светское образование, а Академия наук и т. д.). Поэтому философия стала походить на микроскоп, которым единственное что делают – это забивают гвозди. Воспроизведенные несовершенные схемы действий в *Философии* приводят к тому, что современные философы воспитанные на этих схемах действий никак не могут стать настоящими философами: если будущего геометра учить чертить круг по схеме начертания квадрата, то настоящим геометром после этого он уже никогда не будет. За последнее десятилетие не оказалось ни прежних обнаруженных философских произведений, «написанных в стол» и ожидавших своего часа, ни новых философских текстов современных российских философов, которые можно было бы предъявить культуре как нечто ценное для нее. Единственно что за это время улучшилось – это переиздание всего наследия классической философии, русского зарубежья, современных западных философов *и все*. Из современных отечественных авторов *читать*, в подлинном смысле, по философии нечего, в лучшем случае можно быстро перелистать страницы произведений этих авторов.

не поймаешь». Нужно поймать их обоих, а это возможно осуществить только трудом, трудом, трудом... Почему это погоня? Необходима за короткий срок, к следующему семинарскому занятию успеть найти, достать и прочитать массу литературы.

Хотя, лекции являются сердцевиной любого курса, но все же их можно в принципе заменить, напечатанными лекциями (книжным текстом), или развернутой программой, где по каждой теме рекомендуется достаточно литературы и др. А вот отказаться или чем-либо заменить самоподготовку (самостоятельное чтение литературы по изучаемой дисциплине) нельзя. Основой в европейской системе образования является текст: без освоения этого текста образования нет. В европейской, в том числе и отечественной, традициях образования давно существуют различные формы получения высшего образования где все оно опирается на самостоятельное чтение литературы: вечерняя, заочная, дистантная, экстернат – от дневной формы обучения они отличаются меньшей долей лекций (теоретических занятий) и семинарских занятий (практических и лабораторных занятий). Те студенты, которые этот элемент учебы как-то смогли обойти, лишают себя возможности получить в подлинном смысле Образование.

Существует несколько обязательных рекомендаций для успешной самоподготовки учащихся. Необходимо стремиться к тому, чтобы по одному изучаемому вопросу, студент прочитал около *десяти* различных литературных источников, желательно лучших авторов по этому вопросу. Это будет гарантировать хотя бы то, что будет адекватно понят сам вопрос, сама проблема, сама тема (на молодежном жаргоне «въехать, врубиться, попасть в тему»), но этого недостаточно для нахождения верного решения, для этого необходимо на порядок больше прочитать литературы¹. Другие рекомендации касаются как наиболее эффективно *найти, достать, прочитать* эту литературу, а затем и *сохранить* прочитанное. Рекомендации на сей счет общеизвестны, их можно найти в литературе посвященной «Рациональному чтению», «Скорочтению» и т. д. Укажем только на те моменты из них, которые специфичны применительно к Московскому университету.

Исторически так сложилось в России, что с образованием Московского университета (*системы* российского образования) начинали создаваться и публичные библиотеки, и публичные издательства, и публичные музеи и т. д. Поэтому сегодня МГУ располагает крупнейшей в России библиотекой с обширнейшими фондами, несколькими тематическими музеям. В корпусах МГУ продается *вся* литература по специальностям университетского образования (философская литература представлена в *нескольких* точках на первом этаже первого гуманитарного корпуса МГУ на Воробьевых горах).

¹ На самом деле, объем десяти этих источников на практике равняется объему, в лучшем случае, двух произведений: так как первый источник читается весь, второй – половина (пропуская то, что уже было в первом источнике), третий – четверть (пропуская то, что уже было в первом и во втором), и так далее..., а в итоге будет полный объем всего лишь двух источников. В данном пособии по любой теме, частично на лекции, частично на семинарских занятиях, предлагается по десяти (или около того) источников.

Московский университет не отстает и от достижений прогресса, в нем имеются совершеннейшие средства коммуникации («интернет» с большой пропускной способностью), созданы и продолжают пополняться электронные библиотеки университета. Так что сложность состоит не в том, где достать необходимый текст, сегодня этих источников несколько. Проблема в другом - как не утонуть, не потеряться в многообразии возможных вариантов.

И здесь приходится отказаться от массовой иллюзии студентов, что центральным в образовании, в образовательном *процессе* является изучаемое *содержание*. Еще раз повторим: «содержание пассивно», только «форме принадлежит активность», а значит, решающая роль в образовательном *процессе*. Некоторые из форм целенаправленно организованы «свыше»: факультеты, кафедры, библиотеки, расписания занятий, учебные группы и т. д. Но есть формы, которые организовать в учебном процессе должны *сами студенты*. Только из этого не следует, что студент может если ему заблагорассудится, или организовать их, или нет. Хотя это обязанность самого студента, но никакая свобода, вольность недопустима. Эти формы должны быть *обязательно* организованы самим студентом для себя. Это индивидуальные организационные формы в первую очередь самостоятельной работы с учебной и научной литературой.

Вот практическая задача: необходимая литература имеется только в одной, конкретной библиотеке университета не на том факультете где обучается наш студент (в МГУ библиотек много), но этот экземпляр находится в фонде читального зала, заказать ее можно только по предварительной записи, и, самое ужасное, библиотека закрывается в то время, когда студент освобождается после обязательных занятий... Оставим решение этой задачи для читателей как домашнее задание. Пока студент самостоятельно не выработает как бесперебойный технологический процесс организационные формы для подобных ситуаций (а они в реальном учебном процессе постоянны, из них и состоит весь образовательный процесс), до тех пор собственно образования не будет. Это особенно будет бросаться в глаза, если вам придется защищать диссертацию (что для прежних студентов МГУ не редкость, а даже наоборот), то будет проще написать еще раз текст самой диссертации, чем подправлять и улучшать ее по обязательной стандартной форме. Подлинное образование – это не столько приобретение знаний по избранной специальности, которые подвержены изменению, а выработка до автоматизма навыков, организационных форм получения нового знания, навыков работы с текстом, без чего дальнейшее совершенствование в своей профессии не состоится.

Само же семинарское занятие необходимо для того, чтобы «быть хорошей обкаткой текста перед выработкой окончательного варианта», для редактирования того, что предварительно усвоили студенты. Почему это редактирование необходимо? Учащиеся, только осваивают данную дисциплину, следовательно слабо ориентируются в различных ее особенностях, не могут правильно отделить существенно от несущественного и т. д. Необходима помощь специалиста-профессионала (в нашем случае

преподавателя), чтобы студенты правильно поняли прочитанное и усвоенное ранее. А чтобы руководитель семинарских занятий выполнил свою редакторскую функцию, сначала должно быть продемонстрировано то, что студентами усвоено. Для этого и необходимы вопросно-ответная форма семинаров или форма развернутых докладов.

Во всех культурах редакторская правка учителем того знания, которое получил ученик, являлась кульминацией образовательного процесса. Без этого элемента образование не имеет логического завершения. Этот элемент ничем заменить нельзя¹. В связи с этим необходимо четко понимать, что образование – это *индивидуальный* процесс. Хотя лекции и семинарские занятия проводятся в группах, но это всего лишь технологический момент (это некоторая условность), реальное обучение происходит персонально: непосредственно от преподавателя к конкретному студенту. Непонимание этого важного обстоятельства разрушает всю эффективность образовательного процесса. Поэтому студент должен максимально полно использовать личные контакты с преподавателем, которые специально формально-организационно предусмотрены в виде семинарских занятий для этого.

Чтобы семинарские занятия как редакторского правка знаний студентов не пропала даром, «не утекла как вода в песок», следует вести записи тех замечаний и поправок, которые делал руководитель семинарских занятий на ответы любых студентов, примеряя их ситуацию на себя. Пожалуй, только в этом аспекте «примерки ситуации других на себя», оправдывается форма проведения семинарских занятий в группах: появляется момент «учебы на чужих ошибках», до которых сам может быть и не дойдешь.

Экзамен. Он, как и семинарские занятия, требует предварительной подготовки. И здесь действуют те же рекомендации, что и для подготовки к семинарским занятиям. На протяжении всего курса философии при соблюдении всех требований и рекомендаций к нему, студент обязан *четыре - пять* раз обращаться к любой теме курса: на лекциях (1), при подготовке к семинарским занятиям (2), на самом семинарском занятии (3), при подготовке к экзамену (4) и на самом экзамене («5»). Этого вполне достаточно для успешного освоения материала. Естественно, если кто-то из студентов какой-то момент пропустил повторное возвращение к теме, освоение материала становится менее успешным или неуспешным. Опять, подчеркнем, не соблюдения прежде всего формально-организационных «требований» учебного процесса (дисциплины – нормированного поведения), неизбежно приводит к не освоению содержания предмета (дисциплины – науки) – «форма определяет содержание», а не наоборот: «повторение, мать учения».

¹ Ранее уже отмечалось, что любой начинающий ученик оказывается перед входом в лабиринт «человеческих знаний», в который войти очень легко, а вот пройти его весь и не заблудиться, тем более выйти с искомой добычей и по возможности кратчайшим путем – нелегко. Человечество выработало только один эффективный способ в подобной ситуации: найти знающего проводника. Все остальные способы – если и приводят к желаемому, то без понимания, как это получилось, а следовательно, и безрезультатно (повторить самостоятельно еще раз это уже не удастся).

Что касается самого экзамена, то здесь есть ряд подводных камней непосредственно для преподавателей философии на непрофильных факультетах университета. Цель любого экзамена – оценка успешного усвоения пройденного материала, и если материал действительно усвоен, то студент имеет право на продолжение образования на следующем курсе, в следующем семестре. А если результат отрицательный? Например, студент МГУ нефилософского факультета по всем дисциплинам в сессию имеет положительные отметки, а вот по философии получает двойку, пересдача ничего не изменила. Встает, естественно, вопрос об отчислении этого студента за неуспеваемость по философии. Какова реакция руководства данного факультета? А если подобная ситуация может происходить и при поступлении в аспирантуру или на экзамене кандидатского минимума по философии. Каков аргумент в защиту со стороны руководства факультета? Ответ известен: «Он же не собирается быть профессиональным философом!» (читай: «Он и без философии будет специалистом»). Такая аргументация напоминает слова В. Высотского:

«Теперь дозвольте пару слов без протокола,
Товарищ старшина.
Чему нас учит, так сказать, семья и школа,
«Что жизнь сама таких накажет строго».
Тут мы согласны, скажи Серега.
Вот он проснется утром, он сейчас же скажет:
«Пусть жизнь осудит, пусть жизнь накажет».
А вы отпустите, вам же легче будет,
Ну чего возиться, раз жизнь осудит.
Вы не глядите, что Сережа все кивает,
Он соображает, он все понимает.
А что молчит, так то от волненья,
От осознанья, так сказать, и просветленья».

И здесь есть принципиальные моменты как для самой философии, так и для наук по профилю этих факультетов. Для философии принципиальный момент состоит в том, что здесь проявляется общекультурная негативная ситуация к философии в современной России. Хотя в чистом виде прежний советский «диамат» особенно в стенах Московского университета большая редкость, но до сих пор осколки его присутствуют в различных учебных курсах философии в стране, или замещены не намного лучшими философскими конструкциями (уже отмечалось: позитивизмом, аналитической философией, постмодерном и т. д.), но овладение подобной философией, естественно, в лучшую сторону не сказывается на специализации в конкретных естественнонаучных дисциплинах, а даже наоборот, порождает в них «перманентный кризис». Это ситуация известна – «с чем боролись, на то и напоролись»: выбросив идеализм и метафизику из советской философии, остался только стихийный материализм, затем с отказом от материализма (так как кроме вреда от него ничего не получалось в культуре – от него было толку также, «как от козла, молока»), фактически отказались в культуре и от философии вообще (чему свидетельствуют примеры с экзаменами по

философии, точнее реакции на них со стороны руководства некоторых факультетов). Боролись с Философией на ее уничтожение, а теперь философия не нужна в культуре: сначала убрали следствие, а причина сама исчезла (как в криминальной истории, «пулю не нашли, значит выстрела не было, а человек при этом умер от огнестрельного ранения *естественной* смертью!!!??? ...»).

Для конкретных наук – философы в подобной ситуации превращаются в некоторое препятствие. Самый *простой* способ для философии воздать по заслугам нерадивым ученикам-нефилософам, поставить им так желанную тройку и пускай становятся «специалистами»¹. Европейская культура (история науки, история искусства, политика и др.) демонстрирует одно, без *достаточной* Философской культуры профессиональным специалистом не стать. Кто-то считает обратное с упорством достойного лучшего применения, то им можно посоветовать одно: «Не заниматься наукой, истинным познанием». Если человек бьется необдуманно о стену головой и при попытке остановить его, он бросается на вас за то, что вы ему мешаете продолжать это делать, то какой смысл мешать ему. Он все равно в порыве своего помешательства ничего не поймет, а только сначала угробит вас, а затем и себя. Зачем мешать «профессионалам» в какой-то области становиться еще более «профессиональными»? Классическая европейская философия всегда упор делала на разум, на рациональные моменты, поэтому только разумные, вменяемые люди являются «пациентами» философии. Все прочие субъекты – пациенты других наук и других учреждений. Глупость и дурь разумом не перешибешь: «плетью обуха не перешибить». Для тех, у кого голова «тупой, ударный» предмет, им разумные аргументы не помогут. Но брать философам на себя из-за них роль в культуре «санитаров леса», а потом чтобы нами пугали «детюшек» на ночь, думается, философия этого совсем не заслуживает. Необходимо любить и уважать философию и нести с достоинством свой профессиональный крест на «голгофу» человеческой культуры, тот крест на котором «благодарные» *биологические индивиды* собираются распять (исторически уже давно распяли) нас на всеобщее обозрение. Если Иисус, по библейскому преданию, сын Божий, то *исторически* Философия – единственная законнорожденная «дочь» Человечества, та, которая в дальнейшей человеческой культуре стала «матерью» другим ее важнейшим элементам (например, христианской религии и науке). И этого никогда нельзя забывать.

И еще по поводу «забывчивости». Экзамен завершает курс философии, значит, что-то должно остаться в прошлом, а что-то сохраниться на будущее после него (речь, конечно, должна идти о философском *содержании*). Для тех, кто будет в будущем учиться в аспирантуре или сдавать кандидатский экзамен по философии, – «забывчивость» абсолютно противопоказана. Чтобы этого не

¹ Не следует читая это, делать вывод, «Что тройку все равно получите, не бойтесь». Речь идет о том, что *выставлением* положительных или отрицательных оценок студентам ситуация в отношении к философии в современной культуре никак **не изменится**. Восприятие *настоящей, серьезной* Философии, а в след за этим и постепенное улучшение отношения к ней в культуре реально происходит по-другому, не через экзамен, не через оценки полученные на нем.

случилось, существует проверенный способ, записи в виде конспектов прежних занятий, которые можно будет через несколько лет расшифровать и понять. Для всех остальных важны два аспекта.

Первый аспект – это сохранение на будущее *достигнутой* цели нашего курса, «Что такое Философия?» (*полученное обоснованное представление о классической европейской традиции философии*). Этого забывать нельзя. А вот проверку этого на истинность, *доказательство* эмпирическим конкретно-историческим материалом философии, можно со временем забыть. Это точно так же, как при изучении в школе теорем геометрии: когда мы их только осваивали, мы заучивали формулировку самой теоремы и разбирали доказательство ее, но затем доказательство забывалось, оставалось знание точной формулировки самой теоремы.

Второй аспект – он более объемный по содержанию чем первый аспект, и связан с той функцией философии, которую она выполняет в культуре (для вас наиболее важна «функция философии в науке, научном познании»). Но сначала развеим общую иллюзию о философии. Профессиональная философия прошла этап своего младенчества, когда по «философии можно было жить» (например, Диоген Синопский, жил в бочке не из-за жилищных проблем, а в соответствии со своей кинической философией). Сегодня так поступать с философией – все равно что «из пушки стрелять по воробьям»: внешнего шума, внешнего эффекта много, а реального результата нет. На личном, индивидуальном уровне реально сегодня без философии не обойтись только в своей *узко профессиональной деятельности*, когда в ней достигнуты наивысшие прежние результаты и критически ощущается недостаточность их, когда требуются принципиальные новаций для нее. Когда наступает «теоретический кризис» данного вида деятельности и кому-то «посчастливилось» попасть в узкий круг специалистов, которым предстоит вывести эту деятельности из кризиса, только тогда без философии, профессиональной, настоящей философии не обойтись. И еще один случай, но он во многом произведен от выше представленного, для овладения глубинами какой-либо деятельности, которые всегда опираются на те или иные философские системы, необходимо их знать и разбираться в чем их слабость-сила. Знание философских систем, лежащих в основании теоретических принципов данной деятельности позволяет достичь подлинного профессионализма в ней. К этим рассуждениям не следует относиться как к тому, что «каждый кулик свое болото хвалит», такая роль и функция философии обусловлена *объективной природой категорий*, что и является подлинным предметом философской деятельности.

«Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (которые представляют собой не только отрывочные взгляды, но и мешанину

из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, - то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений. Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями»¹.

Умение вычленять ту или иную философскую концепцию у любого автора неважно по какой дисциплине – это самое главное и ценное, что должно остаться от курса философии. Но, сегодняшнее состояние культуры, в ее формально-организационных элементах не позволяет в рамках современного учебного процесса, даже в стенах Московского университета, практически это отработать². Данные условия позволяют только теоретически познакомиться с ними на образцах творчества создателей, родоначальников этих философских концепций. Практическое освоение их возможна при самостоятельной работе выпускников вузов. Покажем на примере, чему должны научиться *сами* студенты после курса философии, каким практическим навыком они должны овладеть.

«В последние годы я редко соглашаюсь читать лекции по философии и делаю это с большой неохотой. Причина простая: **я не знаю, что читать**. Когда-то я читал диалектический материализм и знал, что могу спрашивать со своих студентов. Ну да, сейчас у меня есть возможность прочесть курс лекций по русской философии или по философии Канта, по философии позитивизма или прагматизма, по философии науки или, наконец, этике. Но, по-видимому, я должен читать курс лекций не по какому-то одному разделу философии или философскому направлению, а по **философии вообще, просто по философии!** Но что это такое – философия вообще? Или такой вопрос лишен смысла?... Философы Средневековья почти триста лет спорили о том, существует ли

¹ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг» // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 5. – М., 1986. - С. 538-539. Данная мысль параллельна позиции Гегеля: «*Последовательное* проведение эмпиризма... отрицает вообще сверхчувственное или по крайней мере познаваемость и определенность последнего и оставляет за мышлением лишь абстракцию, формальную всеобщность и тождество. Основная ошибка научного эмпиризма состоит всегда в том, что он, пользуясь метафизическими категориями – материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т. д. – и руководствуясь такими категориями, пользуясь формами умозаключения и исходя из них как из предпосылок, не знает при этом, что сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он, таким образом, пользуется этими категориями и их сочетаниями совершенно не критично и бессознательно» (Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М., 1975. - С. 149.)

² Неслучайно в рамках классической системы европейского образования все студенты сначала учились несколько лет на философском факультете университета, отрабатывая как теоретические знания, так и практические навыки по философии, и только после успешного завершения философского факультета получали возможность дальнейшей специализации. Сегодня все это давно (полтора столетия) разрушено.

наряду с конкретными людьми – Петром, Павлом или Бонифацием – еще и человек вообще, просто **человек** (когда сегодня я слышу разговоры о правах **человека** или об **общечеловеческих** ценностях, мне вспоминаются эти давние споры)»¹.

Необходимо в данном тексте увидеть те «очки» (иногда это называется или «категориальной сеткой», или «априорными формами познания», или «врожденными идеями» и др.), через которые А.Л. Никифоров смотрит на «Природу философии». Необходимо видеть, что эти «очки» определенным образом *искажают* (в данный момент неважно в какую сторону происходит искажение, в лучшую или в худшую, но оно имеет место быть) сам предмет исследования еще до его начала. Знакомым с историей философии не составит труда определить какой марки эти «очки». Это «очки» производства «номинализма». С позиции которого реально существуют только единичные предметы, а общее в них – это наши фантомы и, следовательно, в действительности они не существуют. Известно, как эти «очки» уважаемый профессор приобрел, в каком «супермаркете». На протяжении более тридцати лет Александр Леонович занимался «логическим позитивизмом», «аналитической философией», «постпозитивизмом» и т. д.². Эти философские направления продолжают линию новоевропейского эмпиризма, предшественником которого является средневековый номинализм.

В данном примере не так сложно вычленить философскую концепцию, так как в последнем предложении приведенной цитаты, она явно выражена. А в приведенных выше определениях категории «материя» В.И. Власюка и С.Т. Мелюхина или точке зрения С.В. Пролеева на философию это не так легко сделать. Только, не нужно думать по этим примерам, что эти «очки» носят исключительно философы. Эти «очки» носят *все* без исключения люди, знание истории классической философии как раз и позволяет обнаружить их. Поэтому, если вы не можете обнаружить этих «очков» у любого автора по любой дисциплине, то вы просто незнакомы или плохо владеете классической философской традицией и, как следствие из этого, *постоянно* будете в **плёну** различных *иллюзий*, **неправильного отношения к действительности**. Без правильного, грамотного, специального подбора философских «очков» (как известно, бывают случаи когда необходимы разные очки, одни для чтения текстов, другие для «повседневных» дел, есть защитные очки от солнца и т. д.) вам подлинного профессионализма в своей специализации «не видать как собственных ушей».

Может возникнуть резонное возражение: «Вы агитируете за умение практически владеть философией. Но известно, что многие виды деятельности требуют ими определенных задатков, способностей. Может быть, мы не обладаем ими в достаточной мере». На этот счет беспокоится не следует: «философами не рождаются - философами только становятся благодаря

¹ Никифоров А.Л. Природа философии: Основы философии. – М., 2001 - С. 11-12.

² Там же. - С. 7-10.

систематическим занятиям¹». Умение разумно мыслить, что составляет сердцевину философских навыков, дается нам не из биологической или физической природы, а дается исключительно посредством человеческой культуры. Всякого рода разговоры некоторых естествоиспытателей о влиянии на мыслительную деятельность «правого или левого полушария головного мозга» и другие подобные суждения - воспаленный бред «младенческих» иллюзий *малообразованных* членов научного сообщества. В человеческой природе нет ни «генов гениальности», ни «генов тупости», все эти «гены» находятся в культуре. Мышление принадлежит не физической сфере, а исключительно метафизической сфере². Единственная *существенная* черта мышления,

¹ Поэтому подлинный философский профессионализм приходит с годами: **в философии вундеркиндов не бывает**. Можно привести два исключения, которые лишь подтверждают правило: Юм и Шеллинг. Оба этих философа рано проявили свой философский «талант» (к 20-25 годам). Но Юм из-за умственного перенапряжения в занятиях философией, истощил свои неокрепшие молодые силы, заболел «душевным расстройством» и дальше как философ не развивался. Шеллинг, привыкший с молодости быть на несколько шагов дальше и выше своих сверстников, очень рано созрел как философ и на некоторое время стал «лидером» немецкой философии. Но его друг, однокашник Гегель (по возрасту старше Шеллинга, но лидером в их дружбе был последний) выступил с критикой недостатков философии Шеллинга... Шеллинг так и не смог справиться с психологическим комплексом «лидера», лидером в немецкой и мировой философии уже стал Гегель. Шеллинг еще долго всем и в первую очередь себе доказывал что он «круче» Гегеля. Эти примеры демонстрируют то, что хотя Юм и Шеллинг еще в молодые годы стали «классиками» европейской философии, но классиками *первой* величины в философии оказались другие. Для людей бремя философии, тяжелый груз.

Юности хочется все и сразу, но навыки истинного познания вырабатываются на протяжении нескольких *десятков* лет, и никаких ускоренных методик здесь не существует (даже в современной отечественной традиции, формально-организационно, чтобы подняться до *минимального* уровня «мастерства» по избранной специализации, требуется 8 лет: 5 лет учебы в Вузе и 3 года аспирантуры. Но те, кто это прошел, со временем понимают, что их кандидатская работа по исследуемому предмету - это *содержательно* «детский лепет»). Это не исключительная черта только философии, это присуще всем без исключения *подлинным* степеням мастерства в любой человеческой деятельности. Примеры современного «большого» спорта с его тенденцией омоложения результатов не показательны. Эти примеры лишь повторяют судьбу философа Д. Юма.

² По этому поводу интересно замечание Гегеля: «Столь же тщетно появившееся в новейшее время стремление исследовать посредством микроскопа внутреннюю сторону органического мира, души, и узнать, что там кроется, посредством заглядывания и ощупывания. Первоначало, как единица, носит, таким образом, всецело идеальный характер, но не в том смысле, что оно существует лишь в мысли, в голове, а в том смысле, что мысль представляет собой истинную сущность вещей» (Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб., 1993. - С. 306).

«Первоначало» - это *понятие, категория, идея* (мысль – «истинная сущность вещей»), и, следовательно, мозг не является источником его: в самом человеческом мозге *мышления* («абстракции») нет. Сколько «посредством заглядывания и ощупывания» ни исследуй мозг, «первоначало», как и «членораздельную речь» в нем не обнаружить. В самом *мозге* «истинной сущностей вещей» **нет**. «Истинная сущность вещей» находится в *другом месте* – это еще Спиноза обосновал при критике дуализма Декарта. Если перефразировать известную удачную пародию солипсизма Беркли («сбесившееся пианино, считающее, что оно само порождает музыку и ноты»), то «мозг *идеи* (мысли), *язык* (членораздельную речь) не творит, мозг это только «инструмент», с помощью которого *идеи* (мысли), *язык* (членораздельная речь) начинают «озвучиваться». Конечно, без инструмента музыка звучать не будет, но «Что было раньше - курица или яйцо?». Подлинным творцом и исполнителем мыслей и языка, как уже отмечалось, является *общество*. Ф. Энгельс писал: «Суверенно ли человеческое мышление? Прежде чем ответить «да» или «нет», мы должны исследовать, что такое человеческое мышление. Есть ли это мышление отдельного единичного человека? Нет. Но оно существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов

сущность мышления – возможность познавать любые предметы по *истине*; проблема истины – исключительно метафизическая проблема, что и оправдывает существование *философии* в человеческой культуре. «**Философия – это мышление о мышлении**», и центральный, основной вопрос ее: «Как соотносятся Бытие и Мышление между собой?», «Как возможно тождество между ними: по другому это тождество – *истинное познание?*¹».

Единственный возможный совет для тех, кто стремится приобрести философскую культуру (грамотно подобрать «очки» для себя), давно известен.

прошедших, настоящих и будущих людей... Мы имеем здесь... противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как ограничена» (Ф. Энгельс. «Диалектика природы». Заметки и фрагменты. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 5. – М., 1986. - С. 557). Еще с античности, со времен Софистов, общество (вслед за ним познание и язык) понималось как противоположное естественной природе, физике, что повлекло за собой революцию как в философии, так и во всей духовной культуре Европы. И в этом смысле даже Христианская религия «на порядок точнее» (слабость религии в понимании этих предметов – переход в мистику, но даже эта мистичность совершеннее) в понимании общества, мышления и языка, чем «*современная наука*» (только какая она после этого *Наука?*). «Между этими древними греками и нами лежит более двух тысячелетий идеалистического по существу мировоззрения... (-) дело идет тут отнюдь не о простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, а о критике, о вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы, из этой преходящей формы» (Ф. Энгельс). Общество, мышление, язык – сверхприродные (*чувственно-сверхчувственные*) сущности: без *метафизики* и совершенной *Логики (диалектики)*, «линии тотальности (всеобщности)», подлинное исследование общества, мышления, языка несостоятельно – это подтверждает история культуры.

«Мыслит, и не «Я» само по себе, и не мозг индивида сам по себе. Мыслит исключительно человек с помощью мозга, притом в *единстве с природой и контакте с ней*, одновременно с этим мыслит лишь человек, находящийся в *единстве с обществом*, с производящим свою материальную и духовную жизнь общественно-историческим коллективом. Человек, изъятый из сплетения общественных отношений, внутри и посредством которых он осуществляет свой человеческий контакт с природой, мыслит так же мало, как и мозг, изъятый из тела человека» (Э.В. Ильенков). Поэтому «линии индивидуальности», которая безраздельно господствует в современном естествознании, не по зубам исследование мышления (да и любых сложных объектов). Современное естествознание осуществляет только исключительно одну *редукцию*, сводя **все** мышление к одному незначительному *элементу* его. «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозге; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» (Ф. Энгельс). Это происходит потому, что естествоиспытатели бессознательно или осознанно находятся в плену атомистически-номиналистически-эмпирически-позитивистской *философии*, идеологии. Незнание *Философии* превращает современных ученых в **лжеисследователей**. И это не метафора и не эпитет; это реальное состояние современной науки: например, кибернетика с ее в прошлом претензией на новое исследование мышления, является *лженаукой*, сегодня она осталась лишь в названиях, например, в названии факультета ВМК МГУ, факультета Вычислительной математики и кибернетики, но это по причине исторической инерции. То же самое произошло с «искусственным интеллектом», «системными исследованиями» и т. д., к подобному состоянию подошла «когнитивная наука», «символическая логика» как *Логика*, и др.).

¹ То, что *истинное* познание есть, а значит, есть тождество между бытием и мышлением, еще Рене Декарт *доказал* (именно доказал, а не показал: множество показов было и до него). До сих пор никто не смог опровергнуть его известное решение проблемы «Сомнения» принципом «*Cogito ergo sum*». Правда, Декарт не смог объяснить, на основании чего происходит это тождество – декартовская проблема дуализма между протяженной и мыслящей субстанциями («психофизическая проблема»).

Как завещал нам один известный классик; «**Учиться, учиться и учиться... настоящим образом**». А это не что иное, как «**Труд, Труд и Труд... без халтуры**» («Гора родила мышь»!!!). «Учеба - *самый* тяжелый труд на свете» - тяжелый из-за того, что приходится преодолевать «сложность» самого изучаемого материала и, самое главное, преодолевать свое собственное «сопротивление», своей лени, своих завышенных самооценок и иллюзий, своего неумения, своей юношеской поспешности («юность во все времена торопилась жить») и т. д. Только научившись по-настоящему «учиться», приобретя умение находить в предшествующей человеческой культуре нужное знание, можно научиться по-настоящему раскрывать тайны природы и тайны человеческой истории. И. Ньютон отмечал, «что если содержание «книги природы» по объему занимает «море», то содержание «книги культуры» (предшествующих знаний человечества) – “океан”». Если кто-то научился ориентироваться и плавать в океане, то тому и «море по колено»: «тяжело в учении, легко в бою». Только при этом не следует уподобляться «пьяному» (в нашем случае – это *иллюзии* по поводу своих «совершенных» знаний и возможностей), которому, как известно, тоже море по колено. «Не зная броду, не суйся в воду» - не зная апробированных человечеством эффективных приемов *Истинного познания*, не суйся в исследование любых предметов, результат будет один – «утонешь». Но если это только с тобой произойдет – поделом тебе, если же за тобой, по твоему примеру последуют другие, то это *трагедия*. Нужно помнить слова А. Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех кого приручили».

5. Примерный план лекционного курса «Философия» для химического факультета

72 часовой план лекционного курса по философии

I семестр (осенне-зимний)

Лекция 1: Тема - «Введение в философию».

Вопросы¹:

1. Организационные аспекты курса.
2. Философия, ее специфика и место в культуре.
3. Структура философского знания. Историческое изменение проблематики и структуры философского знания.
4. Генезис (становление) философии. От мифа к логосу.

Литература²:

1. «Философия» (1 часть), «Мифология» // Философская энциклопедия. В 5 т. - М., 1960/70.
2. Введение в философию. В 2 ч. Ч. 1. – М., 1989. – Гл. 1.
3. О природе и особенности философского знания // Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. – М., 1973. - С. 318-337.
4. Философия и молодость // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991. - С. 18-30.

¹ Важно иметь в виду некоторые особенности вопросов, их отличие и сходство в трех основных элементах нашего курса философии: лекциях, семинарских занятиях и экзамене. Хотя содержательно объемы вопросов лекций, семинарских занятий и экзамена во многом пересекаются, тем самым делая целостным весь наш философский курс, но, есть и ряд принципиальных различий. Во многом эти различия обусловлены целями этих трех формально-организационных элементов курса. Лекции призваны заложить скелет, каркас нашего курса, первостепенное, «целое» в философии. «За деревьями увидеть лес», философский *лес* - главная задача лекций. Семинарские занятия позволяют набрать в предварительной подготовке «мясо», «тело» философии по тому «каркасу», «скелету», который был дан на лекциях: на первое место выходит уяснение того, что из себя представляет «каждое философское дерево» или «философская порода деревьев» в отдельности. Экзамен должен проверить знания и через эту проверку подготовить студентов к восприятию философии в дальнейшей жизни: в быту, в профессиональной деятельности, в аспирантуре и т. д. Поэтому экзаменационные вопросы в наибольшей степени несут на себе печать традиции, печать общепринятых формулировок. Вопросы семинарских занятий – больше всего подвержены авторскому влиянию, скорректированному «объективными» моментами «времени», «места» и «студенческого материала». Вопросы лекционного курса занимают промежуточное положение, между вопросами экзамена и вопросами семинарских занятий: они «традиционно-авторские».

² Предлагаемая литература, как и вопросы к различным элементам нашего курса, имеют ряд особенностей. Литература к лекциям связана с тем, что дается на лекциях: большая часть лекции строится на основе этой литературы, знание ее позволяет восстановить, уточнить, проверить то, что по каким-либо причинам не было воспринято на лекциях. Литература к семинарским занятиям дополняет ту литературу, которая использовалась на лекциях. Знание содержания всех этих источников должно стать базой для эффективного освоения нашего курса философии. Для настоящего успешной сдачи экзамена по нашему курсу, *желательно* познакомиться со всей предложенной литературой, но необходимый *минимум* работ по нашему курсу представлен в разделе № 8 («Список литературы и электронных текстов...») этого пособия – его должно быть достаточно для успешной (успешной считается оценка выше «2», в том числе и «3») сдачи экзамена.

5. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (становление греческой философии). – М., 1972.

Лекция 2: Тема - «Начало античной философии».

Вопросы:

1. Проблемы и принципы «истории философии» как науки.
2. Исторические периоды античной философии.
3. Первые философы. Понятия «природа» и «архе» в досократической мысли.
4. Проблема первоначала в милетской школе.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В трех книгах. Книга первая. - СПб., 1993.
2. Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. – СПб., 1994.
3. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (становление греческой философии). – М., 1972.
4. Богомолов А.С. Античная философия.
5. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981.
6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1 / изд. подгот. А.В. Лебедев. – М., 1989.

Лекция 3: Тема - «Италийская философия: проблема единства и многообразия первоначала».

Вопросы:

1. Пифагор и ранний пифагореизм.
2. Элейская школа – становление метафизики и логики.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В трех книгах. Книга первая. - СПб., 1993 г., С. 220-302.
2. Богомолов А.С. Античная философия.
3. Чанышев А.Н. Италийская философия. – М., 1975.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1 / изд. подгот. А.В. Лебедев. – М., 1989.

Лекция 4: Тема - «Гераклит, физика сер. V в. до н. э.: проблема становления».

Вопросы:

1. Объективная диалектика Гераклита.
2. Физика Эмпидокла.
3. Физика Анаксагора.

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. Гераклит. – М., 1982.
2. Семушкин А.В. Эмпедокл. – М., 1985.
3. Рожанский И.Д. Анаксагор. – М., 1983.
4. Богомолов А.С. Античная философия.

Лекция 5: Тема - «Демокрит – вершина и конец античной физики».

Вопросы:

1. Жизнь, традиция, наследие.

2. Атомистическая концепция.
3. Душа и познание.
4. Человек, общество, мораль.

Литература:

1. Виц Б.Б. Демокрит. – М., 1979.
2. Богомолов А.С. Античная философия.
3. Виндельбанд В. История древней философии. – Киев., 1995.

Лекция 6: Тема - «От физики к этике – греч. просвещение».

Вопросы:

1. Философский дух второй половины V в.
2. Софистика как философское движение, значение ее в греческой культуре.
3. Философия софистов на примере Протагора и Горгия.

Литература:

1. Маковельский А.О. Софисты. – Баку, 1940-1941. Ч. 1-2.
2. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985.
3. Гегель. Лекции по истории философии. Книга 2. – СПб., 1994.

Лекция 7: Тема - «Сократ».

Вопросы:

1. Жизнь и деятельность Сократа.
2. Философия Сократа: ирония, майевтика, индукция, определение, этика.
3. Сократические школы.

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. Сократ. – М., 1976.
2. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985.
3. Гегель. Лекции по истории философии. Книга 2. – СПб., 1994.

Лекция 8: Тема - «Платон».

Вопросы:

1. Эпоха, жизнь, сочинения.
2. Учение об «идеях».
3. Учение об обществе и государстве.

Литература:

1. Асмус В.Ф. Платон. – М., 1975.
2. Виндельбанд В. Платон. – Киев., 1993.
3. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985.
4. Гегель. Лекции по истории философии. Книга 2. – СПб., 1994.

Лекция 9: Тема - «Аристотель – первая систематизация знания».

Вопросы:

1. Жизнь и сочинения Аристотеля.
2. «Метафизика» - первая философия.
3. Аристотель – создатель теоретической логики.

Литература:

1. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 1. Античность. - СПб., 1997.

Лекция 10: Тема - «Эллинистическо-римская философия».

Вопросы:

1. Общая характеристика эпохи.
2. Эпикуреизм.
3. Стоицизм.

Литература:

1. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 1. Античность. - СПб., 1997.
3. Льюис Дж.Г. Античная философия: от Евклида до Прокла. – Минск, 1998.

Лекция 11: Тема - «Разложение античной философии».

Вопросы:

1. Скептицизм и эклектика.
2. Неоплатонизм – замена «Разума» «Верой».

Литература:

1. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 1. Античность. - СПб., 1997.
3. Льюис Дж.Г. Античная философия: от Евклида до Прокла. – Минск, 1998.

Лекция 12: Тема - «Средневековая философия».

Вопросы:

1. Общая характеристика средневековой философии.
2. Теоцентризм средневековой культуры.
3. Соотношение веры и разума – центральная проблема средневековой философии.

Литература:

1. Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 2. Средневековье. - СПб., 1995.
3. История философии: Запад - Россия - Восток (книга первая: Философия древности и средневековья - М., 1995) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.

Лекция 13: Тема - «Патристика».

Вопросы:

1. Философия и учение отцов христианской церкви.
2. Августин Блаженный.

Литература:

1. Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 2. Средневековье. - СПб., 1995.
3. История философии: Запад - Россия - Восток (книга первая: Философия древности и средневековья - М., 1995) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.

Лекция 14: Тема - «Схоластика».

Вопросы:

1. Общая характеристика схоластики.
2. Фома Аквинский и доказательство «бытия Бога».
3. Спор об универсалиях.

4. Схоластический метод исследования.

Литература:

1. Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 2. Средневековье. - СПб., 1995.
3. История философии: Запад - Россия - Восток (книга первая: Философия древности и средневековья - М., 1995) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
4. Боргош Ю. Фома Аквинский. – М., 1966 г.

Лекция 15: Тема - «Возрождение (ренессанс)».

Вопросы:

1. Характеристика эпохи.
2. Гуманизм.
3. Реформация.
4. Научная революция.

Литература:

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 2. - СПб., 1995. Т. 3 – СПб., 1996.
2. История философии: Запад - Россия - Восток (книга вторая: Философия XV-XIX вв. - М., 1996) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
3. Тарнас Р. История западного мышления. – М.,1995.
4. Философская энциклопедия (соответствующие статьи). В 5 т. – М., 1960/70.
5. Виндельбанд В. История философии. – Киев, 1997.

Лекция 16: Тема - «Философская революция (становление Новоевропейской философии пер. пол. XVII века)».

Вопросы:

1. Общая характеристика Новоевропейской философии.
2. Проблема субстанции.
3. Философия Ф. Бэкона
4. Философия Р. Декарта.

Литература:

1. История философии: Запад - Россия - Восток (книга вторая: Философия XV-XIX вв. - М., 1996) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
2. Гегель. Лекции по истории философии (Книга третья). – СПб., 1994.
3. Бур М., Ирриц Г. Притязание разума. – М., 1994.
4. Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. – СПб., 1994 г.
5. Философская энциклопедия (ст. «Субстанция»). Т 5. – М., 1970.

II семестр (зимне-весенний)

Лекция 17: Тема - «Философия английского эмпиризма».

Вопросы:

1. Материализм Т. Гоббса.
2. Сенсуализм Дж. Локка.
3. Идеализм и солипсизм Дж. Беркли.
4. Скептицизм и агностицизм Д. Юма.

Литература:

1. История философии: Запад - Россия - Восток (книга вторая: Философия XV-XIX вв. - М., 1996) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
2. Гегель. Лекции по истории философии (Книга третья). – СПб., 1994.
3. Бур М., Иррилиц Г. Притязание разума. – М., 1994.
4. Мееровский Б.В. Томас Гоббс. – М., 1975.
5. Заиченко Г.А. Джон Локк. – М., 1988.
6. Быховский Б.Э. Джордж Беркли. – М., 1970.
7. Нарский И.С. Давид Юм. – М., 1973.

Лекция 18: Тема - «Прометей» новоевропейской мысли. (Стоик Нового времени).

Вопросы:

1. Жизнь Спинозы.
2. Учение о субстанции.
3. Учение о мышлении.

Литература:

1. История философии: Запад - Россия - Восток (книга вторая: Философия XV-XIX вв. - М., 1996) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
2. Гегель. Лекции по истории философии (Книга третья). – СПб., 1994.
3. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 3 – СПб., 1996.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории, 2-е изд. – М., 1984.

Лекция 19: Тема - «Философия разума».

Вопросы:

1. Жизнь и философия Лейбница.
2. Немецкое просвещение. Школа Х. Вольфа.

Литература:

1. История философии: Запад - Россия - Восток (книга вторая: Философия XV-XIX вв. - М., 1996) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
2. Гегель. Лекции по истории философии (Книга третья). – СПб., 1994.
3. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 3 – СПб., 1996.
4. Нарский И.С. Лейбниц. – М., 1972.

Лекция 20: Тема - «Французская философия XVIII века».

Вопросы:

1. Французский материализм.
2. Французское просвещение.

Литература:

1. История философии: Запад - Россия - Восток (книга вторая: Философия XV-XIX вв. - М., 1996) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 3 – СПб., 1996.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т., Т. 1. – М., 1984. («Святое семейство»).

4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – М., 1985.
5. Кочарян М.Т. Поль Гольбах. – М., 1978.
6. Богуславский В.М. Ламетри. – М., 1977.
7. Длугач Т.Б. Дени Дидро. – М., 1975.

Лекция 21: Тема - «Общая характеристика классической немецкой философии».

Вопросы:

1. Что относится к классической философии в немецкой культуре?
2. Исторический и социокультурный контекст развития немецкой классической философии.
3. Немецкая классическая философия: единство и многообразие.
4. Влияние немецкой классической философии на Европейскую культуру XIX - XX вв. Историческое значение немецкой классической философии.

Литература:

1. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии - М., 1994. - (впервые опубликован на франц. языке в 1834 г.).
2. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии - М., 1985. - (впервые опубликован на немецком языке в 1886 г.).
3. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. - М., 1993. - (впервые опубликована на немецком языке в 1909 г.).
4. Философская энциклопедия. Т.4 - М., 1967. – С. 23-27 (ст. «НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ», раздел «Классическая философия»).
5. Бур М., Ирриц Г. Притязание разума: из истории немецкой классической философии и литературы - М., 1978.
6. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII - начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов. - М., 1989.
7. История философии: Запад - Россия - Восток (книга вторая: Философия XV-XIX вв. - М., 1996) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой. - 313-494 с.

Лекция 22: Тема - «Идея автономности (независимости) и активности субъекта – ядро философии Канта и Фихте».

Вопросы:

1. Основная проблема немецкой классической философии поставленная Кантом.
2. От этического идеала французского просвещения к идеалу «категорического императива».
3. Активная роль субъекта в процессе познания у Канта.
4. Самодеятельность и самоопределяемость мыслящего «Я» Фихте.

Литература:

1. История философии. Т. 3. – М., 1943.
2. Бур М., Ирриц Г. Притязание разума: из истории немецкой классической философии и литературы - М., 1978.
3. Ильенков Э.В., Об идолах и идеалах. – М., 1968. – С. 68-152.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., М., 1984. – с. 55-148.

Лекция 23: Тема - «Взаимоотношение диалектики и логики – центральная проблема классической немецкой философии».

Вопросы:

1. Принцип деятельности в философии Фихте и Шеллинга.
2. Недостатки кантовско-фихтевской позиции.
3. Философия тождества Шеллинга.
4. Соединение диалектики и логики у Гегеля.

Литература:

1. История философии. Т. 3. – М., 1943.
2. Бур М., Иррилиц Г. Притязание разума: из истории немецкой классической философии и литературы - М., 1978.
3. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., М., 1984.
4. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.

Лекция 24: Тема - «Вершина, конец и новая жизнь диалектики».

Вопросы:

1. Гегель и конец старой философии.
2. Человек вместо бога, абсолюта, понятия – вот принцип философии будущего.
3. Критика гегелевского идеализма и отбрасывание диалектики Фейербахом.
4. Коммунизм и диалектика. Материалистическая диалектика К. Маркса.

Литература:

1. История философии. Т. 3. – М., 1943.
2. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., М., 1984.
3. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.
4. История философии: Запад - Россия - Восток (книга третья: Философия XIX-XX вв. - М., 1998) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.

Лекция 25: Тема - «Современная философия».

Вопросы:

1. Общая характеристика «современной философии».
2. Философия с 70 гг. XIX в. до первой мировой войны.
3. Философия после первой мировой войны до наших дней.
4. Философия в России.

Литература:

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.
2. История философии: Запад - Россия - Восток (книга третья: Философия XIX-XX вв. - М., 1998) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
3. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. - М., 1993.
4. Огурцов А.П. От натурфилософии к теории науки. – М., 1995.

Лекция 26: Тема - «Философия позитивизма».

Вопросы:

1. Возникновение и развитие позитивизма («первый позитивизм»).
2. Эмпириокритицизм («второй позитивизм»).
3. Неопозитивизм («третий позитивизм»).
4. К. Поппер и постпозитивизм («четвертый позитивизм»).

Литература:

1. История философии: Запад - Россия - Восток (книга третья: Философия XIX-XX вв. - М., 1998) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
2. Огурцов А.П. От натурфилософии к теории науки. – М., 1995.
3. Никифоров А.Л. Философия науки. – М., 1998.
4. Современная западная философия: Словарь. – М., 1991.
5. Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. Ч. 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. – М., 1991. - С. 57-65 (О. Конт).

Лекция 27: Тема - «Иррационализм, философия жизни, религиозная философия».

Вопросы:

1. Артур Шопенгауэр: мир как воля и представление.
2. Сёрен Кьеркегор: индивид как «причина христианства».
3. Философия Ницше.

Литература:

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.
2. История философии: Запад - Россия - Восток (книга третья: Философия XIX-XX вв. - М., 1998) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.

Лекция 28: Тема - «Рационализм и идеалистическая диалектика в Западноевропейской философии XX века».

Вопросы:

1. Историческая характеристика феноменологии, экзистенциализма, герменевтики.
2. Основные идеи данных направлений.
3. Особый тип рациональности в западноевропейской философии XX в.

Литература:

1. История философии: Запад - Россия - Восток (книга третья: Философия XIX-XX вв. - М., 1998) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.
3. Современная западная философия: Словарь. – М., 1991.
4. Киссель М.А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). – М., 1974.
5. Идеалистическая диалектика в XX столетии: (Критика мировоззренческих основ немарксистской диалектики). – М., 1987.

Лекция 29: Тема - «Исторические, политические, культурные особенности существования философии в России».

Вопросы:

1. Неоднородность литературы по истории философии в России.

2. Философия и система образования.
3. Отношение к классической европейской философской традиции в России.
4. Вклад отечественной мысли в мировую культуру (философский аспект).

Литература:

1. Лосский Н.О. История русской философии.
2. Зеньковский В.В. История русской философии.
3. История философии в СССР. В 6 т.
4. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И.Т. Фролова - М., 1989.
5. История философии: Запад - Россия - Восток (книга третья: Философия XIX-XX вв. - М., 1998) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
6. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. – СПб., 1995.

Лекция 30: Тема - «Идейно- философские течения XIX – начала XX вв. в России».

Вопросы:

1. Освещение идейно-философских течений XIX – начала XX в. в работе Н.О. Лосского.
2. Освещение идейно-философских течений XIX – начала XX в. в работе В.В. Зеньковского.
3. Освещение идейно-философских течений XIX – начала XX в. в учебнике «Введение в философию» (Ч. 1, под ред. И.Т. Фролова).
4. Освещение идейно-философских течений XIX – начала XX в. в работе А.Ф. Замалеева.
5. Освещение идейно-философских течений XIX – начала XX в. в учебнике «История философии: Запад - Россия - Восток» (под ред. Н.В. Мотрошиловой).
6. Заключение и выводы.

Литература:

1. Лосский Н.О. История русской философии.
2. Зеньковский В.В. История русской философии.
3. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И.Т. Фролова - М., 1989 г.
4. История философии: Запад - Россия - Восток (книга третья: Философия XIX-XX вв. - М., 1998) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.
5. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. – СПб., 1995.

Лекция 31: Тема - «Философия в России после 1917 г.».

Вопросы:

1. Философские дискуссии 20-30 гг.
2. Философские дискуссии конца 40- начала 50 гг.
3. Философия 60-80 гг.
4. Постсоветская философия.

Литература:

1. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И.Т. Фролова - М., 1989.
2. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. – СПб., 1995.

3. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. – М., 1990.
4. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском союзе. – М., 1991.

Лекция 32: Тема - «Заключение».

Вопросы:

1. Проверка исходной «рабочей гипотезы» нашего курса по определению философии историей европейской традиции философии («Увидеть за деревьями лес»).
2. Основные существенные признаки философии как фундамента человеческой цивилизации.
3. Возможные будущие «Ваши» встречи с философией: аспирантура, профессиональная деятельность, повседневная жизнь.
4. О предстоящем экзамене по курсу «Философия».

Литература:

1. Киселёв В.Н. Философия: программа с методическими рекомендациями. – М., 2002.
2. Философия и молодость. Откуда берется ум? Учиться мыслить! // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991. - С. 18-56 (или Ильенков Э.В. Учиться мыслить смолоду. – М., 1977).

6. Планы семинарских занятий по философии

72 часовой курс семинарских занятий по философии

I семестр (осенне-зимний)

Занятие 1.¹ Вопросы:

1. Организационные аспекты курса.
2. Рекомендуемая литература к нашему курсу.

Занятие 2. Вопросы:

1. Философия, ее специфика и место в культуре.
2. Структура философского знания. Историческое изменение проблематики и структуры философского знания.

Литература:

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник для ВУЗов. - М., 1996.
2. Миронов В.В. Философия. Учебник. – М., 1998.
3. Поупкин Р., Стролл А. Философия. Вводный курс: Учебник. – М., 1998.
4. Дженни Тейчман, Кэтрин Эванс Философия. Руководство для начинающих: Пер. с англ. – М., 1998.
5. Каменский З.А. Философия как наука. Классическая традиция и современные споры. – М., 1995.
6. Каменский З.А. История философии как наука. – М., 1991.
7. Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. Ч. 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. - М., 1991. – С. 9-129 («Предназначение и смысл философии, ее историческое развитие»).

Занятие 3. Вопросы:

1. Генезис (становление) философии. От мифа к логосу.
2. Проблема первоначала в милетской школе: Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и плюс «часть» Гераклита.

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. – Мн., 1999.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997.
6. Досократики. – Мн., 1999.
7. Семь мудрецов. Пророки и чудотворцы древности. – М., 2001.

Занятие 4. Вопросы:

1. Учение о гармонии и числе пифагорейцев.
2. Элейская школа: Парменид («Единое», «Тождество мышления и бытия», два пути познания) и Зенон Элейский (апории).

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.

¹ Темы семинарских занятий формулируются по лекциям, отличия только в вопросах и дополнительной литературе (к литературе лекций *прибавляется* данная литература).

2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. – Мн., 1999.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997.
6. Досократики. – Мн., 1999.

Занятие 5. Вопросы:

1. Гераклит: учение об Огне и Логосе, диалектика («Война») – в форме «противоположности», «Многознание уму не научает».
2. Эмпидокл: учение о четырех элементах, Любовь и Вражда.
3. Анаксагор: Семена (гомеомерии), Мировой Ум (Нус).

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. – Мн., 1999.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997.
6. Досократики. – Мн., 1999.

Занятие 6. Вопросы:

1. Атомизм Левкиппа и Демокрита: Атом и Пустота, Причина и Движение.
2. Познание по Демокриту: учение об «Истечении».
3. Интерпретация атомизма во взглядах на общество-государство.

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. – Мн., 1999.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997.

Занятие 7. Вопросы:

1. Софисты: общая характеристика.
2. Протагор: «Человек – мера всех вещей».
3. Горгий: тройное отрицание бытия – «Ничего нет. Даже если нечто существует, то непознаваемо. Даже если познаваемо, то невыразимо» (тождества нет между бытием, мышлением, языком).

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. – Мн., 1999.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997.

Занятие 8. Вопросы:

1. Сократ: ирония, майевтика, индукция, определение, этика.
2. Сократические школы: киники, киренаики, мегарики.

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.

3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. – Мн., 1999.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997.

Занятие 9. Вопросы:

1. Учение об идеях Платона: «Идея» и Вещи (отличие от атомизма Демокрита), познание идей («Припоминание»).
2. Идеальное государство Платона: три сословия и качества души, «казарменный коммунизм», типы государства.

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.

Занятие 10. Вопросы:

1. «Первая» и «Вторая» философии Аристотеля: умопостигаемый и чувственновоспринимаемый миры, критика теории идей, четыре причины, энтелехия (возможность и действительность).
2. «Органон» Аристотеля: категории (тождество бытия, мышления, языка – основной принцип европейской рациональности), силлогизм, три логических закона.
3. «Классификация наук» по Аристотелю: теоретические, практические, творческие науки.

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.

Занятие 11. Вопросы:

1. Эпикуреизм: «Канон», физика (развитие атомизма), этика (гедонизм).
2. Стоицизм: логика (традиция и новация), физика (власть судьбы), этика (аскетизм).

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.

Занятие 12. Вопросы:

1. Скептицизм: опровержение догматизма, тропы против чувственности и разума, изложение истории философии.
2. Неоплатонизм: Единое и Бог, три сферы бытия.

Литература:

1. Пролеев С.В. История античной философии. – М., 2001.
2. Антология мировой философии: Античность. – Мн., М., 2001.
3. Кисиль В.Я., Рибери В.В. Галерея античных философов: В 2 т. – М., 2002.

Занятие 13. Вопросы:

1. Соотношение веры и разума – центральная проблема средневековой философии: отношение к труду, линейность истории.

2. Августин Блаженный: философствование в вере, «Град земной» и «Град Божий».

Литература:

1. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. – М., 1979.
2. Копплстон Ф.С. История средневековой философии. – М., 1997.
3. Неретина С.С. Тропы и концепты. – М., 1999.

Занятие 14. Вопросы:

1. Фома Аквинский и доказательство «бытия Бога»: рационалистическая схоластика.
2. Спор об универсалиях: реалисты, концептуалисты, номиналисты.
3. Схоластический метод исследования: умозрение и дедукция, «спор о терминах».

Литература:

1. Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. – М., 1974.
2. Трахтенберг О.В. Очерки по истории западно-европейской средневековой философии. – М., 1957.
3. Копплстон Ф.С. Аквинат. Введение в философию великого средневекового мыслителя. – Долгопрудный, 1999.

Занятие 15. Вопросы:

1. Гуманизм «Возрождения»: возвышение «Человека», неопикурейство и «неоплатонизм».
2. Научная революция: коперниканский переворот, четыре технических изобретения (порох, компас, механические часы, книгопечатание).

Литература:

1. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. – М., 1980.
2. Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII вв. – М., 1991.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М., 1978.

Занятие 16. Вопросы:

1. Ф. Бэкон: виды опыта и типы исследователей, «Новый органон» (индукция и метод таблиц), классификация наук, теория «идолов».
2. Р. Декарт: сомнение, «Cogito ergo sum», «врожденные идеи», интуиция и дедукция, проблема субстанции, механицизм.

Литература:

1. Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 1. – М., 1974.
2. Соколов В.В. Введение в классическую философию. – М., 1999.
3. Субботин А.Л. Ф. Бэкон. – М., 1974.
4. Ляткер Я.А. Декарт. – М., 1975.

II семестр (зимне-весенний).

Занятие 17. Вопросы:

1. Т. Гоббс: концепция философии (принцип телесности и механицизм), познание (номинализм, конвенционализм, чувственный опыт).

2. Дж. Локк: критика «врожденных идей», сенсуализм («нет ничего в идеях того, что до этого не было бы в ощущениях»), «первичные и вторичные качества».

Литература:

1. Соколов В.В. Введение в классическую философию. – М., 1999.
2. Рахман Д. Дж. Локк. – Х., 1924.
3. Нарский И.С. Философия Дж. Локка. – М., 1960.
4. История философии. Т. II, философия XV-XVIII в. – М., 1941.

Занятие 18. Вопросы:

1. Дж. Беркли: субъективный идеализм («существовать, значит быть воспринимаемым»), критика «субстанции» и «материи».
2. Д. Юм: «впечатления» и «идеи» и «принцип ассоциаций», агностицизм («современный скептицизм»).

Литература:

1. Богомолов А.С. Критика субъективно-идеалистической философии Дж. Беркли. – М., 1959.
2. Нарский И.С. Западно-европейская философия 18 в. – М., 1973.
3. Нарский И.С. Философия Д. Юма. – М., 1967.
4. Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Огюст Конт / Сост. «ЛИО Редактор». – СПб., 1998. – (Жизнь замечательных людей).

Занятие 19. Вопросы:

1. Спиноза: субстанция (как причина самой себя), «пантеизм», мышление (самый совершенный атрибут субстанции).
2. Лейбниц: монадология (сравнение с атомизмом и «идеями» Платона), логика («борьба между рассудком и разумом»).

Литература:

1. Соколов В.В. Спиноза. – М., 1973.
2. Фишер К. История новой философии, пер. с нем., т. 2. – СПб., 1906.
3. Коников И.А. Материализм Спинозы. – М., 1971.
4. Погребынский И. Б. Г.В. Лейбниц 1646-1716. – М., 1971.
5. Майоров Г.Г. Теоретическая философия Г.В. Лейбница. – М., 1973.

Занятие 20. Вопросы:

1. Французское просвещение: энциклопедисты и материалисты.
2. Немецкое просвещение: школа Х. Вольфа.

Литература:

1. Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции 18 в. – М., 1977.
2. Момджян Х.Н. Французское просвещение XVIII в. – М., 1983.
3. Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязнов А.Ф. Западно-европейская философия XVIII в. – М., 1986.
4. Жучков В.А. Из истории немецкой философии XVII в. Предклассический период. От вольфовской школы до раннего Канта. – М., 1996.
5. Деборин А.М. Христиан Вольф – популяризатор немецкого просвещения // Деборин А.М. Социально-политические учения Нового времени. Т. 2. – М., 1967. – с. 96-107.

6. Аликаев Р.С. Немецкая философская терминология эпохи раннего Просвещения. – М., 1982.
7. Баскин М.П. Философия немецкого просвещения. – М., 1954.

Занятие 21. Вопросы:

1. Общая характеристика немецкой классической философии: исторические рамки, представители, идеи, историческое значение.

Литература: (литература к лекции № 21).

Занятие 22. Вопросы:

1. «Критика чистого разума» И. Канта: структура, принципы, следствия.
2. Постулаты практического разума: «категорический императив».

Литература:

1. Виндельбанд В. От Канта до Ницше. – М., 1998.
2. Гулыга А.В. Кант, 3 изд. – М., 1994.
3. Нарский И.С. Кант. – М., 1976.
4. Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). – М., 1998.

Занятие 23. Вопросы:

1. «Наукоучение» Фихте: «Я» порождает «Я», «Я» порождает «не-Я», «Я» порождает «Я» и «не-Я» одновременно.
2. Натурфилософия и философия тождества Шеллинга.

Литература:

1. Виндельбанд В. От Канта до Ницше. – М., 1998.
2. Бур М. Фихте. – М., 1965.
3. Гайденок П.П. Философия Фихте и современность. – М., 1979.
4. Лазарев В.В. Шеллинг. – М., 1976.
5. Гулыга А.В. Шеллинг, 3 изд. – М., 1994.

Занятие 24. Вопросы:

1. Гегелевская революция в логике: «Наука логики» (диалектика).
2. «Энциклопедия философских наук» Гегеля: структура, принципы, следствия.

Литература:

1. Бакрадзе К.С. Система и метод философии Гегеля. – Тб., 1958.
2. Овсянников М.Ф. Гегель. – М., 1971.
3. Гулыга А.В. Гегель, 2 изд. – М., 1994.
4. Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении: учебное пособие. – Самара, 1999.
5. Власов А.Д. Словарь по философии Гегеля: В 2 т. Т. II: Наука логики. – М., 2000.

Занятие 25. Вопросы:

1. Л. Фейербах: критика идеализма Гегеля, антропологический материализм («Сущность христианства»).
2. Последовательный материализм К. Маркса: материалистическая интерпретация природы идеального (проблема отчуждения).

Литература:

1. Быховский Б.Э. Л. Фейербах. – М., 1967.

2. Элез Й. Проблемы бытия и мышления в философии Л. Фейербаха. – М., 1974.
3. Лапин Н.И. Молодой Маркс, 3 изд. – М., 1986.
4. Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма, 3 изд. – М., 1986.
5. Степанова Е.А. Карл Маркс. – М., 1978.
6. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М., 1997.

Занятие 26. Вопросы:

1. «Первый позитивизм»: О. Конт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер.
2. «Второй позитивизм»: Р. Авенариус, Э. Мах.

Литература:

1. Нарский И.С. Очерки по истории позитивизма. – М., 1960.
2. Буржуазная философия кануна и начала империализма. – М., 1977.
3. Позитивизм и наука. – М., 1975.
4. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). – М., 1980.

Занятие 27. Вопросы:

1. «Третий позитивизм»: «логический позитивизм» («Венский кружок», «Львовско-варшавская школа»), аналитическая философия (Б. Рассел, Л. Витгенштейн).
2. «Четвертый позитивизм»: К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд.

Литература:

1. Структура и развитие науки. – М., 1978.
2. Философия и методология науки. – М., 1996.
3. Швырев В.С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. – М., 1966.
4. Козлова М.С. Философия и язык. – М., 1972.
5. Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М., 1998.

Занятие 28. Вопросы:

1. Феноменология: Э. Гуссерль.
2. Экзистенциализм: М. Хайдеггер, К. Ясперс.
3. Герменевтика: Г.Г. Гадамер.

Литература:

1. Мотрошилова Н.В. Принципы и противоречия феноменологической философии. – М., 1967.
2. Зотов А.Ф. Ранний Гуссерль и формирование феноменологического движения в европейской философии. – «Логос», 1991, №2.
3. Шварц Т. От Шопенгауэра к Хайдеггеру. – М., 1964.
4. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. – М., 1985.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.

Занятие 29. Вопросы:

1. Лосский Н.О. История русской философии: особенности отечественной философии.

2. Зеньковский В.В. История русской философии: особенности отечественной философии.
3. История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др.: особенности отечественной философии.

Занятие 30. Вопросы:

1. Светская философия в России (XIX – начало XX в.).
2. Религиозная философия в России (XIX – начало XX в.).
3. Место метафизики в российской философии (XIX – начало XX в.).

Литература:

1. Ванчугов В.В. Очерки истории философии «самобытно-русской» - М., 1994.
2. История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др. – М., 2001.
3. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.
4. Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII в. - СПб., 1996.
5. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть I и II. – СПб., 2000.
6. Христиан Вольф и философия в России. – СПб., 2001.

Занятие 31. Вопросы:

1. Институциональные изменения философии в России (советский и постсоветский периоды): факультет общественных наук и Институт красной профессуры, Институт философии АН и философский факультет МГУ, КОН, «отделение» психологии, социологии, политологии и религиоведения *от* или *в* философии, важнейшие философские «издания».
2. Традиция и новации в *структуре* философского знания в России (советский и постсоветский периоды): метафизика и диалектика, *Логика* и математическая «логика», «натурфилософия» и философия науки, история философии.

Литература:

1. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М., 1990.
2. История философии в СССР. В пяти томах. Т. 5, книга первая. – М., 1985.
3. Богданов Б., Иовчук М., Каганов В. Философские науки в СССР // Философская энциклопедия. В 5 томах. Т. 5. - М., 1970 - С. 359-369.
4. Философия в СССР и постсоветской России // Новая философская энциклопедия: В 4 т., Т. 4. – М., 2001. – С. 201-209.

Занятие 32. Вопросы:

1. Подведение итогов нашего курса.
2. Напутствие на будущее.
3. «Консультация».

7. Экзаменационные вопросы

I. Вопросы по курсу «Философия» для *студентов* химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Философия, ее специфика и место в культуре.
2. Структура философского знания. Историческое изменение предмета философии.
3. От мифа к логосу. Возникновение первых философских систем античности.
4. Космоцентризм античной философии, главные представители.
5. Онтология и космология досократиков. Диалектические идеи Гераклита.
6. Философия пифагорейцев.
7. Учение о бытии элейской школы. Апории Зенона.
8. Философия античного атомизма: Левкипп, Демокрит, Эпикур.
9. Жизнь и философия Сократа. Сократические школы.
10. Теория идей Платона.
11. Модель идеального государства Платона.
12. Метафизика Аристотеля.
13. Этическое учение Аристотеля.
14. Философия стоиков и эпикурейцев.
15. Скептицизм. Тропы против чувственности и разума в скептической философии.
16. Неоплатонизм.
17. Теоцентризм средневековой философии. Особенности философии в период патристики и схоластики.
18. Философия Августина Блаженного.
19. Фома Аквинский – систематизатор средневековой схоластики.
20. Основные проблемы средневековой философии: проблема доказательства бытия Бога, соотношение веры и разума, спор об универсалиях. Схоластический метод исследования.
21. Гуманизм и натурализм философии эпохи Возрождения.
22. Наукоцентризм философии Нового времени. Проблема метода познания.
23. Проблема субстанции в новоевропейской философии.
24. Ф. Бэкон – родоначальник эмпирической традиции. Индуктивный метод познания. Учение об идолах.
25. Принципы рациональной философии Р. Декарта.
26. Спиноза: учение о субстанции и мышлении.
27. Трактовка проблемы первичных и вторичных качеств Локком и Беркли.
28. Монадология Г. Лейбница.
29. Философия Просвещения и метафизический материализм.
30. Новоевропейский скептицизм. Агностицизм Д. Юма и И. Канта.
31. Общая характеристика классической немецкой философии.
32. И. Кант: поиск законов и границ человеческого познания. Идея активности субъекта познания.
33. Проблема свободы в философии Канта и Фихте. Постулаты практического разума.

34. Диалектика «Я» и «не-Я» в философии Фихте.
 35. Философская эволюция Шеллинга: от натурфилософии к философии откровения.
 36. Метод и система философии Гегеля.
 37. Соединение диалектики и логики у Гегеля.
 38. Критика идеализма и сущность религии по Фейербаху.
 39. Формирование и развитие марксистской философии.
 40. Социальная философия марксизма.
 41. Сравнение классического и современного типов философствования.
 42. Иррационализм и антисциентизм в философии XIX – XX веков.
 43. Позитивистская философия в XIX – XX в.
 44. Проблема демаркации научных и ненаучных знаний. Принципы верификации и фальсификации.
 45. Феноменология.
 46. Экзистенциализм.
 47. Герменевтика.
 48. Основные направления и главные проблемы отечественной философии XIX в.
 49. Осмысление исторической специфики и судьбы России в русской философии XIX – начала XX в.
 50. Философия в России после 1917 года.
- Экзаменационный билет состоит из двух вопросов: первый – один из 1-25 вопроса, второй – один из 26-50 вопроса.

II. Вопросы по философии для поступающих в аспирантуру естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова

I

1. Философия, ее специфика и место в культуре.
2. Формирование философии. Философия и мифология.
3. Буддизм.
4. Конфуцианство.
5. Космоцентризм философии Античности.
6. Теоцентризм философии Средневековья.
7. Наукоцентризм философии Нового времени.
8. Французский материализм XVIII века.
9. Немецкая классическая философия.
10. Особенности марксистской философии.
11. Иррационалистическая философская традиция.
12. Основные направления философии XX века.
13. Славянофилы и западники.
14. Натурфилософия: основные этапы развития.
15. Русская религиозная философия.
16. Русский космизм. Естественнонаучный материализм.
17. Философия позитивизма: основные этапы.
18. Русский духовный Ренессанс начала XX века.

19. Основные направления в гносеологии.

20. Основные направления в онтологии.

II

1. Пифагор и пифагореизм. Образ жизни и мировоззрение.
2. Атомизм Левкиппа и Демокрита.
3. Философия Сократа. Сократический метод (майевтика, ирония, индукция, определение).
4. Философия Платона. Мир идей и мир вещей.
5. Философия Аристотеля. Гилеморфизм. Учение о четырех причинах.
6. Философия Августина Блаженного. Бытие, время, человек.
7. Философия Фомы Аквинского. Вера и разум. Доказательства бытия Бога.
8. Философия Ф. Бэкона. Критика «идолов» и метод познания.
9. Философия Р. Декарта. Дуализм. Метод познания.
10. Философия Б. Спинозы. Пантеизм.
11. Философия Дж. Локка. Первичные и вторичные качества.
12. Философия Дж. Беркли. Начала человеческого знания.
13. Философия Д. Юма. Скептицизм.
14. Философия Г. Лейбница. Истины разума и истины факта.
15. Философия И. Канта. Теория познания. Постулаты практического разума.
16. Философия Г. Гегеля. Панлогизм.
17. Мировоззрение Ф.М. Достоевского. «Подпольный человек».
18. Философские идеи М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Анархизм.
19. Философия всеединства В.С. Соловьева. «Цельное знание».
20. Философские позиции Н.А. Бердяева. «Философия свободы».

Первая группа 20 вопросов посвящена *общим* теоретическим и историческим аспектам философии; вторая группа 20 вопросов – *конкретному содержанию* идей классиков философии. В экзаменационных билетах 2 вопроса: по одному из каждой группы¹.

¹РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ЭКЗАМЕНУ «ФИЛОСОФИЯ» В АСПИРАНТУРУ НА ЕСТЕСТВЕННЫЕ ФАКУЛЬТЕТЫ МГУ:

1. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. - М., 1981.
2. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. - М., 1991.
3. Соколов В.В. Европейская философия XV-XVI в. - М., 1984.
4. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. - М., 1986.
5. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX-XIX в. - Л., 1989.
6. История философии в кратком изложении (пер. с чешского И.И. Богута. - М.: Мысль, 1991.
7. Введение в философию. Т. 1-2. - М., 1989.
8. Мир философии. Ч. 1, 2. - М., 1991.
9. Философский энциклопедический словарь. - М., 1984.
10. Современная западная философия. Словарь. - М., 1991.

8. Список литературы и электронных текстов по курсу «Философия»

1. Справочная (энциклопедии и словари):

- a. *Философская энциклопедия. В 5 томах.* - М., 1960-1970.
- b. *Философский энциклопедический словарь. 2-е изд.* - М., 1989.
- c. *Новая философская энциклопедия: В 4 т.* – М., 2000-2001.
- d. *Современная западная философия: Словарь* - М., 1991 (2- изд. - М., 1998)
- e. *Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды.* - Изд. 4. – М., 2002.
- f. *Философский словарь Владимира Соловьева* – Ростов н/Д., 1997.

2. Учебная:

- a. *Введение в философию: Учебник для вузов. В 2-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И.Т. Фролова.* - М., 1989.
- b. *Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч.* - М., 1991.
- c. *История философии: Запад - Россия - Восток (книга первая: Философия древности и средневековья - М., 1995, книга вторая: Философия XV-XIX в. - М., 1996., книга третья: Философия XIX-XX в. – М., 1998, книга четвертая: Философия XX в. – М., 1999) /Под ред. Н.В. Мотрошиловой.*
- d. *Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 томах (Т. 1. Античность; Т. 2. Средневековье; Т. 3. Новое время; Т. 4. От романтизма до наших дней).* - СПб., 1995/97.
- e. *Лосский Н.О. История русской философии.* - (имеется несколько изданий).
- f. *Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В трех книгах (Книга первая: Введение в историю философии и введение в греческую философию. - СПб., 1993; Книга вторая: История греческой философии (продолжение). – СПб., 1994; Книга третья: История греческой философии (окончание), средневековая философия, новая философия. – СПб., 1994).*
- g. *История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др.* – М., 2001.

3. Тематическая: серия «Мыслители прошлого» издательства «Мысль» - М. (ниже перечислены произведения из этой серии, необходимые для данного курса «Философия»).

1964 г. *Шакирзаде А.С. Эпикур.*

1965 г. *Бур М. Фихте.*

1966 г. *Боргош Ю. Фома Аквинский.*

1967 г. *Быховский Б.Э. Фейербах.*

1969 г. *Асмус В.Ф. Платон.*

1970 г. *Быховский Б.Э. Беркли.*

1971 г. *Овсянников М.Ф. Гегель.*

1972 г. *Нарский И.С. Лейбниц.*

1973 г. *Заиченко Г. И. Локк; Нарский И.С. Юм; Соколов В.В. Спиноза.*

1974 г. *Субботин А.Л. Ф. Бэкон.*

1975 г. *Ляткер Я.А. Декарт; Мееровский Б.В. Гоббс.*

1976 г. *Кессиди Ф.Х. Сократ; Лазарев В.В. Шеллинг; Нарский И.С. Кант.*

1979 г. *Виц Б.Б. Демокрит.*

1981 г. *Чанышев А.В. Аристотель.*

1982 г. *Кессиди Ф.Х. Гераклит.*

1983 г. *Рожанский И.Д. Анаксагор.*

1985 г. *Семушкин А.В. Эмпедокл.*

- 4. Первоисточники:** (соответствующие произведения тех классиков философии, которые изучаются в данном курсе) – эта литература не носит обязательного характера, а осваивается факультативно (в основном знание соответствующих произведений желательно для вступительного экзамена по философии в аспирантуру).

5. Internet:

- a. <http://www.philosophy.ru> (сайт Института философии РАН).
- b. <http://www.philos.msu.ru> (сайт Философского факультета МГУ).
- c. http://www.spa.msu.ru/spa.php?inform/depspa/philmnet/philmnet_inc (сайт Кафедры философии и методологии науки Факультета государственного управления МГУ).

6. Компьютерные мультимедийные диски:

- a. *История философии: 10 подходов к истории философии.* – Выпущена ООО «ИДДК» в серии «Классика», тематическая группа «Русская история». – М., 2000.
- b. *«Фонарь Диогена». Антология истории идей: Интерактивный сборник мыслей и афоризмов от времен пирамид до наших дней.* – Рецензент: кафедра философии МАИ. – Россия, 1999.
- c. *Электронная версия «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона.* – Компания «Electro TECH Multimedia». – М., 1998.

Также литература, рекомендованная на лекциях и семинарских занятиях.